НОВАЯ ПОЛЬША

№12(26) 2001

Войцех Скальмовский Русские книги в библиотеке Гедройца

Что дает либерализм польской глубинке

Петр Мицнер о Театре Восьмого дня

ПАВЕЛ ЯСЕНИЦА СОЛДАТ, ИСТОРИК, ДИССИДЕНТ

Анджей Добош - писатель и книготорговец

Адам Загаевский Стихотворения

Эрвин Аксер Из дневника

Архиепископ Жицинский: О науке и вере

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Всех наших читателей,
сотрудников и друзей
поздравляем с наступающим
Новым годом и Рождеством Христовым

Редакция «Новой Польши»

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 12(26)
2001
ДЕКАБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Войцех Скальмовский 3
ЧАСТНЫЙ КРУГ ЧТЕНИЯ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА

Владислав Бартошевский 8
ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЕС

Виктор Кулерский 12
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Ежи Редлих 20
ЕСТЬ У НАС ДРУЗЬЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Лешек Бальцерович 23
«РЫНОЧНИКИ» И «АНТИРЫНОЧНИКИ»

Марцин Ковальский 24
ЧТО ДАЛ ЛИБЕРАЛИЗМ ПОЛЬСКОЙ ГЛУБИНКЕ

НАШИ ЛЮДИ

Малгожата Гутовская-Адамчик 27
Я СИЛЬНАЯ РАДИ НИХ

Лешек Шаруга 34
МЕЖДУ

Адам Загаевский 36
СТИХИ

Адам Загаевский 42
ПИСАТЬ ПО-ПОЛЬСКИ

Петр Мицнер 45
ТЕАТР ВОСЬМОГО ДНЯ

Валерий Мастеров 52
«ТЕПЕРЬ ПОЛЬША»

Збигнев Жбиковский 55
КАПИТАН ПОГИБШЕЙ АРМИИ

Павел Ясеница 60
ДНЕВНИК

Павел Ясеница 63
ОБ ИСТОРИИ

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Михал Гловинский 68
ПИСАТЕЛЬ И КНИГОТОРГОВЕЦ

Эрвин Аксер 70
ДИНА

ИЗ ПОД СПУДА

Антоний Венявский 70
МИНУТА ПРИМИРЕНИЯ

Николай Головкин 75
ПОЛЬСКИЙ СЛЕД НА КУБАНИ

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Петр Мюльднер-Нецковский 81
ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА «ЛАБУЗЬ»

Лешек Шаруга 84
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 87
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

БЕСЕДЫ К КОНЦУ СТОЛЕТИЯ

О НАУКЕ И ВЕРЕ 90
Беседа с Юзефом Жицинским

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, В.Британишский, Н.Горбаневская, К.Старосельская, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 8, 90), **J.Certowicz** (стр. 74), **E.Lempp** (стр. 68, 70), **S.Blaszczyk** (стр. 21, 22), **A.Baranowska** (стр. 27), **H.Dlugosz** (стр. 28,33), **J.Helander** (стр. 34), **Z.Orlowski** (стр. 45), **T.Kizny** (стр. 46,47,49), **W.Szulecki** (стр. 50), **Biblioteka Domu Literatury** (стр. 55).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглосци, 213
02-086 Варшава
телефоны: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению Министерства Культуры Республика Польша

Войцех Скальмовский

ЧАСТНЫЙ КРУГ ЧТЕНИЯ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА

Моя стихия — писаное слово.
Ежи Гедройц.
Автобиография в четыре руки

Как всякое обобщение, афоризм «скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты» истинен лишь частично, но фактом остается, что литературные вкусы того или иного человека много могут рассказать о его личности, ибо тут действует своеобразная обратная связь: прочитанные в молодости книги формируют или, по крайней мере, укрепляют взгляды и пристрастия, а те в свою очередь в дальнейшем руководят выбором нового чтения. Приведенные в качестве эпиграфа слова редактора «Культуры» относятся не к его повседневному труду — иначе это был бы лишь плеоназм, недостойный его лаконичного стиля, — но к его частному интеллектуальному и эстетическому опыту. Как он сам признаётся в том же контексте, другие области культуры интересовали его мало (живопись) или вовсе не интересовали (музыка). Ежи Гедройц был par exellence книжным человеком. Цель моего очерка — задуматься о «каноне» авторов, которых редактор читал не по профессиональной обязанности, а для удовольствия или же — если считал их значимыми для своего времени — для того, чтобы выработать собственное мнение о них. Упоминаний о такого типа чтении в доступных материалах немало, особенно в «Автобиографии» и в его переписке с различными людьми (включая автора этих строк), но документация эта еще не окончательна и не полна, поэтому настоящий текст не претендует на научность. Его цель — лишь в первом приближении дать ответ на вопрос, что редактор лично «любил, предпочитал и почитал», и наоборот, в просторном мире писаного слова.

В самой сжатой форме свои читательские предпочтения он изложил в двух важных фрагментах «Автобиографии», поэтому прежде всего приведу с небольшими сокращениями этот материал из первых рук. Первый фрагмент касается главным образом чтения времен молодости:

«Меня всегда увлекала русская литература. Я читал по-русски почти столько же, сколько и по-польски, т.е. очень много. Среди тогдашнего моего чтения фигурировали Достоевский, Леонид Андреев, Розанов. Самым важным для меня романом Достоевского были «Братья Карамазовы». К «Бесам» я отношусь недружелюбно, вероятно, потому что это единственная книга Достоевского, которую я прочитал в польском переводе. Перевод был такой отвратительный, что отвратил меня и от самой книги. Читал я и советских авторов, в частности Бабеля и, пожалуй, все произведения Пильняка. (...) Читал и Эренбурга, хотя не особенно его любил. Вообще я старался следить за советской литературой, к которой у меня был сравнительно легкий доступ.

Среди русских эмигрантов личные отношения у меня были главным образом с Философовым, который издавал газету «За свободу»; (...) «За свободу» печатала разных известных писателей, ныне совершенно забытых, как, например, Арцыбашева. (...)

Мое отношение к русскому языку, к русской литературе и поэзии было оборонительным. Русскую поэзию я предпочитаю польской. Но я очень боялся поглощения Польши русской стихией. Эта опасность была вполне реальна. Подавляющее большинство [польских] ссыльных растворилось в русском обществе. Даже в межвоенный период эта угроза не перестала существовать. Это было особенно видно на Кресах [восточных землях тогдашней Польши]. В Вильне, например, вся еврейская интеллигенция говорила по-русски и жила только русской культурой. Огромный успех [эмигрантских] хоров донских казаков, которые часто приезжали в Польшу, успех Вертинского, поклонником которого и я сам был (...), а в более серьезном регистре — число и популярность переводов из русской литературы, которой были зачарованы «Вядомости литерацке»[1], — все это свидетельствовало о натиске русской культуры на Польшу.

[1] Главный литературный еженедельник довоенного периода, леволиберальной направленности. К нему были близки поэты группы «Скамандр» — «скамандриты». — *Все подстрочные примечания, как и вставки в квадратных скобках в тексте, принадлежат переводчику.*

Из читанных до войны западных писателей назову Конрада, который всегда меня очень интересовал и которого я читал все, что можно было достать. Особенно я люблю у него «Сердце тьмы» и «Ностромо». Я не поклонник книги «Глазами Запада»; она мне кажется слишком пропагандистской, слишком односторонней. Из скандинавов, которых я читал много — их, кстати, переводили в больших количествах, — на первое место я ставлю Гамсуна, но не «Голод», а «Благословение земли». Томас Манн не произвел на меня сильного впечатления. Зато я взахлеб читал немецкие романы о I Мировой войне. Не любил я французских католических прозаиков, особенно Мориака, но уже после войны меня восхитила его «Записная книжка» — это лучшее, что он написал. Прибавлю из украинской литературы «Волынь» Самчука.

Упомяну еще о нескольких важных книгах на границе литературы и политики. Среди них была книга Малапарте «Техника государственного переворота»», которую я считаю выдающейся, и апологетическая биография Муссолини, написанная Эмилем Людвигом. Был у меня период увлечения Честертоном, которого тогда пропагандировали правые католические круги. Особенно меня заинтересовал «Наполеон Ноттингхилльский», пророческий роман о проблеме национализма, который вышел по-польски в очень плохом переводе и который следовало бы издать заново. (...) Честертон пробудил у меня интерес к английской литературе — Диккенсу, Киплингу и др. (...)

[В школе] я критически относился к великим польским поэтам[2], зато страстно увлекался Бжозовским и Жеромским. С польской романтической традицией я столкнулся только в гимназии и признаюсь, что мне это было попросту скучно. Зато от Бжозовского прямо невозможно было оторваться. Тогда я читал его романы: «Дембину» и «Огни», которые оказали на меня большое влияние. Но самое большое — Жеромский. Я был «жеромщиком» и в каком-то смысле до сих пор им остался. «Канун весны», который я читал значительно позже, стал для меня огромным переживанием, может быть, потому что мой отец был в Варшаве одним из создателей профсоюза городских служащих и в связи с этим имел много конфликтов и скандалов. (...) Общественную жилку я частично унаследовал от него».

Как мы видим, любимыми авторами Гедройца в молодости были из польских писателей Жеромский и Бжозовский, а из русских — Достоевский. «Братьев Карамазовых» он оценивал необычайно высоко. Уже под конец своей жизни, пересылая мне в письме (от 9 декабря 1998) анкету «Канон на конец века», предложенную группой варшавских издателей, он назвал то, что включил бы в него:

«А я между тем вижу «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Братьев Карамазовых» Достоевского, Оруэлла и «Легенду Молодой Польши» Бжозовского».

Симптоматично, что наряду с двумя писателями (Солженицыным и Оруэллом), «каноничность» которых он, вероятно, видел в их политической роли, он назвал также две любимые книги своей молодости. Может быть, не случайно и Жеромский, и Бжозовский сами воспитывались на русской литературе, влияние которой в их творчестве очевидно; с Достоевским их связывает та особая интенсивность чувств и представлений, которую сторонники определяют как «полную включенность», а менее восторженные читатели ассоциируют с неудачным стереотипом разгулявшейся славянской души. Но «племенное» или хотя бы стилистическое родство этих писателей мне кажется слишком слабой основой для того, чтобы установить какой-то общий знаменатель, объясняющий пристрастие к ним Гедройца.

Скорее, думаю, дело обстояло наоборот, и «большая тройка» воплощала для него два различных типа переживаний, отражения которых он искал в литературе: с одной стороны, ощущение бесконечной усложненности или прямо-таки «бездны» человеческой психики (Достоевский), с другой — потребность в какой-то структуре, преобразующей хаос в нечто положительное, в деятельность, заслуживающую одобрения, ибо она согласуется со шкалой ценностей, вынесенной из родительского дома (патриотизм и «общественническая жилка»). Обещание удовлетворить эту потребность в глазах молодого Гедройца воплощали именно Бжозовский и Жеромский. Характерно, что среди любимых произведений Же-

[2] По-польски то, что мы перевели как «великие польские поэты», определяется одним весьма возвышенным словом, в дословном переводе означающим «волхвы». В канон «волхвов», установившийся еще в XIX веке, входят только три поэта — Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий и Игнаций Красинский.

ромского он называет не прямо «несущий помощь» «Канун весны», а прежде всего вещи об идеале и самоотречении, т.е. «Розу» и «Верную реку». Так же обстоит дело и с Бжозовским, безжалостным критиком вкусовщины (как он писал, «вкусиков») и безыдейности «Молодой Польши» в «Легенде», а в «Огнях» — апологетом революционеров, жертвующих собственным счастьем ради идеалов, в которые они верят. Этот не слишком удачный литературно, но чрезвычайно «горячий» роман был в некотором смысле полемикой с «Бесами», и, может быть, нелюбовь Гедройца именно к этому роману Достоевского имеет более глубокие корни, чем всего лишь попавшийся ему плохой перевод? Достоевский видел в Верховенском и его соучастниках только хаос зла, в то время как революционеры и террористы Бжозовского — это люди, искренне преданные идее, а значит, заслуживающие уважения или хотя бы беспристрастного внимания, — и редактору «Культуры» такой взгляд на мир был попросту ближе. Несомненно, то же самое сочувствие к людям, действующим по «высшим», надличностным мотивам, продиктовало ему и отрицательную оценку «Глазами Запада» Конрада. Сейчас я жалею, что ни разу не спросил у редактора, что он думает о «Тайном агенте» того же автора, но можно полагать, что и этот роман он счел бы примитивно односторонним.

Пожалуй, эти три любимых писателя — а для упрощения два: Достоевский и Жеромский — позволяют сконструировать нечто вроде компаса, чтобы сегодняшний наблюдатель мог ориентироваться в истории частного круга чтения Ежи Гедройца. Как у всякого магнитного устройства, у него два полюса: «du côté de chez Dostoevski» простирается территория фантастических психологических сложностей, тумана и мрака, иногда отпугивающего, но всегда импонирующего богатством возможностей; а идя «в сторону Жеромского», мы вступаем на более надежную почву, ибо, хоть и орошенная слезами и кровью, она не вязкая, не предательская, а окруженная горизонтом, на котором виднеются такие ориентиры, как долг и человеческое достоинство. Указания этого скрытого где-то в подсознании компаса приводили к тому, что Гедройц как читатель и театральный зритель с равной свободой и удовольствием посещал обе стороны мира литературы: темную, запутанную, в широком смысле слова «достоевскую», т.е. романы Тадеуша Мицинского и Виткация[3], пьесы Мишеля де Гельдероде или даже «Царя-Духа» Словацкого, — и «светлую», ориентированную на общечеловеческие ценности, подчас даже наивную: Честертона, Гамсуна, Кадена-Бандровского, Ростворовского[3]. Особые чувства Гедройца к «Палубе» Ижиковского[3] тоже, пожалуй, объясняются тем, что это особливое произведение мастерски соединяет в себе как «достоевщину», так и ее противоположность, т.е. светлую рациональность такой напряженности, что она приобретает характер нравственной ценности. Разумеется, использованное здесь слово «достоевщина» — всего лишь вспомогательный, заместительный термин, относящийся скорее к типу тематического материала, нежели к определенному способу его трактовки; столь же и даже более подходящим термином была бы как раз «палубность» Ижиковского.

Проще говоря, представляется, что Гедройц отдавал предпочтение двум почти противоположным категориям литературы: той, что будоражит читателя картиной мира, лишенного надежности, «меры» и порядка, и той, что, наоборот, опирается на гармонию и иерархию ценностей. Как автор «Огней», так и автор «Думы о гетмане»[4] воплощали для него этот второй тип литературы, и тут есть смысл привести слова Гедройца из «Автобиографии», сказанные в контексте, который напоминает о его собственной, нечастной деятельности:

«В образе польской действительности у Скварчинского было что-то от Бжозовского и Жеромского: он прикладывал «обретенную помойку» к идеалу Польши и разрывался между действительностью и своим представлением о Польше, какой она должна быть».

Вернемся к его русскому кругу чтения. О том, что сама «русскость» не может достаточно объ-

[3] **Тадеуш Мицинский (1873-1918)** — поэт, драматург, прозаик поколения «Молодой Польши». **Виткаций (Станислав Игнаций Виткевич, 1885-1939)** — драматург, прозаик, художник, философ, теоретик искусства. **Юлиуш Каден-Бандровский (1885-1944)**, прозаик и публицист, в межвоенный период близкий к лагерю Пилсудского (к которому близок был и сам Гедройц). **Кароль Хуберт Ростворовский (1877-1938)** — драматург, поэт и публицист. **Кароль Ижиковский (1873-1944)** — прозаик, литературный критик.

[4] **Адам Скварчинский** (1886-1934) — писатель, публицист, один из идеологов лагеря Пилсудского.

яснить любви Гедройца к литературе на языке, который в ранней молодости был чуть ли не его вторым родном языком, свидетельствует тот факт, что при многочисленных и частых упоминаниях о Достоевском ни в «Автобиографии», ни в переписке совершенно не упоминается его классический pendant — Лев Толстой. Гедройц в высшей степени не любил восхвалений пассивности и предоставления ходу событий все решать, что было свойственно автору «Войны и мира». Зато сразу после Достоевского он назвал Леонида Андреева (1871-1919) и Василия Розанова (1856-1919). Это, наверное, следы очень раннего чтения. Розанов как писатель сегодня почти забыт[5], а о его «философии» можно сказать то, что написал о нем голландский славист Карл ван хет Реве в своей провокационной истории русской литературы: «Он собственно ничем другим не занимался, кроме рассуждений на все вообразимые темы общемировоззренческого типа».

И вообще-то я подозреваю, что названный в «Автобиографии» Розанов — это оговорка Гедройца (в последние годы жизни это с ним случалось) и что он имел в виду Алексея Ремизова (1877-1957), о котором в одном из писем к Ваньковичу (28 ноября 1951) написал: «Я в него, в его книги, влюблен». Гедройц познакомился лично с эмигрантом Ремизовым в Париже (тот жил там еще с 1923 г.), но с его давними произведениями наверняка был знаком раньше. Ремизов еще до I Мировой войны приобрел в России славу написанными несколько в духе «Молодой Польши» повестями «Пруд» (1907) и «Часы» (1908), которые — mutatis mutandis — слегка напоминают стиль Тадеуша Мицинского, а позже с любовью переделывал старые народные пьесы и писал произведения по образцу древнерусских поэм, мастерски жонглируя стилизованным под древность языком. Его мифологическая русскость «типологически» напоминала столь же мифическую Фландрию в творчестве Гельдероде, с которой Гедройц встретился в начале своего парижского периода.

Два других, ныне менее известных русских писателя, названные среди юношеского круга чтения Гедройца, — это вышеупомянутый Леонид Андреев, так называемый неореалист, а на самом деле неоромантик, влюбленный в жестокость и сенсационность (его излюбленная тематика — сумасшествие и галлюцинаторные описания состояния ужаса), и похожий на него, но еще более жестокий и циничный Михаил Арцыбашев[6] (1878-1927; главное произведение — «Санин»). Историки русской литературы зачисляют его в эпигоны Достоевского, но в стиле еще откровеннее «декадентском»: его тематика постоянно вращается вокруг смерти, поэтому его присутствие рядом с такими фигурами, как Ибсен или Стриндберг (как мы знаем, читавшихся в дружеском кругу в гостиной Боя-Желенского под розовый ликер), вполне естественно.

«Мы жили в атмосфере «Молодой Польши»...» — и из этой атмосферы многое в литературных пристрастиях Гедройца осталось на всю жизнь. Именно этим residuum можно объяснить его увлечение — уже в зрелом возрасте — творчеством бельгийского драматурга и прозаика Мишеля де Гельдероде (литературный псевдоним Адемара Мартенса, 1898-1962). Странно, что он ни разу не назвал его в «Автобиографии», потому что в переписке со мной он несколько раз подчеркивал, что его произведения некогда прямо «обожал», о чем, кстати, свидетельствует публикация в 1956 г. в «Культуре» ни на что не похожей драмы Гельдероде «Гоп, Синьор!» (в переводе Мариана Панковского). Гельдероде дружил с Юзефом Чапским, который, по-видимому, и «ввел» Гедройца в его прозу (в Польше тогда еще неизвестную), но возможно также, что Гедройц сам открыл его еще раньше в парижских театрах, где в 1948-1950 гг. ставили три пьесы Гельдероде: «Адскую роскошь», «Эскуриал» и «Варавву». Уже сами названия кое-что говорят о «декадентской» барочности стиля Гельдероде. Таким образом, он вполне подходил к «темной» стороне пристрастий Гедройца.

[5] С тем, что Розанов как писатель сегодня почти забыт, согласиться, конечно, нельзя: достаточно посмотреть, сколько переизданий его книг выходит в России, вплоть до полного собрания сочинений. Не был он забыт и в эмиграции, где выходили и его книги, и посвященные ему труды. Что касается следующей дальше оценки Розанова-философа, оставляем ее на совести голландского слависта (который, заметим, в свое время публично гордился тем, что в его издательстве, выпускающем книги на русском языке, не работает ни один русский).

[6] Напомним, что Арцыбашев четыре последних года своей жизни прожил в Варшаве, где и скончался.

Еще несколько слов о поэзии. В «Автобиографии» Гедройц говорит: «Я предпочитаю русскую поэзию польской», — но не уточняет, каких поэтов он читал в молодости. Вероятно русских символистов, т.е. Брюсова, Блока и Бальмонта, и совершенно точно — Игоря Северянина, который в 1910-е годы был необычайно популярен и оказал несомненное (уже, кстати, отмеченное Ижиковским) влияние как на скамандритов, так и на Галчинского. Эта несколько смущающая, с точки зрения «высокой литературы», читательская слабость Гедройца, pendant к его положительной оценке романсов Вертинского, осталась у редактора «Культуры» на всю жизнь, о чем свидетельствует как упоминание в письме ко мне (от 25 февраля 1987) об авторе «Ананасов в шампанском»: «...я его поклонник», — так и старательно подобранная коллекция переизданий сборников стихов Северянина в собрании «Института литерацкого» [книжного издательства «Культуры»].

В заключение небольшой комментарий о совершенно другом авторе — на этот раз прозы не художественной, а довольно фантастической, на границе философии, историософских рассуждений и эссе, — которым редактор «Культуры» был очарован в парижские годы.

Герман Кейзерлинг (1880-1946) был потомком аристократической немецкой семьи, осевшей в Латвии; он изучал философию в Германии, Швейцарии и Австрии, много путешествовал по Азии и обеим Америкам; в результате русской революции потерял все имущество и поселился в Германии, в Дармштадте, где в 1920 г. учредил своего рода частную академию, названную «Школой мудрости» и призванную служить распространению синтеза европейской и восточной, т.е. китайской и индийской, философии. Это заведение с названием, звучащим тоже в стиле «Молодой Польши», обладало высоким уровнем; его принимали всерьез такие тогдашние знаменитости, как Юнг, Фрейд и Макс Шелер. Этому способствовали многочисленные философско-социологические книги Кейзерлинга, содержавшие много верных, хотя весьма общих наблюдений и исторических прогнозов; особенной популярностью пользовалась его работа «Спектральный анализ Европы» (1928), своего рода сравнительная психология европейских народов, подходом напоминавшая знаменитый «Закат Европы» Шпенглера, хотя звучала книга Кейзерлинга менее пессимистически. Автор считал, что большевистская революция открыла в мире эру диктатур (кемализм, фашизм, вызревавший национал-социализм), после которой наступит «новый ислам» и всеобщий коллективизм; однако затем все должно кончиться «истинной экуменой», т.е. благодетельным синтезом культур Востока и Запада на «территории, очищенной злом». В 30-е годы Кейзерлинга много переводили, в том числе и на французский, и Гедройц, вероятно, познакомился с его книгами во французском переводе в начале своего парижского периода. (...)

Вообще, глядя на список «частных» авторов редактора «Культуры», ничему не надо удивляться. Каждый, кто знал хоть чуть поближе этого немногословного, владеющего собой и несколько застенчивого пожилого господина с хорошими манерами былых времен, должен был осознать, что в хлестком заглавии эссе Вацлава Збышевского о «Культуре» «Заблудившиеся романтики» (1959) верно, пожалуй, только существительное. Что до прилагательного, то никто из описываемых там людей никогда не выглядел «заблудившимся», а уж тем более сам редактор. В применении к нему правильно было бы сказать «потаенный романтик».

Перевод и примечания Натальи Горбаневской

Владислав Бартошевский

ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАСШИРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Выступление б. министра иностранных дел Польши проф. ВЛАДИСЛАВА БАРТОШЕВСКОГО в Дипломатической академии МИД РФ 6 февраля 2001 г.

В октябре Владислав Бартошевский ушел в отставку вместе со всем правительством Ежи Бузека, однако изложенная им концепция польской внешней политики отнюдь не потеряла значения. Особого внимания заслуживает все то, что Бартошевский говорил и делал для улучшения польско-российских отношений. *— Ред.*

Историю отношений между нашими народами, нашу совместную историю нельзя назвать ни простой, ни легкой. Разумеется, из нее можно выбрать — или, если угодно, выкроить — фрагменты, свидетельствующие о вражде и причиненных обидах. Можно и наоборот — сосредоточиться на событиях, свидетельствующих о взаимной дружбе. Однако в обоих случаях, по моему глубокому убеждению, мы будем совершать нечто предосудительное, а именно — манипулировать исторической правдой. Подобные манипуляции всегда небезопасны, ибо в конечном итоге приводят лишь к укреплению взаимных претензий и недовольства.

Нам известны пагубные результаты сокрытия правды о прошлом во имя сиюминутных интересов. Известны нам и мифотворцы, для которых попытки исказить историческую правду стали смыслом и способом существования. Их деятельность приносит вред всем нам. Но есть и другие... И здесь, в этой аудитории, я хотел бы с признательностью поблагодарить тех российских граждан, которые захотели и сумели сказать правду о Катыни, придав тем самым нашим отношениям духовное, нравственное измерение.

Да, историю отношений между нашими народами нельзя назвать ни простой, ни легкой. Но означает ли это, что она навсегда останется довлеющим над нами бременем? А если бы этого нельзя было избежать, то не лучше ли просто освободиться от груза тех времен, забыть обо всем и обратиться в будущее? На этот вопрос я отвечаю: нет, не лучше! Я говорю это и как бывший узник концлагеря в Освенциме, и как узник сталинского режима, зная, что наши народы объединяет общность перенесенных страданий, о которых ни в коем случае нельзя забывать. Кем бы мы стали, лишившись памяти об этих страданиях?

Но спросим себя: кем бы мы стали, полностью покорившись бремени прошлого и перечеркнув тем самым будущее?

И потому — ради будущего наших народов — нужно сделать историю их отношений гласной и, что еще важнее, признать, что это духовная, нравственная и политическая цель, к достижению которой обязаны стремиться обе стороны.

Посмотрим в глаза фактам: в течение последнего десятилетия Польша вступила на путь фундаментальных политических и экономических реформ, стала членом Организации Североатлантического договора и в ближайшее время вступит в Европейский союз.

Россия тоже начала трудный процесс преобразований и мужественно его продолжает. Мы, поляки, прекрасно знаем, какая именно Россия нужна Польше — демократическая, стабильная, процветающая, четко формулирующая свои цели на языке добрососедских отношений. Мы уверены, что того же

ожидает от Польши и Россия. Для обоих наших народов чрезвычайно важно, чтобы наши отношения развивались в духе дружбы, равноправия и взаимного уважения, как это сказано в тексте договора, подписанного в Москве 22 мая 1992 года. Таким образом, между нами существует своего рода общий знаменатель, перспектива общего блага, состоящего в понимании чаяний соседа. Я полагаю, что важным шагом на пути к такому взаимопониманию был визит министра иностранных дел Российской Федерации И.С.Иванова в Варшаву в ноябре 2000 года.

Содержание наших двусторонних отношений должно также обогатиться под воздействием трезвой, рациональной интерпретации двух факторов. Первый из них — факт возникновения в непосредственном соседстве с Польшей новых независимых государственных образований: Белоруссии, Украины и Литвы. Независимость этих стран — неотъемлемый элемент политической карты Европы. Поэтому укрепление стабильности и безопасности, а также продолжение демократических и рыночных преобразований в этих странах служит как делу нашего собственного развития, так и интересам всего региона. Второй (в хронологическом порядке) фактор — вступление Польши в Организацию Североатлантического договора и приближающийся момент ее вступления в Европейский союз.

Наше членство в НАТО, подкрепленное политической волей всех польских политических партий и группировок, от левого до правого фланга, укрепляет возможность формирования самых лучших отношений со всеми нашими соседями. Я хотел бы напомнить здесь слова моего предшественника на посту министра иностранных дел проф. Бронислава Геремека, который в своем выступлении в Российской Академии наук в январе 1999 г. сказал: «Являясь самым выдвинутым на восток членом НАТО, мы будем с точки зрения каждого союза тем, что в терминологии времен «холодной войны» было принято называть «прифронтовым государством»». Так вот, я торжественно заявляю, что мы не пользуемся и не будем пользоваться терминологией времен «холодной войны». Более того, мы хотим либо вообще избежать подобного восприятия пограничного государства, либо же придать этому термину новый, положительный смысл. Это, в частности, означает польско-российское сотрудничество в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), сотрудничество в рамках постоянного совета «НАТО—Россия», Совета евро-атлантического партнерства и программы «Партнерство ради мира».

В то же время Польша, действуя на благо дела международной безопасности, не ограничивает своей деятельности исключительно одним форумом — НАТО. Мы принимаем активное участие и в действиях, предпринимаемых ООН и ОБСЕ. Мы придаем большое значение ратификации, проведению в жизнь и проверке соблюдения договоренностей в сфере контроля над вооружениями и разоружения, а также средствам формирования доверия и реализации обязательств, вытекающих из документов ОБСЕ. Мы поддерживаем многосторонние усилия в области разоружения и контроля над вооружениями, в том числе мероприятия, направленные на предотвращение распространения оружия массового поражения и средств его доставки.

Народы не выбирают своей принадлежности к той или иной цивилизации и культурной самобытности. На протяжении тысячелетия Польша формировала свой облик на основе католицизма и римского права. Принадлежность Польши к Западу — это не результат случайных исторических обстоятельств, а укоренившийся исторический факт. На него не сумели повлиять ни разделы Польши, ни любые заклинания — будь то панславистские или сформулированные с помощью ленинистской терминологии.

Здесь я хотел бы остановиться на том, какой видит Польша объединенную Европу. Можно было бы посчитать попытку «обустроить» Европу, которая еще не приняла нас в свой круг объединенных в ней 15 государств, проявлением польской мании величия. Но я хотел бы напомнить, что так называемое возвращение в Европу стало квинтэссенцией мирной революции, совершившейся в 1989 г. в странах Центральной Европы. Рухнул «железный занавес», перестали существовать два противостоящих друг другу лагеря. Таким образом, для осуществления нового, подлинного объединения Европы потребовалось преодолеть наследие Ялтинского соглашения, обеспечить мир, безопасность, демократию и развитие, включиться в эту — несколько идеализированную — сферу общих ценностей и общего наследия. Практическим следствием воплощения идеала в жизнь стала готовность включиться в процесс европейской интеграции. Однако Польше не безразлично, в какой именно союз она будет принята в качестве полноправного члена. Именно поэтому мы выступали с собственными предложениями, говорили о том, какой мы хотели бы видеть Европу. Польская Республика, в 1989 г. отбросившая груз господствовавшей в течение 45 лет идеологии, заявила о своей готовности на практике проводить в жизнь западные ценности демократии, правового государства, свободного рынка, прав человека, от-

крытого общества. Она сочла, что Европейский союз может и должен развивать и распространять эти ценности. Она ожидала, что Евросоюз будет углублять интеграцию своих членов во всех областях, что он будет сбалансированным и гармоничным, без чьего бы то ни было доминирования; наконец, что он должен быть открыт для приема новых членов — и не только потому, что мы опасаемся всех неудобств, связанных со статусом «прифронтового государства». Мы намереваемся добиваться возможности полноценного участия в очередных этапах реформирования Евросоюза. В этой реформе мы видим шанс на повышение эффективности его функционирования и укрепление общности, основанной на солидарности.

Вступление Польши как в НАТО, так и в Европейский союз иногда воспринимают с опасением — как знак превращения нашей восточной границы в некий барьер, затрудняющий сотрудничество и ограничивающий контакты. Вряд ли эти опасения вытекают из добросовестного анализа фактов, касающихся развития отношений Польши со «старыми» членами Евросоюза. Наша западная граница в течение ряда лет представляет собой хороший пример сотрудничества во всех аспектах, которые должны стоять в центре внимания добрых соседей. Если бы мне предложили дать определение «добрососедских» отношений, то я ответил бы так: отношения между «плохими» соседями связаны с такими понятиями, как «доминирование», «вражда», «отчужденность», «зависть», тогда как ведущий принцип добрососедских отношений — взаимная выгода. Иначе говоря, я сказал бы, что проблема состоит не в дальнейшем повторении уже высказанных ранее опасений, а в выработке языка, позволяющего сформулировать объединяющие нас интересы, и в их эффективной реализации. Например, мы знаем, что будущее членство Польши в ЕС вызвало определенное беспокойство с восточной стороны нашей границы, связанное с перспективами пересечения ее гражданами соседних государств. «Раз они решили открыть границу, то теперь-то ее уж точно закроют» — как наверняка сказал бы герой популярной в Польше повести Ильи Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». И был бы не прав! Стандарты государств, входящих в Шенгенскую группу, не ставят себе целью блокировать перемещение людей через границы и обмен идеями, а их добросовестное соблюдение будет способствовать укреплению безопасности обеих сторон. Так что предлагаю ввести существенную поправку, которая гласит: «Раз они решили открыть границу, то она уж точно будет открытой!»

А вот другой пример: общими усилиями мы создали в 90-е годы современную инфраструктуру международных соглашений. Еще в 1992 г. были подписаны правительственные соглашения, позволяющие осуществлять региональное и трансграничное сотрудничество; более того, проведенная в Польше административная реформа наделила глав воеводств значительными полномочиями и автономией в области сотрудничества с заграницей. Мы к этому готовы. Но разве в этом контексте сотрудничество Польши с Калининградской областью достигло уровня, выгодного обеим сторонам? А ведь вопрос здесь стоит шире: речь идет об осуществлении (в рамках сотрудничества стран бассейна Балтийского моря под эгидой ЕС) экологических программ, проектов в области здравоохранения и образования, о развитии местного самоуправления и содействии инвестиционной политике. Короче говоря: процесс расширения Евросоюза на восток — это процесс расширения сферы стабильности и благосостояния, из которого непременно извлекут для себя пользу все соседние страны.

Я хотел бы сообщить вам, что мы с удовлетворением восприняли известие о принятии Европейской комиссией отчета о сотрудничестве Европейского союза с Калининградской областью. Главная цель этого отчета — указать совместные возможности решения проблем, с которыми в настоящее время сталкивается эта область, а также тех, которые могут возникнуть после расширения Евросоюза. Мы вполне осознаём, что после расширения ЕС на восток Калининградская область станет российским анклавом внутри него и это может стать причиной возникновения некоторых затруднений для жителей области, связанных с их поездками по территории ЕС или пересечением его границ, а также возможных трудностей в торговой деятельности в границах этого региона.

Польша совместно с Литвой будет участвовать в обсуждении, начатом по инициативе Евросоюза, стремясь выработать лучший из возможных вариантов сотрудничества Калининградской области с ЕС. Географическое соседство этой части Российской Федерации с Европейским союзом создает для Калининградской области, а также для непосредственно граничащих с ней государств неограниченные перспективы сотрудничества с целью решения важнейших проблем региона.

Польша как будущий член ЕС будет содействовать углублению партнерства между Россией и Евросоюзом, рассматривая вопрос о Калининградской области как составной элемент ликвидации экономических и социальных барьеров на европейском континенте. Таким образом, будущая восточная граница ЕС не превратится в новый «железный занавес» — наоборот, она будет способствовать более

тесному сотрудничеству стран-членов Европейского союза с его соседями. Благодаря происшедшим в 1989 г. глубоким социально-экономическим преобразованиям Польша сумела сегодня достичь крупных успехов в экономике, выражающихся в стабильно высоком на протяжении нескольких лет показателе экономического роста, в модернизации экономики, повышении уровня конкурентоспособности, создании прочного фундамента рыночной экономики и, как следствие, в улучшении благосостояния граждан. Ускорились процессы сближения Польши с Евросоюзом. С другой стороны, Польша остается важным экономическим партнером России в Центральной Европе. Поэтому представляется очевидным, что в рамках совместной польско-российской комиссии по вопросам торговли мы должны поддерживать развитие нашего экономического сотрудничества. Для этого необходимо завершить процесс ратификации договора о защите инвестиций, привести формы и масштаб сотрудничества в соответствие со стандартами, связанными со вступлением Польши в Евросоюз, а также выявить возможности расширения экспорта польских товаров на российский рынок.

Мы рассчитываем на рост торгового оборота между Россией и ЕС, из чего и Польша также извлечет ощутимую выгоду. Мы будем использовать возможности, создаваемые в этом отношении предложенной ЕС концепцией «северного измерения». В наших интересах, как и в интересах всего континента, лежит сочетание начинаний, относящихся к концепции «северного измерения», с начинаниями в области связи и телекоммуникаций на линии «Черное море — Балтийское море». Все это приводит к тому, что в экономических и торговых отношениях наша страна может сыграть роль важного связующего звена между экономикой Европейского союза и экономикой Российской Федерации, тем более что Польша была приглашена участвовать в осуществлении совместной стратегии ЕС в отношении России. Мы заинтересованы в успешном проведении ваших хозяйственных реформ, направленных на создание рыночной экономики; мы поддерживаем также начинания России, направленные на ее вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО). Повторю еще раз: исходя из своего многовекового исторического опыта, Польша нуждается в России стабильной, процветающей, демократической. Расширение НАТО и ЕС представляет собой обращенное к России предложение совместного построения европейской структуры безопасности и общего экономического пространства.

Недавно я просматривал опубликованные за последнее десятилетие статьи, касающиеся наших взаимоотношений. Из большинства этих статей я смог сделать вывод, что мы знаем друг о друге очень и очень мало. Однако из определенной их части следовало, что препятствием в этом нередко становятся пустые, поверхностные стереотипы. Но, как говорят русские, «слово — не воробей, вылетит — не поймаешь», или «что написано пером — не вырубишь топором». И вот я читаю такие легкомысленные, необдуманные слова — как в польских, так и в российских публикациях — о «традиционной враждебности поляков к России» и задумываюсь: почему же тогда именно в свободной Польше роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита» вошел в школьную программу? Почему в проводимых польскими газетами опросах читатели признавали этот роман одним из важнейших литературных произведений XX века? Почему именно в Польше два года назад были — впервые в мире! — изданы дневники и сценарии Андрея Арсеньевича Тарковского, почему в Польше не ослабевает восхищение читателей поэзией Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама? Чем же тогда объяснить, что польские интеллигенты — подвергавшиеся различным репрессиям со стороны коммунистического режима, обвинявшиеся в то время в антирусских настроениях — сегодня издают (при поддержке Национальной библиотеки) ежемесячник «Новая Польша», предназначенный для российской интеллигенции и объективно информирующий о наших успехах и наших трудностях? Мы были бы только рады появлению подобных инициатив с российской стороны.

Но разве всего этого достаточно? Крушение коммунистической системы открыло возможности свободного диалога между нашими народами, который должен проявляться не только в виде культурного обмена, но и в совместных общественных начинаниях и обмене опытом в области местного самоуправления. Мы готовы придать подобного рода начинаниям соответствующий размах. Вероятно, уже пришло время, чтобы наша молодежь, не отягощенная наследием тяжкого прошлого, начала встречаться и знакомиться друг с другом без посредников. Этому могло бы послужить осуществление идеи Дома встреч польской и российской молодежи. Настало время откровенного разговора, который должны вести между собой творческие круги, неправительственные общественные организации, средства массовой информации.

Хватит ли нам для всего этого мудрости и сил?

Уважаемые дамы и господа! После всего, что мне довелось пережить — и хорошего, и плохого (а опыт, как известно, учит нас быть осторожными реалистами), — сегодня я хочу быть оптимистом.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Фрагменты интервью с президентом Александром Квасневским: «История играет все меньшую роль. А значит, то, что было очевидным вкладом людей из «Унии свободы» в борьбу за польскую демократию до 1989 г. и в руководство польскими преобразованиями, все меньше значит на выборах. «Уния свободы» была партией традиционной польской интеллигенции (...) В Польше быть партией среднего класса — это значит быть партией трех процентов, ибо всего столько он составляет. (...) Разрегулированность государственных финансов в рискованных масштабах — это самый тяжкий упрек, который можно поставить уходящему правительству, — наряду с упреками в слишком далеко зашедшем снижении темпов экономического роста и недостаточном контроле за финансовыми результатами реформ. (...) В пакете новых импульсов развития безусловно должны были оказаться изменения трудового права и либерализация его предписаний. (...) Это наверняка нелегкая задача для «Союза левых демократических сил», ибо тут произойдет конфликт между предпринимателями и профсоюзниками. Но сегодня приоритетом должно быть развитие. (...) Требования предпринимателей касаются также изменений налоговой системы. (...) Принимая во внимание состояние госбюджета и крах государственных финансов, я не верю в какое бы то ни было снижение налогов. (...) Пора сказать полякам, что за все трудности, которые мы переживаем, дополнительно усиленные трудностями в мире, мы как нация должны платить сами. Никто за нас этого не сделает. (...) Период охлаждения польско-российских отношений остался позади. (...) Президент Путин и его окружение явно заинтересованы в том, чтобы восстановить нормальность в наших отношениях. (...) Путина весьма интересует судьба Калининградской области, а мы заинтересованы в том, чтобы включить Калининград во все европейские проекты. (...) По вопросу газа следует принять три тезиса. Первый (...) он не может быть элементом давления. Во-вторых (...) польская политика должна вести к разнообразию. Мы имеем полное право получать газ из Дании и Норвегии, и в Москве это понимают. В-третьих, следует рассматривать этот вопрос в экономических категориях. (...) Но действует общий принцип: всякое разнообразие выгодно. (...) Интеграции [в Евросоюз] я не вижу альтернативы. Задумываясь о том, что должно стать будущим Польши, если не членство в Европейском союзе, я не нахожу убедительного ответа. (...) Все хотят в Евросоюз. А что другого остается? Не записаться же Польше в Содружество независимых государств!» *(«Жечпосполита», 20-21 октября)*

На первом заседании Сейма 4-го созыва премьер-министр Ежи Бузек подал в отставку. Президент Александр Квасневский назначил главой правительства Лешека Миллера и вручил назначения 15 министрам, входящим в состав его кабинета. Маршалом Сейма избран Марек Боровский из СДЛС. Вице-маршалами стали Януш Войцеховский (крестьянская партия ПСЛ), Дональд Туск («Гражданская платформа»), Томаш Наленч («Уния труда») и Анджей Леппер («Самозащита»). ***(«Жечпосполита», 20-21 октября)***

Назначенный на пост премьер-министра Лешек Миллер пообещал: «Если кто-либо из кандидатов в министры начнет проводить собственную политику, то день, когда я это замечу, станет последним его днем на посту министра». Общество, имея опыт последних лет хаоса, склок, неповиновения в правительстве Бузека, возможно, примет такое заявление с облегчением. *(«Ньюсуик-Польша», 21 октября)*

Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич на встрече с дипломатическим корпусом: «Политики сменяются, но польская внешняя политика в ее принципиальных основах остается неизменной». ***(«Жечпосполита», 2 ноября)***

Правительство Лешека Миллера объявило о замораживании зарплаты в центральной администрации. Планируется также уменьшить расходы этого года на 8,5 млрд. злотых. 59% поляков ожидают, что новое правительство приведет к улучшению экономического положения страны. *(«Впрост», 28 октября)*

Проф. Марек Белька, министр финансов: «Если я сделаю что-то хорошее для экономики, то, с моей точки зрения, неважно, уволят ли меня, вы-

гонят или принесут в жертву на алтарь политики». *(«Впрост», 28 октября)*

Он же сказал: «Я рассчитываю на то, что Совет денежной политики снизит процентные ставки в течение ближайших месяцев почти на 4 пункта». В то же время политики из новой правящей коалиции предлагают лишить СДП независимости, если он проявит неуступчивость. Президент Польского национального банка Лешек Бальцерович в ответ заявил: «Политические угрозы и давление не будут рассматриваться как аргументы». *(«Газета выборча», 17 октября)*

Совет денежной политики снизил все процентные ставки на 1,5 пункта. Лешек Бальцерович негативно оценил правительственный план обложения налогом прибыли от сбережений, ибо это может уменьшить готовность делать сберегательные вклады, а она — условие новых капиталовложений. План обложения налогом прибыли от сбережений повлиял на малую степень снижения процентных ставок. Снижение процентных ставок положительно оценил министр финансов Марек Белька. *(«Жечпосполита», 26 октября)*

«Общественность была в шоке, узнав, что шестеро из девяти членов Совета денежной политики добиваются доплаты к жалованью за три года работы. Каждый из них требует свыше 325 тыс. зл. По-видимому, они сочли слишком скромной зарплату, составляющую в месяц почти 26 тыс. зл.». *(Наленч, «Впрост», 11 ноября)*

Государственная задолженность уже достигла 287 млрд. зл. и быстро растет. В долги влезает не только госбюджет. Займы, взятые государственными учреждениями здравоохранения, уже достигли почти полутора миллиардов злотых. Кредитами финансируют свои текущие потребности органы местного самоуправления. На возврат того, что государство задолжало, пришлось бы предназначить целых два годовых госбюджета. *(«Политика», 13 октября)*

«90% поляков, опрошенных ЦИОМом, считают, что государство должно обеспечить гражданам высокий уровень социальных пособий. В 1997 г. таковых было 75%. 45% опрошенных выступают за сохранение дефицитных государственных предприятий (1997 — 31%). 23% опрошенных — за приватизацию (1997 — 44%). (...) Между тем мы наблюдаем в Польше как раз кризис неудачного государства-опекуна, создать которое не могла бы себе позволить даже куда более богатая страна». *(Бронислав Вильдштейн, «Жечпосполита», 16 октября)*

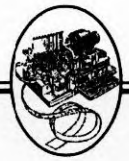
Яцек Куронь в обращении «Создадим «Гражданское движение»»: «Результаты последних выборов показывают, что общество сказало «нет» безжалостному, волчьему капитализму и выступило за государство, которое заботится о своем гражданине и защищает самых бедных от того, чтобы они платили цену преобразований. Я уважаю принципы эффективной экономики, но ее деятельность не может бить по человеку. (...) Я обращаюсь ко всем, желающим построения государства-опекуна, чтобы, взаимно поддерживая друг друга, приступить к его созиданию. (...) Заявления о вступлении в движение прошу посылать на мой адрес». *(«Газета выборча», 17 октября)*

Почти три миллиона поляков — безработные. Такой высокой безработицы не было семь лет. Все чаще безработными оказываются люди с высшим образованием — их число растет быстрее, чем общая численность безработных. Согласно прогнозам, безработица будет и дальше расти и весной 2002 г. может достигнуть 19-20%. *(«Жечпосполита», 3-4 ноября)*

В Польше действуют около 3 млн. малых и средних предприятий. По словам Генрики Бохняж, президента Польской конфедерации частных предпринимателей, их конфедерация «издавна добивается либерализации рынка труда, ибо действующие предписания сковывают владельцев фирм, повышают затраты на оплату труда и приводят к тому, что при первых признаках экономической напряженности предприниматель ищет экономии путем сокращения штатов. Все изменения Трудового кодекса за последнее десятилетие производились в направлении повышения прав работников за счет предпринимателей. С 1990 г. было внесено 40 изменений — и все невыгодные предпринимателям». *(«Ньюсуик-Польша», 21 октября)*

Сельские хозяйства площадью от 1 до 5 гектаров составляют 56% общего числа сельских хозяйств в Польше. Новой правящей команде недостало храбрости сказать крестьянам, что выживут только большие и современные хозяйства. Сегодня половина наших крестьян продает из собранного урожая меньше, чем проедает. 5 млн. крестьян и их семей будут вынуждены отказаться от сохранения своих хозяйств. *(«Ньюсуик-Польша», 21 октября)*

За последний год невозможно было найти желающих работать на 200 тыс. рабочих мест. В дей-



ствительности же вакантных должностей было еще больше, так как не обо всех объявляется. Это происходит в стране, где без работы остаются почти три миллиона человек. В течение ближайших пяти лет нам будет недоставать почти 60% лиц т.н. современных профессий, а если экономический рост окажется более быстрым, чем прогнозируется, то даже 70%, что означает полмиллиона новых рабочих мест. Развитие технологии приводит к тому, что до 2010 г. возникнут 150-200 тыс. рабочих мест, которые мы сейчас еще не можем ни назвать, ни охарактеризовать. Необходимых специалистов нет среди почти 200 тыс. выпускников высшей и средней школы. Из 120 тыс. человек, составляющих в Польше руководящие кадры, лишь 2% соответствуют западным стандартам. В действительности нам нужно свыше 100 тыс. специалистов только для управления экономикой. Среди почти 200 тыс. военнослужащих польских вооруженных сил не нашлось двухсот человек, способных занять места в командовании и штабах НАТО в Европе. ***(«Впрост», 21 октября)***

Первым решением правительства Миллера было на три года отложить изменения экзаменов на аттестат зрелости. Новые экзамены должны были стать единообразными, анонимными, проверяться и оцениваться вне стен школы. Планировавшееся на 2002 г. введение новой системы экзаменов предварялось пробными испытаниями. 17-39% выпускников не сумели решить легких математических задач. Новый министр образования Кристина Лыбацкая сочла, что новая система экзаменов — единая для всех — создает привилегии для богатых, тех, кто способен оплачивать репетиторов. Тем самым она признала, что обучение в сегодняшних школах фиктивно и программным минимумом способны овладеть только те учащиеся, которые занимаются дополнительно. Решение нового правительства — это успех серости: слабых учителей и таких же учеников. *(«Газета выборча», 23 октября)*

Арестована 30-летняя учительница из Злоторыи, четырежды подававшая сигналы ложной тревоги. Она позвонила в отделения трех банков и на почту, «предупреждая» о подложенной туда взрывчатке. ***(«Жечпосполита», 10 октября)***

Профессор Щецинского университета Станислав Н. приговорен Щецинским районным судом к 3 годам и 3 месяцам тюрьмы за взятки, которые он получал, чтобы ставить положительные оценки на экзаменах и зачетах. *(«Жечпосполита», 8 ноября)*

Апелляционный суд в Гданьске приостановил судопроизводство по делу Анджея Леппера, лидера «Самозащиты», в связи с его избранием в Сейм. В мае суд первой инстанции приговорил Леппера к году и четырем месяцам тюрьмы за оскорбление президента и двух бывших вице-премьеров. ***(«Жечпосполита», 18 октября)***

«На первом заседании Сейма нового созыва в достоинство вице-маршала Сейма возведен человек, у которого столько же общего с обычной порядочностью и уважением закона, сколько у Дон Жуана с супружеской верностью. К сожалению, Анджей Леппер — осложнение не только для тех, кто поддержал этого героя угнетенных поляков (СДЛС и ПСЛ). В том смысле, что теперь стало можно: побить человека, не выплачивать кредит, публично оскорблять людей [обвинения, по которым на Леппера были заведены дела]. Сегодня это стало стандартом политической культуры a la polonaise». *(Ярослав Маковский, «Тыгодник повшехный», 28 октября)*

Ян Новак-Езёранский о Леппере: «В любой другой цивилизованной, демократической стране политик, употребляющий непарламентские обороты речи, был бы раз и навсегда сметен с политической сцены. В Польше преступник, который объявил войну собственному государству, одерживает победу на выборах и входит в парламент как лидер партии, насчитывающей 53 депутатов. (...) Он будет представлять народ, имеющий право гордиться своими традициями, нравами и культурой». ***(«Газета выборча», 19 октября)***

Тадеуш Сирийчик, бывший вице-председатель «Унии свободы», ушедший со своего поста одновременно с бывшим председателем партии Брониславом Геремеком после поражения на выборах: «Я далек от того, чтобы проводить аналогии с историей крушения демократии и рождения тоталитаризма. Не хочу сравнивать господина вице-маршала Сейма Леппера с различными бесславными историческими фигурами, хотя он сам на это напрашивается. (...) Но все-таки я советовал бы почитать историю Германии 30-х гг., обращая особое внимание на различные тактические маневры цивилизованных партий, которые пытались использовать радикалов и авантюристов для проведения своих целей, зато не были способны сотрудничать друг с другом ради сохранения демократического порядка, который, как скоро оказалось, был необходимым условием их существования». *(«Газета выборча», 2 ноября)*

По опросу Лаборатории социальных исследований (ЛСИ), 50% поляков поддерживают из-

брание Анджея Леппера вице-маршалом Сейма, а 37% считают это решение плохим. ***(«Жечпосполита», 2 ноября)***

Сейм отстранил Анджея Леппера от должности вице-маршала Сейма. За такое решние проголо-совали 318 депутатов, против — 74. 21 депутат воздержался. В своем выступлении перед голосо-ванием А.Леппер обвинил во взяточничестве пятерых видных польских политиков, в том числе двух нынешних министров. «Прокуратура изучит выступление Анджея Леппера с точки зрения законности и справедливости названных событий» — заявила министр юстиции Барбара Пивник. *(«Жечпосполита» и «Газета выборча», 30 ноября 2001)*

248 из 460 депутатов нового Сейма впервые заседают в парламенте. Юридическое образование — у 66 депутатов. Схожие пропорции и в Сенате. Многие депутаты окончили всего лишь неполную среднюю школу. Все это, считает Кшиштоф Бурнетко, неизбежно отразится на качестве законодательной работы. ***(«Тыгодник повшехный», 11 ноября)***

«Первые дебаты в Сейме показали нам, чего мы можем ожидать от этого парламента. Чего угодно. (...) Дебаты такого неровного уровня позволяют опасаться, что ближайшие четыре года для части депутатов станут годами учебы, притом, возможно, потерянными, в то время как горстка других должна будет взять на себя ответственность за выживание государства вопреки части его парламентских представителей. (...) Деление по сути проходит не по границам коалиций и союзов. (...) Этот Сейм разделен на людей рассудительных и рассуждающих по-иному». *(Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 8 ноября)*

Тадеуш Сирийчик: «Я проиграл выборы в своем округе, притом человеку, на которого было заведено уголовное дело. Ожидаемые перемены, как видно, крайне глубоки». ***(«Политика», 13 октября)***

Депутат Ядвига Хоярская из «Самозащиты» избрана заместителем председателя комиссии Сейма по делам правосудия. Суд в Эльблонге ведет два дела против Хоярской: одно — по невыплаченным кредитам, другое — за подделку пропуска на свидание с сыном в тюрьме (приговоренным за разбой и вымогательство). *(«Жечпосполита», 25 октября)*

Председателем комиссии Сейма по делам государственного контроля стал депутат Анджей Пенчак из СДЛС. Будучи воеводой, Пенчак передал ценный строительный участок в аренду своей жене по заниженной цене; будучи замминистра финансов, он поддерживал интересы фирмы, в которой долю имела его семья; будучи депутатом Сейма предыдущего созыва, получал пенсию, не отказываясь от депутатского жалованья, что запрещено законом. ***(«Тыгодник повшехный», 4 ноября)***

Два новоизбранных депутата от «Самозащиты», Мечислав Ашкетович и Адам Олдаковский, обвиненные в нелегальном блокировании воеводского управления, объявили, что не откажутся от парламентского иммунитета. *(«Тыгодник повшехный», 21 октября)*

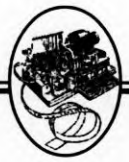
Районная прокуратура в Тарновских-Горах передала в суд второе обвинительное заключение на депутата от «Самозащиты» Станислава Дуляса. Оба обвинения касаются неуплаты страховых взносов за наемных работников в хозяйстве Дуляса, насчитывающем 200 гектаров почвы и 700 голов крупного рогатого скота. Дуляс заявил, что не откажется от парламентского иммунитета. ***(«Газета выборча», 13-14 октября)***

Бывший депутат от «Избирательного действия Солидарность» Марек Коласинский, подозреваемый в многомиллионных финансовых и налоговых мошенничествах, выехал из Польши, воспользовавшись дипломатическим паспортом, за два дня до того, как истек его парламентский иммунитет. *(«Газета выборча», 20-21 октября)*

На бывшего депутата Марека Коласинского Интерпол объявил международный розыск. ***(«Жечпосполита», 5 ноября)***

«Лишь за одну неделю пятеро новоизбранных парламентариев ускользнули от органов правосудия в лазейку парламентского иммунитета. (...) Хуже, однако, кое-что иное. Во-первых, не кто иной, как сами избиратели, отдав голоса людям, против которых ведутся уголовные дела, одобрили воровство (неуплата долгов и есть воровство), подделку документов и незаконные акции протеста. Во-вторых, в некоторых случаях сами судьи указывали будущим депутатам, как им избежать процесса». *(Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повшехный», 14 октября)*

По данным опроса, проведенного институтом изучения общественного мнения и рынка «Пентор», за отмену парламентского иммунитета высказываются 57% поляков, против — 29%. По



мнению 62% опрошенных, иммунитет — это путь ухода от уголовной ответственности, а 27% видит в нем защиту депутатов от врагов демократии. ***(«Впрост», 21 октября)***

Представитель по гражданским правам подал в Конституционный суд жалобу на использование парламентского иммунитета депутатами и сенаторами, против которых ведется следствие, судебный процесс или должен быть приведен в исполнение приговор. Он требует равенства всех граждан перед законом: иммунитет не может обеспечивать безнаказанность. *(«Жечпосполита», 19 октября)*

По опросу ЦИОМа, 77% поляков верят в Страшный суд, но в существование ада — только 59%, зато 34% верят в переселение душ. ***(«Жечпосполита», 31 октября)***

«На окраинах проигравшей ИДС, как одичалая тень наших правых, выросла «Лига польских семей»». (...) Цитатами из высказываний этой группировки можно было бы устлать не одну психиатрическую больницу, но как-то не по себе делается, когда видишь, что там есть камушки, которыми укрепляли рельсы, ведущие в Освенцим и Треблинку. Так что это не тема для шуток. (...) «Самозащита» же — это в свою очередь одичалая тень наших левых. (...) «Гражданская платформа» — вот наше народное ополчение циников. (...) Ни один из политиков «Платформы» не поехал в Едвабне [на траурную церемонию в 60-ю годовщину массового уничтожения еврейских жителей местечка с участием польских соседей], ибо они рассчитали, что это не окупится. Во время предвыборной кампании Анджей Олеховский не ответил ни на один вопрос, касающийся социальных трудностей. А Дональду Туску не мешают наши фашисты. Благодарю вас, господа либералы. «Уния свободы» совершила все ошибки, какие только можно представить, и теперь стала лежащим памятником растерянности польской интеллигенции. (...) Только СДЛС оказался партией с характером. Хотя характер этот не моего романа. (...) Польша — как расстроенное фортепьяно». *(Смеч, «Жечпосполита», 27-28 октября)*

««Самозащита» представляет прежде всего зажиточных крестьян. (...) Их главная цель (...) достичь такого состояния, чтобы крестьянин знал, что, сколько, за что и когда продаст. (...) «Лига польских семей» (...) это группировка, кормящаяся эгоцентризмом — от антисемитизма до других видов ксенофобии. Это партия ненависти к национально и религиозно чуждым как в Польше, так и за рубежом. (...) Успех «Закона и справедливости», с его репрессивными идеями в области права и борьбы с преступностью, следует признать умеренным. (...) Резко авторитарная и репрессивная настроенность характерна примерно для четверти взрослых поляков. (...) «Гражданская платформа» получила не такой хороший результат, как ожидалось, ибо не посмела недвусмысленно обратиться к мелким и средним предпринимателям. (...) За успехом коалиции СДЛС с «Унией труда» стоят не только экономические неудачи правительства Ежи Бузека. Недовольство возбудила не бедность, а сигналы о том, что может быть еще хуже, что труднее будет выплачивать взятые кредиты. (...) И вот мы имеем Сейм, в который можем глядеться как в зеркало. Таковы мы и есть. (...) Наверное, такими мы будем и в дальнейшем. Политические ориентации будут определяться экономическими интересами и глубоко укорененными этническими и политическими травмами. (...) Может быть, это малоприятная картина национального характера. Но это уж дело вкуса». ***(Ян Ершина, «Тыгодник повшехный», 21 октября)***

Проф. Ежи Клочовский на церемонии вручения ему премии им. Ежи Гедройца, присуждаемой газетой «Жечпосполита» за деятельность на благо польских государственных интересов: «У нас есть возможность внести в Европу все лучшее из наших традиций. (...) Мы должны делать это, высоко держа голову, без комплексов. И помнить, что Польша — великое дело». *(«Жечпосполита», 10-11 ноября)*

Владислав Фрасынюк, избранный председателем «Унии свободы» вместо Бронислава Геремека, сказал в своей речи: «Вы говорите обо мне «варвар в саду» [«Варвар в саду» — название знаменитой книги эссе Збигнева Херберта]. Вы говорите: он вуза не кончал, не бывал на заграничных стипендиях, не разбирается в виски, не курит хороших сигар. Да, я варвар. (...) Но после 11 сентября в мире и после 23 сентября в Польше [дня парламентских выборов] у нас новая действительность, так что, может быть, пришло время поставить варвара во главе партии». 47-летний Фрасынюк окончил автомобильный техникум, был одним из лидеров подпольной «Солидарности», владеет транспортной фирмой. ***(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 15 октября)***

По мнению епископов польской католической Церкви боевые действия против террористов, предпринятые на территории Афганистана, входят в категорию праведной войны, ибо представ-

ляют собой ответ на неправедное нападение и при исчерпанности других возможностей действия пропорциональны провокации. *(«Тыгодник повшехный», 13-14 октября)*

Президент Александр Квасневский при посещении мечети общины польско-литовских татар в Гданьске: «Я хочу сказать моим соотечественникам в Польше, что татарская община, которая живет с нами шестьсот лет, — это часть нашей страны, группа, которая внесла огромный вклад в нашу историю». Председатель Союза польских татар Селим Хазбиевич в ответной речи сказал: «Это посещение доказывает, что высшие власти страны понимают наше положение. Мы не имеем ничего общего с исламским фундаментализмом». Квасневский — второй президент Польши, посетивший мечеть; первым был Игнаций Мостицкий, в 1930 г. побывавший в виленской мечети. *(«Жечпосполита» и «Газета выборча», 13-14 октября)*

6 ноября в Варшаве представители 17 центральноевропейских, прибалтийских и балканских государств, в т.ч. 13 президентов, а также наблюдатели, в частности от России, США и Евросоюза, участвовали в конференции по борьбе с терроризмом. На конференции было принято совместное заявление и план действий, а также было решено продолжать обсуждение проблемы путем рабочих встреч. *(«Жечпосполита», 7 ноября)*

В варшавском арсенале Управления армейского имущества кончаются запасы противогазов, снятых с оснащения армии. В магазинах с оборонительными товарами продажа противогазов возросла почти на 100%. Еще больше спрос на новые противогазы. «Маскполь», единственный их производитель, не поспевает их выпускать. Оптовики делают заказы даже на 100-200 тыс. противогазов. Магазины заказывают также маски, защищающие от биологического оружия. Цены не отпугивают: полумаска многократного использования шведского производства стоит 555 злотых. *(«Впрост», 21 октября)*

Почти в 20 раз дороже, чем в США, стоит в Польше простой полис страхования жизни. Вероятность того, что 35-летний американец переживет ближайший год, в 4 раза больше, чем у его ровесника-поляка. *(«Жечпосполита», 25 октября)*

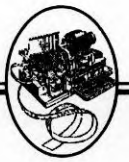
80% поляков не чувствуют себя в безопасности в собственной стране. В прошлом году было совершено 1,2 млн. преступлений — на 20% больше, чем в 1999 году. Раскрываемость за тот же период возросла на 2 пункта и составляет 42%. Чумой, совершенно вышедшей из-под контроля, стали мелкие кражи, зато в борьбе с организованной преступностью полиция одерживает успехи. В прошлом году ликвидированы 158 преступных групп. На 9% повысилось число преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Экономические преступления нанесли государственной казне потери в размере почти миллиарда злотых, т.е. в 2 раза больше, чем в предыдущем году. *(«Ньюсуик-Польша», 21 октября)*

Проф. Витольд Кулеша, начальник следственного отдела Института национальной памяти: «С документами о преступлениях, которые совершали во время и после войны поляки против польских граждан-евреев, я встретился, когда мне пришлось изучать обстоятельства погрома в Кельце, происшедшего 4 июля 1946 года. (...) Преступления совершались на территории всей страны. Из дел следует, что главным образом в деревнях и малых местечках. (...) Жертвами убийств во всей Польше только в 1946 г. пало несколько сот евреев. В 1945 г. тоже несколько сот евреев погибли от рук поляков. Преступления совершались и во время оккупации. Особенно меня потряс случай доноса на еврейского ребенка, сделанного 12-летним мальчиком из интеллигентной семьи. Он сказал польскому полицаю: «Евреев нам в Польше не нужно». Вывод напрашивается простой: так его воспитали». *(«Жечпосполита», 27-28 октября)*

Неизвестный вор, который украл портативный компьютер, принадлежащий Институту национальной памяти, и, сорвав метку, собирался его продать, вернул украденное, после того как было объявлено, что компьютер принадлежит прокурору Радославу Игнатьеву, начальнику следственного отдела в отделении ИПН в Белостоке, и что на диске записаны материалы следствия по делу об убийстве евреев в Едвабне. *(«Газета выборча», 30 октября)*

В приходской церкви в Нешаве прошло покаянное богослужение во искупление преступления, совершенного весной 1945 г. против немецкого гражданского населения польской милицией. В водах Вислы милиция утопила полтора десятка немцев. *(«Тыгодник повшехный», 28 октября)*

По заявлению Анджея Пшевозника, генерального секретаря Совета охраны памяти борьбы и мученичества, подтвердились сведения о том, что в Быковне под Киевом находятся массовые захоронения польских офицеров. Там найдено 70 пар польских офицерских сапог, пуговицы от мунди-



ров, монеты и записная книжка. Среди документов есть также шоферские права на имя человека, фамилия которого входит в т.н. украинский катынский список, включающий около 3,5 тыс. фамилий. Неизвестным остается еще т.н. белорусский катынский список, т.е. фамилии офицеров, которые, по всей вероятно, погребены в Куропатах под Минском и других местах Белоруссии. Мы не знаем судьбы более чем 7 из 22 тыс. польских граждан, казненных по одному и тому же приказу высших властей СССР от 5 марта 1940 года. До сих пор обнаружены места погребения 15 тыс. офицеров и полицейских в Катыни, Харькове и Медном. Военная прокуратура Российской Федерации продолжает следствие. ***(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 3-4 ноября)***

Из интервью с Глебом Павловским, советником президента Путина и главой «Фонда эффективной политики»: «До сих пор мы поддавались панике, заслоняясь историей, собственными комплексами. У всех у нас они есть: у Польши по отношению к России и у России — к Польше. Комплексы не могут быть основой политики. (...) Когда начнется реальная оценка проблем и мы найдем хотя бы малое пространство общих интересов, комплексы будут играть меньшую роль. (...) Нужно разговаривать на темы торговли, инвестиций — ведь польские инвестиции в России маргинальны; давайте разговаривать о Калининградской области. Следует избегать решения геополитических проблем — Польша и Россия на некоторое время должны воздержаться от дискуссий на эти темы. Подумаем друг о друге со здоровым цинизмом». *(«Впрост»)*

Президенты Александр Квасневский и Владимир Путин торжественно открыли в Москве Дни польской культуры и техники. Президент Путин призвал польских и российских ученых задуматься о будущем Калининградской области, которая может стать анклавом в объединенной Европе. ***(«Впрост», 21 октября)***

Президент Путин приедет в Польшу с официальным визитом 16-17 января 2002 г. — так договорился с российским президентом Александр Квасневский во время своего визита в Москву. Сам Путин констатировал, что в контактах между Москвой и Варшавой сегодня нет ни одной щекотливой проблемы. *(Славомир Поповский из Москвы, «Жечпосполита», 16 октября)*

«Известный украинский политолог Володимир Полохало (...) через несколько дней после выборов в Польше заявил, что стратегическое партнерство между Киевом и Варшавой отходит в прошлое в пользу оси Варшава—Москва. Полохало и тех, кто думает так же, как он, президент и новое правительство должны на деле убедить, что они ошибаются. Надо найти формулу сотрудничества в треугольнике Киев—Москва—Варшава». ***(Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 15 октября)***

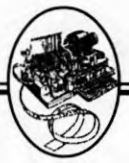
Из интервью с Влодзимежем Цимошевичем, министром иностранных дел (в момент интервью еще кандидатом на этот пост): «Надо проявить несколько больше активности в отношениях с соседями с Востока. К счастью, (...) есть возможность улучшить сотрудничество с Россией. В отношении Украины мы, разумеется, будем продолжать то, что стало устойчивым элементом нашей внешней политики. (...) Пять лет тому назад я был во Франции и встретился с президентом Шираком. Две трети нашего разговора мы посвятили украинским делам. На следующий день в Париж прибыл президент Кучма, и Ширак рассказал ему об этом. По случайности мы встретились с Кучмой на парижской улице. Он бросился мне на шею, благодаря за то, что я сделал. Самый трудный случай — это Белоруссия. У всех, в том числе и у Польши, есть основания размышлять, как дальше строить отношения с этим государством. Мы должны размышлять [об этом] больше, чем другие, так как наши страны многое связывает: я имею в виду национальные меньшинства по обе стороны границы». *(«Жечпосполита», 19 октября)*

Во время визита в Литву президент Александр Квасневский, в частности, обсудил с президентом Вальдасом Адамкусом вопросы строительства автострады Вильнюс—Варшава и создания энергетического моста, соединяющего обе страны. ***(«Жечпосполита», 17 октября)***

Президент Квасневский: «Вовсе не удивлюсь, если в какой-то перспективе Россия станет членом НАТО». *(«Впрост», 28 октября)*

11 ноября в государственный праздник, День Независимости, 83-ю годовщину обретения Польшей независимости после 123 лет разделов, главные торжества с участием президента, правительства, представителей парламента, а также дипломатического корпуса прошли у могилы Неизвестного солдата в Варшаве. ***(1-я программа Польского радио, 11 ноября)***

НАТО критически оценивает боеспособность польской армии. Участники конференции о месте Польши в НАТО предостерегали против тревожной перспективы торможения реформ и двусмыс-



ленного отношения к европейским оборонительным начинаниям. *(«Жечпосполита», 29 октября)*

Войцех Стецкий, сержант 56-го вертолетного полка, запатентовал пулю, которая не убивает, а лишает раненого сил. Пуля предназначена для пистолетов типа парабеллум. При попадании пуля дает примерно тот же эффект, что удар кулаком. Такие пули можно использовать для борьбы с террористами в самолетах, так как они не грозят пробоиной корпуса и разгерметизацией пассажирского салона. Производить эти пули, видимо, будет металлозавод «Меско» в Скаржиско-Каменной. *(«Впрост», 11 ноября)*

67 678 женщин были жертвами насильственных действий в семье в 2000 г. — на 12 483 больше, чем в предыдущем. Изнасилований зарегистрировано 2399, на 370 больше. Полагают, что число изнасилований, о которых не было заявлено, в 50 до 100 раз больше. В прошлом году зарегистрировано также 36 399 случаев разбоя — на 5766 больше, чем в 1990-м. *(«Газета выборча», 5 ноября)*

По последним данным Международной организации по делам миграции при ООН, из Польши каждый год вывозят и продают около 10 тыс. женщин. Польский фонд «Ла Страда» уже шесть лет проводит профилактическую и информационную деятельность в отношении торговли женщинами. Большинство женщин связываются с фондом через «телефон доверия». В 2000 г. этим телефоном воспользовались 1986 раз. Свыше ста женщин просили помощи, и почти все получили ее. *(«Жечпосполита», 29 октября)*

Из опроса, проведенного по заказу кафедры криминологии краковского Ягеллонского университета, вытекает, что проституцию сегодня рассматривают как рыночную профессию (68% опрошенных), как занятие, сознательно выбранное (62%) и гарантирующее приличный заработок (61%). Проституцией по доброй воле занимаются в Польше свыше 200 тыс. женщин и около 5 тыс. мужчин. 10% проституток меньше 18 лет. *(«Впрост», 4 ноября)*

Две польских и четыре чешских гражданки, которым в Амстердаме не позволили легально заниматься «хозяйственной деятельностью», подали жалобу в суд, ссылаясь на положения международного договора об объединениях. Голландский суд, не разрешив своих сомнений, можно ли рассматривать проституцию как хозяйственную деятельность, обратился в Европейский суд по вопросам правосудия в Люксембурге. *(«Тыгодник повшехный», 13-14 октября)*

Поляки все чаще требует возмещения за действительный и воображаемый ущерб. Они все больше осознают свои права и возможности. Суды назначают все более крупные суммы возмещения. Только по делам о возмещении ущерба за врачебные ошибки в 2000 г. было начато свыше 1300 гражданских дел. Еще пять лет назад присуждаемые суммы редко достигали десятков тысяч злотых — теперь случаются и миллионные. Вот несколько примеров судебных постановлений: 2 млн. зл. за аннулирование разрешения на строительство супермаркета; 150 тыс. зл. за плохо принятые роды и устойчивую травму мозга новорожденного; 42 тыс. зл. за хирургическую салфетку, зашитую в брюшной полости во время операции; 20 тыс. зл. за беззаконное увольнение директора гимназии; 1700 зл. за покусанный лошадью «Фольксваген». *(«Ньюсуик-Польша», 4 ноября)*

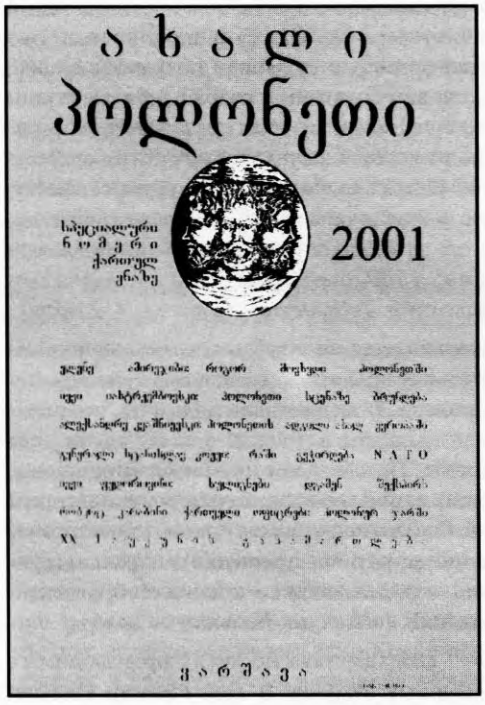
Несколько десятков судебных дел оставило ушедшее в отставку правительство новому кабинету Лешека Миллера. Люди начинают понимать, что у власти можно выиграть в суде или хотя бы что-то у нее выторговать. Преобладают претензии трудящихся, требующих акций своих приватизированных предприятий. Большую группу составляют также жалобы на административные решения центральных учреждений — по делам о выдаче концессий, согласий и разрешений. *(«Ньюсуик-Польша», 4 ноября)*

Мы — сверхдержава по числу производимых промышленных отходов. В этой области Польша занимает третье место после Великобритании и Франции. Каждый год наши горы мусора вырастают на 125 млн. тонн. До сих пор мы уже накопили свыше 2 млрд. тонн, складированных на 11 тыс. гектаров. *(«Политика», 27 октября)*

Фонд «Алетея» издал в Варшаве книгу Джона Грея «После либерализма» в переводе Павла Мацеека и Петра Рымарчика. Павел Спевак в рецензии на книгу цитирует: «Мы должны поставить границы нашей алчности и антропоцентрическому подходу. (...) Число благ конечно, технологический прогресс имеет свой предел. Мы должны стать на сторону Земли, что повлечет за собой огромное сокращение человеческих чаяний. Более того, это означает, что люди должны увидеть себя как частицу жизни, которая знает свое скромное место и выписывается в повторяющийся цикл бытия». *(«Жечпосполита», 18 октября)*

Ежи Редлих

ЕСТЬ У НАС ДРУЗЬЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ



Польский президент посетил с официальным визитом страну, переживающую политический кризис. За несколько дней до визита президент Грузии Эдуард Шеварднадзе распустил правительство и принял отставку председателя парламента. Эти шаги, похоже, укрепили положение президента, хотя бы настолько, чтобы он смог достойно принять Александра Квасневского. В свою очередь, Шеварднадзе связывал с этим визитом надежду на то, что Европа станет обращать на Грузию больше внимания. В первый день визита, 12 ноября, грузинский президент в радиоинтервью сказал: «Визит Александра Квасневского отражает возрастающий интерес Польши и других государств Центральной Европы к Юго-Восточной Европе, Южному Кавказу и особенно Грузии». Тон публикаций в прессе (вне зависимости от политической ориентации изданий и телеканалов) в преддверии и во время визита был примерно одинаковым: Польша может сыграть роль посредника между Европейским союзом и Грузией, между НАТО и Грузией. Вот характерные заголовки в тбилисских газетах после первого дня переговоров между Квасневским и Шеварднадзе: «Польша — мост в Европу», «Польша поможет Грузии освободиться от влияния России». Этот последний заголовок представляется несколько преувеличенным, ибо в двусторонних переговорах не было замечено никакой антироссийской тональности, хотя Квасневский выразил недвусмысленную поддержку независимости Грузии и президенту Шеварднадзе, пытающемуся справиться с политическим кризисом. В своем выступлении в центре «Восток—Запад» Квасневский выразил уважение Шеварднадзе как одному из творцов перестройки в СССР, поборнику свободы и самоопределения наций, а также независимости Грузии. Эти комплименты по адресу хозяина даже вызвали смущение у некоторой части присутствующих (представителей грузинской интеллигенции), среди которых были и противники Шеварднадзе. Зато они с удовлетворением приняли заявление польского президента о неотторжимости Абхазии от Грузии и о необходимости мирного решения конфликта в Абхазии.

Интересно анализировал значение визита Квасневского в своем телеинтервью известный грузинский политолог Зураб Чиаберашвили, в заключение сказавший: «Несмотря на политический кризис, стремление Грузии в Европу необратимо. В этих обстоятельствах очень важно, кто выполняет роль посредника. Для стран Прибалтики такую роль играет Скандинавия. Если говорить о Польше, то неоспорима ее роль посредника между Западом и Украиной. Чем сильнее давление, которое оказывает на Украину Россия, тем теснее становятся связи Польши с Украиной. В этом контексте Грузия становится как бы продолжением Украины, то есть Польша в рамках соглашения между Грузией, Украиной, Узбекистаном, Азербайджаном и Молдавией (ГУУАМ) может связать с Западом партнеров Украины. Если Турция — это ведущий в Европу южный мост, то Польша — такой же мост на севере».

Насколько в сфере политики польско-грузинские отношения развиваются успешно и сулят добрые перспективы, настолько в экономической сфере сотрудничества почти не существует. Объем польско-

го экспорта в Грузию составил в прошлом году лишь 9 млн. долл., польских инвестиций тут практически нет. Президент Шеварднадзе выразил сожаление по этому поводу и напомнил о тех временах, когда его страна принимала тысячи польских туристов, экспортировала в Польшу чай, вино, минеральную воду, машины. Он призвал польских бизнесменов смелее развивать экономические контакты с Грузией, умеющей создавать для инвесторов благоприятные условия — и правовые, и экономические (в частности налоговые льготы).

Президент Грузии с признательностью говорил о Лешеке Бальцеровиче — своем главном экономическом советнике. Он сказал, что первые успехи в экономике (например, замедление инфляции) следует считать заслугой Бальцеровича, а в неудачах, добавил Шеварднадзе с улыбкой, виноваты грузины, которые, «видно, не умеют слушать профессора».

Президенты Шеварднадзе и Квасневский

Козырная карта Грузии, что подтвердили оба президента в беседе с журналистами и бизнесменами, — ее положение между Востоком и Западом, на пути транспортировки нефти и газа из Средней Азии и Прикаспия в Центральную и Северную Европу. Строительство этого, так сказать, современного «шелкового пути» (такой термин употребил Шеварднадзе) уже началось. Он призвал Польшу принять участие в строительстве этого «шелкового пути» и будущих дивидендах.

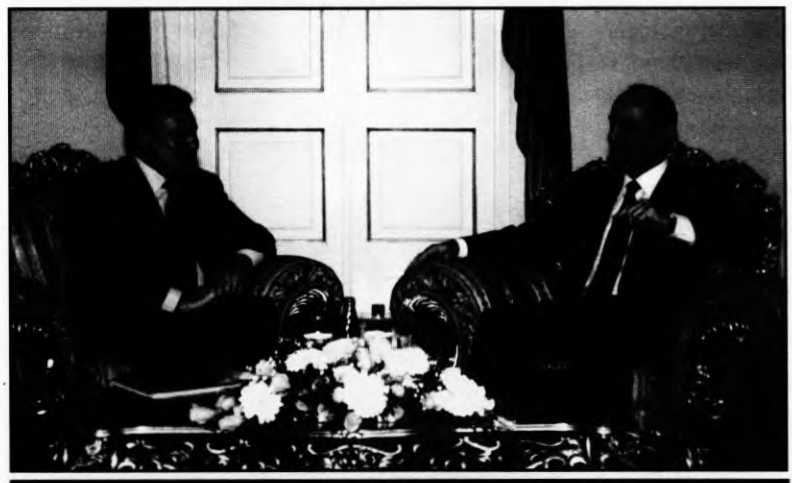
Потенциальными сферами приложения польских капиталов в Грузии могли бы стать энергетика, сельское хозяйство, транспорт, здравоохранение. Однако приход инвестиций в Грузию затруднен из-за политической нестабильности и разветвленной коррупции.

С большим интересом встретили грузины специальный номер «Новой Польши» на их родном языке. Многие газеты и некоторые телеканалы, комментируя это событие, обратили особое внимание на те статьи, в которых говорится о польско-грузинских связях в историческом и современном контексте: о грузинских офицерах, служивших в довоенной польской армии, о грузинах, с успехом участвующих в интеллектуальной и художественной жизни Польши.

В дипломатической поездке польского президента по Закавказью была запланирована также Армения. Ошибались те наблюдатели, которые усмотрели в выборе маршрута односторонность (якобы Александр Квасневский посещает и поддерживает прозападных руководителей, которые, подобно Шеварднадзе, не поддаются нажиму Москвы). У Армении с Москвой отношения дружеские, нет никаких спорных вопросов, чего не скажешь о непосредственных соседях, с которыми у Армении трудностей много: Азербайджан — постоянно тлеющая проблема с Нагорным Карабахом, Грузия — пограничные вопросы, Турция — незаживающая рана геноцида армян, совершенного турками в 1915 году.

Именно последний вопрос — хотя, казалось бы, уже оставшийся в далеком прошлом — возник во время визита президента Квасневского. Не только во время посещения мавзолея (где хранятся документы о мученической гибели полутора миллионов армян, убитых турками), но и в беседах, официальных и неофициальных (например, на встрече с польскими журналистами, сопровождавшими президента), армянские хозяева допытывались об отношении к преступлению, совершенному 86 лет назад.

Александр Квасневский подчеркнул: нет сомнений, это был геноцид. Во время встречи в Ереванском университете президент еще сильнее подчеркнул свою моральную и политическую поддержку усилиям армян добиться признания той резни геноцидом. Он сказал, что не только польскому парламенту (подобно тому, как это сделали парламенты Франции и Италии) следует принять резолюцию по этому вопросу. Прежде всего, подчеркнул он, правду об этих трагических событиях должны сказать сами турки. Именно это имеет особое значение для армян: их сближение с европейскими структурами



Президенты Квасневский и Кочарян

станет возможным только после того, как произнесут слова раскаяния турки, которых сегодня все же охотнее принимают в Европе, чем армян. Армения же стремится в Европу, и Польша будет это стремление поддерживать, как заверил Александр Квасневский.

На встрече со студентами и преподавателями Ереванского университета польский президент обратился к многовековой истории Армении. «Я склоняю голову перед богатыми традициями армянского народа, который всегда составлял неотъемлемую часть европейского культурного пространства, — сказал Александр Квасневский и добавил: — Мой соотечественник Папа Иоанн Павел II во время своего недавнего паломничества в Армению признал, что наследие веры и культуры армян, насчитывающее более 1700 лет, обогатило человечество настоящими шедеврами искусства и духа. Народ, который пережил тысячелетия нелегкой истории и беспримерных превратностей судьбы, накопил бесценный опыт приспособления к меняющемуся миру, сохраняя при этом собственную неповторимость. Поэтому есть серьезные основания с величайшим вниманием прислушаться к мнению армян о будущем Европы». Слушатели тепло приняли эти слова президента Польши.

Проведя переговоры, президенты Кочарян и Квасневский заверили, что политические отношения между Польшей и Арменией развиваются превосходно. Зато экономические отношения они определили как «в высшей степени неудовлетворительные» и даже «разочаровывающие». Объем торгового оборота составляет чуть более 2 млн. долларов. При таком положении дел нетрудно было бы увеличить объем товарооборота во много раз, заметил А.Квасневский, выступая на форуме бизнесменов, в котором участвовали 30 польских предпринимателей. По мнению некоторых из них, в Армении созданы благоприятные условия для инвестирования: всего двое суток требуется, чтобы выполнить все формальности, связанные с открытием фирмы, а возврат капитала в течение трех лет — здесь не исключение.

Армения представляет собой нишу, в которой могут найти для себя место малые и средние предприятия. Крупные концерны не составляют тут конкуренции, ибо их не интересует этот небольшой рынок, считает президент Банка развития экспорта Войцех Костшева.

Только в Армении можно ожидать даже 30-процентной прибыли, сказал президент «Мультико» Збигнев Якубас. Козырь Армении — освобождение от налогов на 5 лет, если капиталовложения составляют не менее миллиона долларов. По мнению Якубаса, на армянском рынке могут попытаться добиться успеха даже малые фирмы, ибо ситуация в этой стране напоминает ту, что была в Польше лет десять назад, когда можно было стартовать, имея 20-25 тыс. долларов. Уже во время визита появились конкретные решения: например, президент «Польэнергии» Павел Курашкевич подписал декларацию о намерениях относительно строительства гидроэлектростанции на границе Армении с Турцией. Он утверждает, что через три года после запуска турбины можно ожидать возвращения вложенных средств в объеме 25 млн. долл., — это стало бы важным событием, если учесть, что в энергетике возврат капитала бывает и через 30 лет.

По мнению польских бизнесменов, которые посетили Грузию и Армению вместе с президентом Квасневским, в Армении весьма заметна ориентация на рыночную экономику и у граждан, и у властей.

Лешек Бальцерович

«РЫНОЧНИКИ» И «АНТИРЫНОЧНИКИ»

Из теории и опыта мы знаем, что все системы, где нет свободного рынка (и неразрывно связанной с ним частной собственности), потерпели сокрушительное поражение в экономической конкуренции с рыночными системами. Мы знаем также, что без экономической свободы в государстве демократию нельзя ни построить, ни сохранить. Национализация собственности исключает демократию; приватизация и развитие предпринимательства создают для нее необходимую социально-экономическую базу. Имея в виду эти фундаментальные факты, стоит задуматься: почему столько людей настроены против свободного рынка? Они встречаются как в странах развитого капитализма, так и в обществах, которые совсем недавно жили в тесных объятиях социализма. В отношении первых можно было бы заметить, что люди обычно не ценят того, что имеют, а в отношении других — что у людей короткая память. Разумеется, подобные расхожие общие места ничего на самом деле не объясняют. Есть ряд более глубоких причин, объясняющих тот парадокс, что вариант социально-экономического устройства, оказавшийся лучшим, возбуждает столько неприязненных чувств. Упомянем лишь некоторые из них.

Во-первых, многие из тех, кто настроен против свободного рынка, имеют весьма туманное или просто ошибочное представление о том, что возникает в обществе, когда рынок ликвидируется. Некоторые вообще над этим не задумываются: они относятся к категории тех, кто из-за нежелания задуматься рискует попасть «из огня да в полымя». Другие — как классики утопического социализма или Карл Маркс более ста лет назад — наивно воображают, что на месте рынка вырастут некие сообщества людей, где будет царить равенство и солидарность, что исчезнет конкуренция, а труд станет более радостным и производительным. А на самом деле на месте рынка всегда появляется больше налогов, больше государства и больше его клиентов и нахлебников. Противоположность рынка — это не один всеобщий кибуц, но разросшееся, слабое и парализующее инициативу государство. Меньше рынка — значит, больше этатизма.

Во-вторых, свободный рынок означает конкуренцию, а мы ее обычно недолюбливаем, хотя очень любим вытекающие из нее преимущества. Как было бы приятно иметь на заводах социализм, а в кошельках и магазинах — капитализм! Хотя именно подобные проекты в Польше выдвигает значительная часть — как бы тут выразиться помягче? — тех, кто называет себя «экспертами».

В-третьих, в условиях рынка покупатель платит поставщику за приобретенный товар, тогда как в этатистских моделях возникает иллюзия, что нечто приобретается «даром» — например, бесплатное образование, здравоохранение и т.п. Эта иллюзия бесплатности работает против идеи рынка. На самом же деле чудес не бывает: чем больше «бесплатности», тем выше налоги и связанные с этим ограничения экономического роста. К тому же официальная «бесплатность» нередко сопровождается неофициальной оплатой «с глазу на глаз».

В-четвертых, нередко среди тех, кто считается «интеллектуалами» (особенно тех, кто с гордостью заявляет, что по математике у них всегда была двойка), существует особый снобизм: не разбираться в элементарной экономике, но зато изо всех сил печься о «простых людях». В подобных случаях против свободного рынка принято выступать во имя «социальной справедливости» и «сочувствия к обездоленным». В Польше, а также в не очень крупных западных университетах имеется еще одна любопытная разновидность — те, кто во имя странной экономии борется против свободного рынка или же в принципе выступает за рынок, но не любит частной собственности. Есть и такие, кто любит частную собственность, но только свою собственную (впрочем, этих последних обычно не причисляют к «интеллектуалам»).

Наконец, немалая часть неприязни к свободному рынку обусловлена ощущением, что «господство рынка» каким-то образом ухудшает качество человеческих отношений и в результате ухудшает общество. С этой точки зрения безрыночное, социалистическое общество начинает казаться чем-то лучшим. Люди как-то забывают об очередях, о вездесущем «блате», знакомствах, связях, халтурной работе или видимости работы и т.п., а также о почти стопроцентном участии в выборах.

Неприязнь к свободному рынку во имя заботы о качестве общества у некоторых сопровождается признаниями в любви к «гражданскому обществу». Но не стоит забывать, что государство, вытесняющее рынок, сокращает и свободное пространство для добровольных ассоциаций и объединений. Выступать за «гражданское общество», но против рынка — это то же самое, что выступать за молоко, но против коров (добавим для порядка еще коз и верблюдиц). Самое развитое гражданское общество существует в США, где свободный рынок занимает особенно прочные позиции. А кто помнит, сколько «гражданского общества» было при коммунизме?

«Впрост», 2001, 11 ноября

Мартин Ковальский

ЧТО ДАЛ ЛИБЕРАЛИЗМ ПОЛЬСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Эмилиан Станчишин — бургомистр города Польковице. За работу в органах местного самоуправления президент Александр Квасневский наградил его Золотым крестом ордена Заслуги. За время его работы на этом посту в Польковице сделали капиталовложения фирмы «Фольксваген» и «Роял Европа». Станчишину принадлежит идея распределить различные обязанности среди жителей города, благодаря чему в Польковице действует свыше 50 неправительственных организаций. Он — один из основателей Нижнесилезской высшей школы предпринимательства и техники. В 1997 г. газета «Слово польске» присудила ему звание «Джентльмена года».

Мирослав Крушинский — президент Острува-Велькопольского, одного из двух (вместе с Познанью) польских городов, участвующих в программе Всемирного банка и Фонда Бертольсмана «Города преобразований — 10 городов Центральной и Восточной Европы с лучшим управлением». Специалист по коммунальному хозяйству (соавтор нескольких книг, посвященных этой тематике). Ему принадлежит идея создания группы капиталов во главе с акционерным обществом «Холдиком» и с участием семи коммунальных фирм. В настоящее время три дочерних фирмы «Холдикома» котируются на Варшавской бирже.

Вальды Дзиковский — уже 11 лет войт Тарново-Подгурне. В этой гмине с населением в 15 тыс. человек безработных лишь 2%. Иностранные

В зависимости от ранга польских единиц административно-территориального деления (повяты, гмины, города, воеводства), органы их самоуправления возглавляют старосты, войты, бургомистры, президенты и воеводы. Жизнь показывает, что там, где у руля стоят представители правоцентристских сил, люди живут богаче, чем при левых муниципалитетах.

В свои 27 лет Эмилиан Станчишин стал директором коммунального предприятия и председателем городского совета в Польковице. Он окончил два факультета Вроцлавского политехнического института и задался целью превратить коммунальное предприятие в нормальную фирму. Это ему удалось в первый же год работы. Потом решил то же самое сделать с гминой: хотел, чтобы его ребенку, когда он вырастет, не пришлось бежать за лучшей жизнью из Польковице. И, пожалуй, не придется. В Польковице за годы правления Станчишина сделали капиталовложения фирма «Фольксваген» и канадско-американский концерн «Роял Европа». В городе создан огромный аквапарк — первый в Нижнесилезском воеводстве.

Свою политическую карьеру Станчишин сделал в западном стиле — вначале добился успехов на местном уровне, потом начал продвигаться в структурах «Унии свободы»: в 1998-2000 гг. был замсстителем генерального секретаря партии, сейчас — председатель ее Нижнесилезской организации. Своей работой в местных органах он доказал, что политические взгляды местных властей имеют немаловажное значение для зажиточности гмин и городов, для повышения уровня жизни их населения.

Тарново-Подгурне, Польковице, Жары, Острув-Велькопольский, Мерошув, Камень-Поморский, Вроцлав, Лагевники — эти гмины и города могут похвастаться высоким уровнем капиталовложений (свыше 4 тыс. злотых на душу населения), в том числе самым высоким показателем иностранных инвестиций. В них особенно заметно растет количество рабочих мест (10-15% в год). Местному руководству удалось коренным образом сократить бюрократию (на 30-40%), снизить расходы на содержание административных работников (на 40-50%). Здесь на 30-50% подешевели коммунальные услуги и в то же время значительно повысилось их качество. На протяжении всех 90-х годов они занимали ведущие места в рейтингах гмин и городов. Управляют ими бургомистры и президенты, принадлежащие к центристским и правым группировкам.

Гмина как фирма

— Править гминой — как руководить фирмой: нужно быть больше менеджером, чем политиком, надо иметь идеи и не бояться рисковать, — таков рецепт успеха Вальды Дзиковского, войта Тарново-Подгурне («Гражданская платформа»).

Инвестор не может чувствовать себя просителем, обивать пороги всевозможных учреждений. Если заставить его ждать, он подастся в другое место. Начинать разговор с социальных пакетов и расспросов о пользе, которую его проект принесет гмине, — это лучший способ отпугнуть инвестора. А чтобы добиться его расположения, нужно представить данный проект как сделку, выгодную ему. Если инвестиции принесут инвестору прибыль, заработает и гмина.

— В любом бизнесе, — объясняет Вальды Дзиковский, — доверие составляет учредительский капитал: инвестор, который на нас заработал, сообщит об этом дальше. Так цепочка доверия превращается в капитал.

В последнем списке «Золотая сотня органов самоуправления», составляемом Центром региональных исследований, Тарново-Подгурне заняло первое место, а в нынешнем году было объявлено лучшей городской гминой и лучшей гминой Великопольского воеводства.

— Чтобы ввести принципы свободного рынка, смелым быть не надо — нужно посметь не сделать этого, то есть обречь гмину на нищету и застой, — говорит бывший президент (мэр) Вроцлава Богдан Здроевский («Гражданская платформа»), который дольше всех в Польше (11 лет) возглавлял муниципалитет. Он, как и другие либерально настроенные деятели, не видит оснований не передавать в частные руки детские сады, ясли, столовые, водоснабжение, коммунальные предприятия, городской транспорт. Они это делают, хоть их нередко и упрекают в раздаче или даже расхищении общественного имущества.

— В гминах, которыми управляют люди рыночной направленности, не боятся приватизации коммунальных служб. А члены муниципалитетов социалистического толка испытывают всяческие предубеждения против приватизации, не желая терять контроль над коммунальным хозяйством, — объясняет проф. Зита Гилёвская из Люблинского католического университета, специалист по общественным финансам.

— Иностранные менеджеры, работающие в Польковице, не видят особых различий между голландскими или немецкими городками и нашим, — гордится Эмилиан Станчишин.

Будь то иначе, они бы не делали капиталовложений в Польше. Польковице заняло пятое место в рейтинге местных органов.

— Город или гмина должны функционировать наподобие открытого акционерного общества. Так происходит в Оструве-Велькопольском, облигации которого можно купить в каждом маклерском бюро. Мы не можем скрыть никакую информацию ни от владельцев облигаций, ни от Комиссии по ценным бумагам, — говорит президент города Мирослав Крушинский («Избирательное действие Солидарность»). Такая политика привела к тому, что в Острув приезжают учиться члены муниципальных советов из Франции, Голландии, Германии, Испании.

— Гмина богата богатством своих жителей, а не бюджета, — говорит Стефан Олещук («Уния реальной политики»), первый, фирмы, в частности, МАН, «Реемтсма», «Штольверк», вложили в Тарново-Подгурне около 350 млн. долларов. Половина из 300 действующих в гмине предприятий — фирмы с иностранным капиталом. За время правления Дзиковского в гмине построено пять школ, спортивный зал, три гимнастических зала и гимназия.

Збигнев Хлебовский — бургомистр г. Жары. Обладатель «Нижнесилезского ключа к успеху», который вручается «самой хозяйственной гмине в Нижней Силезии». Недавно заключил договор с японским концерном «Мицуи» о создании на территории гмины технологического парка. За пять лет автомобильные и электронные фирмы из Японии вложат в Жарах 250 млн. злотых, создав при этом 2,7 тыс. рабочих мест.

Стефан Олещук — бывший бургомистр Камень-Поморского, в настоящее время — староста повята. В начале 90-х приватизировал коммунальное имущество гмины, снизил местные налоги и платежи. На сэкономленные деньги были построены станция очистки сточных вод, тридцать участков дорог, расширена канализационная сеть. Став старостой, приступил к приватизации службы здравоохранения и перестройке системы просвещения в повяте.

Лешек Орпель — валбжихский староста («Гражданская платформа»). Сторонник приватизации всех видов коммунальных услуг. В правлении повята работают только 52 служащих. Создал Бюро обслуживания клиента, которое помогает людям решать различные проблемы. Приступил к введению сертификата ISO 9002 в сфере административного обслуживания. Один из основателей еврорегиона Добрава. Недавно придумал новый способ формирования бюджета, заключающийся в точной финансовой оценке бюджетных заданий.

пожалуй, бургомистр в Польше, взявшийся осуществлять либеральную программу, ныне староста Камень-Поморского повята. — Местные социалисты, — вспоминает он, — не могли тогда понять, каким чудом мне удалось снизить местные налоги и платежи.

Гмина как бюджетная единица

В то время как большинство правоцентристов управляют гминой как фирмой, многие их левые коллеги относятся к своей гмине как к бюджетной единице. Так происходит главным образом по той причине, что, в отличие от почти 70% правоцентристских руководителей, большинство президентов, бургомистров и войтов не имеют опыта в управлении рыночными субъектами, а свыше 80% из них работали в органах администрации еще во времена социалистической экономики.

— Их как будто разбудили от долгой зимней спячки. В частности, поэтому они боялись рыночных решений и продолжают судорожно придерживаться принципов планового хозяйства, — говорит один из авторов реформы органов самоуправления Михал Кулеша, юрист, научный сотрудник Варшавского университета.

— Возглавить бюджетное предприятие — предел мечтаний плохонького менеджера. Когда не хватит денег, гмина подсобит, выделит дотацию из бюджета. К тому же бюджетное предприятие — это зачастую местный монополист, — указывает проф. Гилёвская.

Это отражается на доходах гмин и граждан. Лучшие гмины, которыми управляют представители левых сил, заняли шестое (Богатыня) и восемнадцатое (Любин) места в рейтинге «Золотая сотня органов самоуправления». Но практически единственный источник их доходов — налоги, уплачиваемые горно-металлургическим комбинатом «Польская медь» и электростанцией «Туров».

Недовольные жители все чаще протестуют против социалистических гминных правлений. В таких местностях вчетверо чаще проводятся референдумы — своеобразные вотумы недоверия властям. В Грудзёндзе, помимо референдумов, жители устраивали уличные пикеты, демонстрации и хеппенинги (например, утопили в Висле чучело вице-президента города Малгожаты Куфель). В конечном итоге пришлось вмешаться руководству «Союза левых демократических сил» и партийной комиссии этики. Центральным властям СЛДС пришлось призывать к порядку и муниципалитет города Лешно. А в городе Едлин-Здруй нижнесилезский воевода вынужден был распустить городской совет и назначить временное правление во главе со своим представителем.

Время любителей прошло

Разумеется, есть в Польше и такие гмины, где бездарно управляют представители правоцентристских сил, и, наоборот, процветающие под управлением левых.

— Рецепт успеха — не партийная принадлежность, а проведение либеральной, рыночной политику. Однако так получается, что в действительности существует тесная связь между партийной принадлежностью и проведением либеральной политики, — говорит президент Варшавы Павел Пискорский («Гражданская платформа»).

— У правоцентристов есть идеи, как зарабатывать деньги, а левые озабочены тем, как их расходовать, — добавляет председатель Фонда развития местной демократии профессор Ежи Рогульский.

Весьма симптоматично, что большинство сторонников рыночных механизмов избираются в местные органы на второй и даже третий срок, как, например, Станчишин, Пискорский, Дзиковский или Крушинский. Это значит, что избиратели одобряют их методы управления.

— Это поколение отлично понимает, как действует рыночная экономика, как функционирует гражданское общество, — замечает Богдан Здроевский. — Наш плюс — еще и то, что у большинства из нас нет навыков минувшей эпохи и в то же время мы не были профсоюзниками.

— Время любителей прошло, настало время менеджеров, — считает Стефан Олещук. А профессор Кулеша добавляет:

— Приверженцы свободного рынка создали в местных органах своеобразную элиту менеджмента. Это молодые, творческие, образованные люди. С таким же успехом они могли бы управлять фирмами или банками.

wprost

Малгожата Гутовская-Адамчик

«Я СИЛЬНАЯ РАДИ НИХ...»

Уршуля Яворская и ее фонд

ПРИГОВОР

«Я пришла домой и увидела нечто ужасное. На середине комнаты стоял на коленях мой муж и плакал. Его обнимала наша четырехлетняя дочка. И тогда я поняла — тут что-то серьезное...» («Пульс медичный», 2001, 8 марта).

Так 33-летняя балерина из Варшавы Уршуля Яворская осенью 1994 г. узнала, что она больна — белокровие. А у нее как раз начиналась новая жизнь. Для балерины этот возраст уже почти пенсионный. Поэтому она изучала в варшавской Музыкальной академии педагогику балета, начала работать руководителем балетной студии, созданной при Варшавском балетном училище. У нее было множество планов, хотя энергии стало чуть меньше, чем обычно. Каникулы она провела в молодежном балетном лагере и считала, что именно поэтому мало отдохнула. Она также явно ощущала некоторое увеличение селезенки. Обычный контрольный анализ крови показал невероятное количество белых кровяных шариков (лейкоцитов). 176 тысяч! Кто-то из сотрудников поликлиники, обеспокоенный этой чудовищной цифрой, принес результаты анализа прямо к ней домой, но, никого не застав, просунул бумагу в щель под дверью. Такой маленький, невинный листочек... А на самом деле приговор: белокровие.

Болезнь никогда не приходит вовремя. Она всегда незваный гость. Но есть болезни, с которыми можно жить, а есть такие, одно название которых лишает сил. Таково белокровие. Все знают, что это смертельная болезнь. Рак крови... коварное новообразование... Уршуля тоже это знала. И знал об этом ее муж Чеслав Барановский. Поэтому и плакал, стоя на коленях на ковре. Потому что в такой момент остается только плакать. Но не такова Уршуля. Утешали не ее, она сама утешала:

«Я знала одно — мои близкие плачут из-за меня в последний раз. Больше этого не будет никогда. Мне есть для кого жить, я люблю их больше всего на свете и сделаю все, чтобы их не оставить.

Уршуля Яворская

Неважно, чем я заболела. Я знала, что стану здоровой. С самого начала я объясняла это мужу и дочке, а потом врачам. Эта вера меня не оставляла никогда. Я была сильной ради них».

Это не хвастовство человека, который победил смертельную болезнь и теперь может притворяться сильным. Я знаю Уршулю, знаю, что силы ее духа хватило бы на нескольких мужчин. Мы познакомились самым заурядным образом — осенью 1996 г., на родительском собрании 1 класса «А» неполной средней школы №253 в Варшаве. Классная руководительница предлагала желающим войти в родительский совет и выбрала меня по списку учеников, так как мой сын был в нем первым. Оля, единственный ребенок Уршули и Чеслава, — его ровесница. На общественную работу Уршуля пошла добровольно. Лишь сдержанно сказала, что ей надо будет уехать, но пока этого не случилось, она готова работать. И хотя болела она уже два года, она ни разу не сказала, что у нее нет времени, если требовалось что-либо сделать для детей...

Как-то она призналась мне, что должна ехать в Лондон на операцию по пересадке костного мозга, так как у нее белокровие. Она сказала об этом мимоходом, будто речь шла о самом обычном деле. Я обомлела. Не знала, что сказать. В горле у меня пересохло. Я только в ужасе буркнула что-то под нос. А Уршуля говорила, улыбаясь, что благодаря болезни она может наконец заняться своей учебой. Ее реакция была для меня невероятной. Она вела себя так, будто речь шла об обычной простуде! А ведь от этого люди умирают!.. К счастью, не все...

БЕЛОКРОВИЕ, ИЛИ ЛЕЙКЕМИЯ

Белокровие — это злокачественное заболевание костного мозга. Лейкемические клетки вытесняют из костного мозга здоровые кроветворные клетки, вследствие чего не возникают необходимые для жизни белые кровяные шарики (лейкоциты), красные кровяные шарики (эритроциты) и тромбоциты. Количество опухолево-измененных лейкоцитов значительно превышает норму (до нескольких тысяч на 1 мм^3). Традиционно лечение белокровия делится на три стадии: индукции, консолидации и поддержки. Больному дают цитостатики — лекарства, тормозящие рост молодых клеток, — антибиотики, агенты роста, кровезаменители. Это процесс долгий, и стоит он целое состояние. В настоящее время в Польше это стоит примерно 20 тыс. злотых на каждой стадии. Организм больного ослаблен, его иммунитет становится намного слабее, убить его может любая инфекция. Часто больному необходима госпитализация.

Статистика жестока. Говорят, что ежегодно в Польше 6-9 человек из каждых ста тысяч заболевают злокачественными заболеваниями кроветворной системы. Таким больным назначают химиотерапию и лучевую терапию, которые замедляют развитие болезни.

В 1968 г. в Сиэтле лауреат Нобелевской премии доктор Эдвард Д. Томас вместе со своим врачебным коллективом впервые произвел пересадку костного мозга, что дало больным шанс на полное излечение многих видов белокровия и других болезней крови. В настоящее время в мире производится около 30 тыс. пересадок ежегодно.

К сожалению, только у 25 % пациентов есть родственные доноры с совпадением системы HLA (human leucocyte antigens — человеческие лейкоцитарные антигены). Для остальных пациентов шансом на излечение может стать трансплантация костного мозга от альтернативного донора (не родственного, но с совпадающей системой HLA, или родственного, но с частичным совпадением). Однако для большинства из них приходится искать донора среди чужих людей. Для некоторых больных можно произвести аутотрансплантацию костного мозга. Итак, если исходить из того, что раком крови заболевает ежегодно около 4 тыс. поляков, то по меньшей мере для тысячи больных потребуются не родственные доноры.

Вместе с костным мозгом больному пересаживают и чужую иммунную систему, которая поначалу принимает организм реципиента за врага (трансплантат против хозяина) и начинает вести с ним борьбу. У этой реакции есть и свои положительные стороны: одновременно уничтожаются оставшиеся опухолевые клетки.

Затем чужой костный мозг берет на себя задачи костного мозга хозяина. В настоящее время техническая сторона операции — хотя очень дорогой и длительной — уже освоена. Если донором может быть член семьи, то вопрос решается довольно просто — проблемы начинаются тогда, когда приходится искать донора среди чужих...

ПОИСКИ ИГОЛКИ В СТОГЕ СЕНА

Уршуля, которая лечилась в варшавском Институте гематологии у доктора Илоны Сеферинской, примерно с осени 1996 г. знала, что ее единственный шанс на спасение — пересадка костного мозга от не родственного донора. Такие операции в то время в Польше не проводились. Во-пер-

вых, почти не существовало польских банков доноров костного мозга, а те, которые существовали, были столь невелики, что отыскать в них соответствующего ей донора было бы делом невероятным.

У донора и реципиента должны быть схожими системы соответствия тканей. Для того чтобы в этом убедиться, берут кровь на анализ и проверяют белки, содержащиеся в оболочках клеток организма. Это и есть антигены HLA; они принимают участие в процессе, определяемом как иммунологический ответ системы, то есть в распознавании, принадлежит ли данная клетка к данному организму или же она ему чужая. В случае совпадения трансплантат имеет шансы «встроиться» в организм реципиента, принимая на себя обязанности уничтоженных химиотерапией больных клеток.

Существует очень много комбинаций этих шести пар частиц. Поэтому поиски донора немного напоминают поиски иголки в стоге сена. Если рассматривать вопрос статистически, то из 25 тыс. доноров лишь один человек обладает сходной комбинацией гликопротеинов...

Уршуле повезло. После трех лет поисков ей в октябре 1996 г. нашли донора. При белокровии медлить нельзя. Пересадку следует производить в период относительной стабилизации болезни, чтобы организм мог справиться с дополнительной нагрузкой. Поэтому уже на 18 февраля была назначена первая в истории польской медицины операция — первая пересадка костного мозга от не родственного донора. Операция проводилась в клинике гематологии Силезской медицинской академии в Катовице, оперировал профессор Ежи Холовецкий со своим коллективом.

КАК В ДЕТЕКТИВЕ

Донором, отдавшим костный мозг для Уршули, стала 45-летняя голландка, мать четверых детей. Уршуля не знает, кто она такая. Быть может, она никогда не встретит ту, кому обязана жизнью. Ибо существует такой принцип, что донор отдает костный мозг бескорыстно, от души. Это защищает и реципиента от возможных претензий со стороны донора, и донора от чрезмерно назойливой благодарности реципиента или его разочарования, если трансплантат не прижился...

Операция по забору костного мозга, который должен был спасти жизнь Уршули Яворской, началась в восемь утра 17 февраля 1997 г. в Амстердаме. Посланцем катовицкой клиники был доктор Мирослав Маркевич. Только что извлеченный костный мозг, запакованный в три специальных мешочка, он вез в ручном чемоданчике на рейсовых самолетах из Амстердама через Варшаву в Краков, а потом на машине из Балице под Краковом в Катовице, примерно 60 километров.

Уршулю к этой операции начали готовить гораздо раньше. Она находилась в изоляторе катовицкой клиники, в асептической палате. Из-за химиотерапии Уршуля потеряла волосы, исхудала... Доступ к ней имели только врачи и сестры. С семьей ей разрешалось общаться лишь по видеотелефону. Ибо в это время ее организм был абсолютно беззащитен... Костный мозг Уршули химиотерапия уничтожила. Однако некоторая его часть, извлеченная за месяц до этого, хранилась на всякий случай.

Самолет из Амстердама опаздывал, и это могло перечеркнуть все планы. Понимая всю серьезность ситуации, вылет рейсового самолета в Катовице задержали. Но из-за метели ему в конце концов все же пришлось приземлиться в Кракове!

Вся бригада ожидала доктора Маркевича в величайшем напряжении. Костный мозг следовало пересадить как можно скорее. В 1.30 ночи началась операция по пересадке. Один за другим ценные мешочки через катетер, введенный в подключичную вену, отдавали Уршуле свое драгоценное содержимое. Операция закончилась в пять утра. Борьба за жизнь только начиналась.

Когда иммунологическая реакция нового костного мозга слишком выражена, после пересадки может начаться так называемая борьба трансплантата против хозяина, и вследствие этого даже возникает опасность для жизни пациента. Но Уршуля по-прежнему непреклонно верила в свою счастливую звезду. Верила и боролась, когда температура целыми неделями не опускалась ниже сорока градусов, когда у нее отслаивались ногти, когда ее мучили поносы и рвота, а на коже появилась аллергическая реакция... Домой она вернулась в августе... Впереди у нее были пять лет неизвестности. Ибо, как считается, лишь спустя пять лет можно констатировать, что пациент окончательно вылечился... А пока что ей приходилось каждые полтора месяца делать анализ крови и каж-

дые полгода проверять состояние костного мозга. Через год после операции начались осложнения. При анализе крови обнаружилась мутация гена, вызывающего белокровие! Уршуле снова пришлось принимать интерферон. Вот уже два года, как все анализы в порядке. Войну она выиграла.

ЧТОБЫ БЫТЬ ЛУЧШЕ...

«Я выздоровела, чтобы помогать больным раком».

Уршуля Яворская как первая пациентка, которой в Польше пересадили костный мозг, взятый от не родственного донора, сделалась весьма популярной. О ней писали все известные газеты и журналы. Она выступила по телевидению, стала человеком публичным. Эту популярность следовало использовать. Идея учредить фонд первому пришла в голову мужу Уршули, когда она еще была в больнице. «С этим надо что-то делать, — сказал он. — Нельзя допустить, чтобы пропал добытый с таким трудом опыт». Они могли помочь больным, хотя бы указывая тропинки, которые следует протаптывать, если хочешь вылечить белокровие. Больной и его семья, когда на них обрушивается это страшное известие, чувствуют себя потерянными, оставшимися в одиночестве. Уршуля стала прекрасным примером того, что борьба с белокровием, хоть и трудная, может закончиться победой. Для этого нужны вера и деньги, деньги, деньги...

Лечение белокровия, требующее высоко специализированных процедур и лекарств, в принципе финансируется государством, однако по-прежнему нужны деньги на компенсацию разницы между средствами, выделяемыми ведомством здравоохранения, и фактической стоимостью операций и процесса реабилитации пациентов. Во всем этом прекрасно ориентировался Чеслав Барановский, который в минуту испытания с полной решимостью боролся за Уршулю и ее выздоровление. Он организовал благотворительный концерт в варшавском театре «Сирена», доход от которого полностью был передан на ее лечение в клинике гематологии. Уля и Чеслав решили, что больным белокровием больше всего, кроме денег, нужен самый настоящий банк доноров костного мозга. При отборе доноров важно их происхождение. Для поляка легче всего было бы найти донора в Польше. Если б хоть один из каждых десяти тысяч поляков стал донором, то любой, кто нуждается в пересадке костного мозга, имел бы шанс быстро получить эффективное лечение. Итак, надо было создать банк, в реестре которого было бы зарегистрировано по меньшей мере 30 тысяч доноров!

ФОНД УРШУЛИ ЯВОРСКОЙ

Уже 13 октября 1997 г. состоялся концерт в пользу больных белокровием, и с этого началась работа Фонда Уршули Яворской. Все артисты выступили на благотворительных началах. Ведущие 2-го телеканала продавали позолоченные нарциссы, собирая пожертвования среди зрителей. Когда цветы закончились, те, кто уже купил, отдавали их продающим, чтобы побольше денег поступило на счет фонда.

Балерина Уршуля и актер Чеслав понимали, что сбор средств на уставные цели нельзя превращать в скуку. С тех пор состоялось несколько концертов: 23 февраля 1998 г., в годовщину трансплантации, в Катовице (с участием популярного певца Рышарда Рынковского), 18 мая 1999 г. в Национальной филармонии в Варшаве (с участием ансамбля им. Иоганна Штрауса под управлением Вальтера Коберы), 1 марта 2000 г. в Национальной филармонии (выступил всемирно известный польский тенор Веслав Охман в сопровождении Филармонического оркестра из г. Забже под управлением Славомира Хшановского).

В октябре 1997 г. фонд был официально зарегистрирован. Уршуля Яворская стала его учредителем и вице-президентом, а президентом Фонда стал ее муж. Для логотипа Фонда Уршуля выбрала веерообразный лист гинкго (ginkgo biloba), реликтового растения мезозойской эры, символ любви и надежды. Начинали они весьма скромно — сначала в своей 30-метровой квартире, потом в подвале в варшавском районе Грохув. До 1999 г. они работали в своем фонде на добровольных началах. Единственным человеком, работавшим по контракту, была бухгалтерша. Однако потом, когда работа стала занимать у них по 12-14 часов в сутки, они установили себе небольшие зарплаты, чтобы иметь возможность полностью посвятить себя работе для больных. У них один принцип: офис должен выживать за счет процентов от вложений! Поэтому, когда они ремонтировали предоставленное им после долгих стараний первое настоящее помещение, Чеслав исходил сотни километров, чтобы ремонт обошелся как можно дешевле. Он сам

ЭМБЛЕМА ФОНДА УРШУЛИ ЯВОРСКОЙ

спроектировал интерьер, часто участвовал в отделочных работах.

У фонда с самого начала были очень амбициозные планы. Было решено искать доноров исходя из международных норм и финансировать клинические исследования. И снова помогла безотказная пресса, особенно женская. Ее читательницы с удовольствием узнали, что Уля, за которую они так переживали, уже здорова и борется за выздоровление других людей. Газеты и журналы напечатали призыв к своим читателям под лозунгом «Стань донором!», и ответ превзошел самые смелые ожидания. Поляки еще раз доказали, что они восприимчивы к чужим несчастьям. Даже жена президента Иоланта Квасневская стала потенциальным донором. Теперь фонд арендует 100-метровое помещение, предоставленное ему администрацией Центрального района Варшавы.

Появлялись и не связанные непосредственно с Фондом инициативы. В Колобжеге по инициативе Зигмунта Марковского, члена Польского Красного Креста, был создан первый в Польше клуб доноров костного мозга. В нем уже 80 членов, и число их постоянно растет!

ДЕНЕГ, ДЕНЕГ, ДЕНЕГ...

Для того, чтобы обследовать всех желающих, фонду нужны были огромные средства. Уршуля и не мечтала о том, чтобы догнать американцев, у которых в банке свыше 4 млн. потенциальных доноров, или немцев (около миллиона), но хотя бы чехов, у которых есть свой банк с 25 тыс. доноров. Казалось, она взялась за непосильное дело, если учесть, что стоимость обследования одного донора в первой группе составляет от 400 до 800 злотых! Конечно, можно обращаться к международным банкам, но тщательное обследование одного донора из Европы стоит примерно 6 тыс. зл., а из США — 14 тысяч! Причем если в Штатах процесс получения костного мозга длится от 4 до 6 недель, то в Европе — до полугода! В таком случае невозможно не думать о потраченных времени и деньгах... Но в Польше доноров по-прежнему не хватает, и огромные суммы утекают из страны. За аутотрансплантацию в Польше министерство здравоохранения и социального обеспечения платит примерно 40 тыс. зл., за гетерогенную от родственного донора — 95 тысяч, а от не родственного — целых 220! Такая же пересадка в Чехии в пересчете на злотые стоит около 250 тысяч, в Швеции — 400, в Германии — 700! И хотя, как я уже говорила, эти процедуры финансирует государство, тем не менее платит оно слишком мало и с опозданием!

Поэтому неудивительно, что больные и их семьи собирают средства на лечение таким способом, который представляется им наиболее эффективным: на страницах прессы, в Интернете, организуя концерты или публичный сбор пожертвований.

Уршуля предоставляет счет фонда всем обращающимся, открывая отдельные счета на каждого больного и разрешая использовать ее фамилию для таких сборов.

В 2001 г. планируется завершить обследование 5 тыс. добровольцев и тем самым довести реестр до 10 тыс. потенциальных доноров! В 2002 г. планируется обследовать 3 тыс. доноров.

Деятельность фонда внесла раскол в медицинские круги, ибо получилось, что несколько человек, работая в чрезвычайно скромных условиях, сумели совершить то, чего за многие годы не удалось сделать министерским чиновникам; таким образом, была продемонстрирована их некомпетентность и медлительность. Яворскую обвиняли в том, что она... балерина, как будто больным важно, кто заботится об улучшении их лечения — балерина, чиновник или врач...

Важна эффективность, а ее Фонд Уршули Яворской сумел продемонстрировать уже в декабре 1999 г., когда в клинике гематологии в Катовице 500-й пациент, которого лечили методом пересадки костного мозга, Павел Прага, стал одновременно первым реципиентом костного мозга, взятого от не родственного ему донора из польского реестра, существующего в фонде! Донором стал 33-летний мужчина из Катовице, которого отыскали среди 700 потенциальных доноров!

Сейчас, когда я пишу эти слова, банк доноров костного мозга, существующий в Фонде, насчитывает примерно 7500 потенциальных доноров, но это по-прежнему капля в море нуждающихся! Следует осознать, что по-прежнему многие пациенты не могут найти доноров в Польше. Поэтому, хотя постепенно внедряются новые методы лечения белокровия, как, например, метод удаления раковых клеток с помощью магнитных полей и иммуноабсорбции, все же главная цель фонда — расширение польского банка доноров.

СТАНЬ ДОНОРОМ!

«У тебя есть нечто. И ты можешь это дать», — так звучит лозунг Фонда, приглашающий поляков поделиться с больными белокровием самым ценным даром — даром жизни. В настоящий момент желающих больше, чем финансовых возможностей их обследовать. Но фонд не замыкается на обследованиях, параллельно ведется информационная работа, чтобы потенциальный донор не опасался, что, отдавая костный мозг, он рискует жизнью.

Прежде всего не каждый может стать донором. Надо обладать хорошим здоровьем, быть не моложе 18 и не старше 50 лет. После заполнения анкеты потенциального донора направляют на обследование, в ходе которого у него берут кровь, чтобы проверить ее на присутствие вирусов. Человек, перенесший вирусное заболевание печени, или ВИЧ-инфицированный не может быть донором. После всех этих обследований донора вносят в реестр доноров костного мозга. Если в реестр обратится реципиент, а его антигены совпадут с антигенами кого-то из доноров, тогда донора приглашают в центр трансплантации на беседу с медицинским руководителем реестра доноров, психологом и гематологом. Его знакомят с процедурами пересадки и дают время подумать. Если ответ по-прежнему положительный, донор проходит медицинское обследование. Если он здоров, ему назначают срок забора костного мозга.

Костный мозг забирают в больнице, в операционной. Лежа на животе под общим наркозом, донор не ощущает боли. За 1,5-2 часа врачи извлекают через небольшой надрез на бедренной кости немного костного мозга. Таких пункций иногда надо сделать более 400! Во время одной операции забирают около 1-1,5 л костного мозга. Его количество зависит от веса и роста донора. Считается, что за один раз можно извлечь не более 15 мл костного мозга на килограмм веса донора. Забор такого количества костного мозга никоим образом не ухудшает жизнедеятельность организма донора, а потерю костного мозга здоровый организм восполняет в течение 2-3 недель. В конце операции больному переливают его собственную кровь, взятую за несколько дней до этого. На следующий день пациент, как правило, покидает больницу.

Широкая кампания в СМИ привела к тому, что в фонд стали обращаться многие почетные доноры, но стали поступать и предложения о продаже костного мозга.

«Бывает, что кто-то хочет отдать костный мозг за деньги. Тогда я посылаю его к черту. Нигде в мире не удастся продать костный мозг».

Такие люди проявляют не только достойную сожаления алчность, но и полное незнание процедур подбора донора! Костный мозг — не кровь! Даже если ты потенциальный донор, у тебя есть всего один шанс из трехсот стать донором на самом деле!

Когда потенциальный донор становится реальным донором, у него появляется множество сомнений. Для него это тоже великое событие, которое может придать смысл его существованию и «возвысить его», как прекрасно пишет одна из них, Ивона, на странице Фонда Уршули Яворской в Интернете. Ивона — это тот человек, который может рассеять опасения потенциальных доноров, ответив на все вопросы. Уршуля Яворская рассказывает, что вроцлавская журналистка Ивона теперь тесно сотрудничает с фондом. Она написала сценарий научно-популярного фильма о деятельности фонда, и сейчас этот фильм снимается. Уршуля мечтает о том, чтобы этот фильм демонстрировали в гимназиях на уроках биологии.

УЧИТЬСЯ У МАСТЕРА

Уршуля знает, что всегда не хватает времени, чтобы спасти всех, кому угрожает белокровие. Поэтому она не хочет идти по давно проторенному пути. В 1999 г. она связалась с таким же Фондом им. Стефана Морша из Биркенфельда в Германии. Этот фонд располагает крупнейшим в Германии реестром почти в 700 тыс. человек. Фонд основали в 1996 году Эмиль и Хильтруда Морш, родители первого европейца, которому пересадили костный мозг от не родственного донора.

9-10 июня 2001 г. Уршуля Яворская в качестве гостя участвовала в организованной Фондом им. Стефана Морша беспрецедентной встрече доноров и реципиентов из многих стран мира, которая состоялась в Биркенфельде. Впервые реципиенты встретились с теми, кто спас им жизнь. Во время торжественного ужина медалями фонда были награждены люди с особыми заслугами в борьбе с белокровием. Такую медаль за создание в Польше самого большого реестра по-

лучила также Уршуля Яворская. Тесные контакты с Фондом им. Стефана Морша помогли также провести 15 июня текущего года во Франкфурте-на-Одере концерт с участием выдающегося джазмена Станислава Сойки. Во время концерта не только шел сбор денег на деятельность обоих фондов, но и распространялись среди молодежи сведения о белокровии и о том, как стать донором. Обследование прошли почти 100 человек, которые пополнят реестр Фонда Уршули Яворской.

Присматриваясь к широкомасштабной деятельности Фонда Морша, Уршуля тоже строит далеко идущие планы. Она хотела бы организовать в мае будущего года первый польский съезд доноров и реципиентов. Уже подготовлен проект памятного диплома, который будет вручаться особо отличившимся в работе на благо больных белокровием. В будущем году фонд рассчитывает также получить помещение для настоящей штаб-квартиры банка доноров, где можно будет разместить лабораторию, операционную для забора костного мозга, архив, а также помещения для хранения образцов крови, которые пока что хранятся в десятках разных лабораторий по всей стране.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Просматривая страничку фонда в Интернете (www.fundacjauj.pl), видишь, как много разнообразных мероприятий проводится одновременно. Постоянно идет поиск доноров, но одновременно ведется просветительская работа, обследуются те, кто прислал в фонд заявления о желании стать донором. Уршуля встречается с пациентами после пересадки, а их примерно 400. И с теми, кто только что узнал о своем заболевании...

Во время состоявшейся в Катовице X встречи Ассоциации пациентов, перенесших трансплантацию костного мозга, существующей при клинике гематологии в Катовице, встретились первый в Польше не родственный донор с человеком, которому пересадили его костный мозг.

Всемирный банк доноров костного мозга сообщает, что в его реестрах имеется уже 7 292 004 потенциальных донора (данные на август 2001). Эти данные взяты из 49 реестров, которые ведутся в 37 странах. Среди них, может быть, вскоре окажется и реестр, который ведет Фонд Уршули Яворской.

Я ЛЮБЛЮ ЖИЗНЬ!..

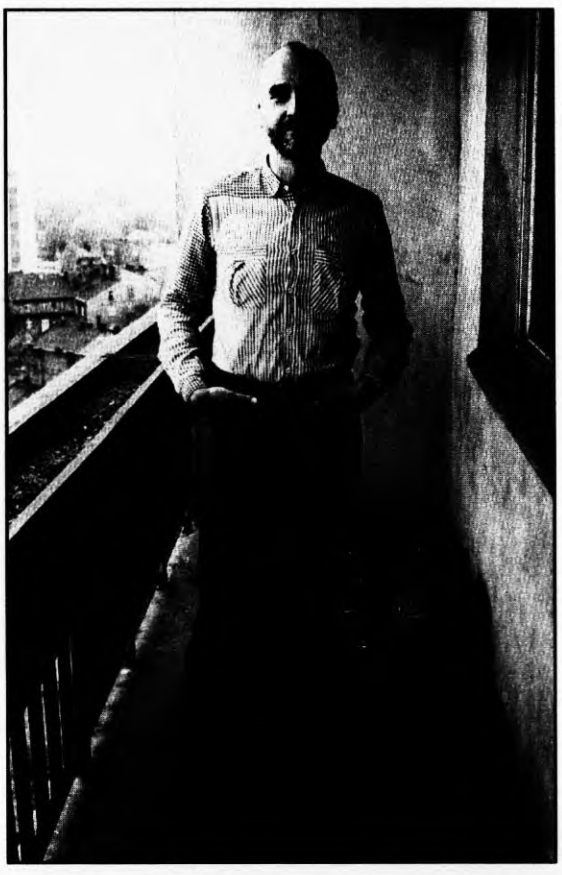
«Эта болезнь ничего у меня не отняла. А дала все. Только теперь я поняла, что́ в жизни самое дорогое, что́ важно, а что́ не имеет значения... За

жизнь надо цепляться судорожно, изо всех сил... Я просто люблю жизнь!»

Популярность Уршулю не изменила. Сегодня она такая же, как во время нашего знакомства осенью 1996 года. Она быстро говорит и быстро ходит. Она сверхактивна. День для нее слишком короток. Просто ее жизнь, замерев на минуту на повороте, пошла совершенно в другую сторону... До болезни, когда она танцевала в ансамбле «Мазовше» и на сцене столичного театра «Сирена», она добивалась популярности для себя. Однако учебу не закончила и в театр, по всей вероятности, никогда не вернется. Теперь она использует свою популярность на благо больных белокровием. Уршуля Яворская — живое свидетельство того, что эту болезнь можно победить. Это для них очень много значит. Ведь по-прежнему еще столько предстоит сделать... Но не всегда удается... Иногда приходится ходить на похороны... К этому невозможно привыкнуть...

Лешек Шаруга

МЕЖДУ



Адам Загаевский

Адам Загаевский, родившийся в 1945 году, принадлежит — наряду со Станиславом Баранчаком, Рышардом Крыницким, Эвой Липской и Ежи Кронхольдом — к самым известным представителям поэтической формации, которую критика именует «Новой Волной» или «поколением 68». В семидесятые годы он был одним из редакторов первого подпольного литературного журнала «Запис», в следующем десятилетии, уже за границей, вошел в редколлегию парижского ежеквартальника «Зешиты литерацке» (среди его основателей были не только поляки — также Иосиф Бродский, Томас Венцлова и Петер Краль).

Дебютировал Крыницкий в 1972 году книгой стихов «Коммюнике». В сборнике были подвергнуты критике готовые языковые формулы — прежде всего именно официальные «коммюнике» и газетные сообщения, но также и литература: автор стремился разоблачить истинный смысл клише. Поэзия здесь прежде всего — искусство отказа, контестации:

Откажись подавать руку этому человеку (...)
и без спешки, не забывая о синтаксических правилах,
скажи правду — это твоя работа; в левой руке
ты держишь любовь, а в правой ненависть.

(«Правда»)

Поиск правды, опознание реальности, в которой выпало жить, — также исходная точка поэтических поисков Загаевского. В изданной совместно с Юлианом Корнхаузером книге эссе о современной польской литературе под знаменательным заглавием «Непредставленный мир» (1974) Загаевский выдвинул требование «говорить прямо», называть вещи своими именами, отказаться от эзопова языка.

Однако правда литературы не должна быть исключительно правдой времени, ее нельзя свести к тому, что поддается актуальной расшифровке. В одном из очерков своей следующей литературно-критической книги, «Второе дыхание» (1979), Загаевский ясно определяет ситуацию: «Говоря не вполне точно и с некоторым карикатурным преувеличением, можно определить поле между соблазном утонуть в современности и соблазном традиционализма как дилемму: реализм или культура. Некультурный реализм или нереалистическая культура. По узкой тропке между двумя крайностями всегда можно провести собственный принцип, не отказываясь от объективизма и не поддаваясь экзальтации».

Собственный принцип Загаевского — открытие «седьмого континента» — воображения. В восьмидесятые годы Загаевский все реже апеллирует к коллективным эмоциям, отказывается от

использования первого лица множественного числа, что на ранней стадии нередко с ним случалось. Начинает говорить от своего имени, хотя по-прежнему — что обозначено в заглавии очередной книги эссе: «Солидарность и одиночество» (1986), — не отрекается от общности. Однако считает, что поэт — защитник собственного, неповторимого, до известной степени интимного мира.

Определяя свою позицию, он пишет: «Я вовсе не хочу отворачиваться от общности, но меня все более привлекает иное ее понимание. Общность не всегда должна быть темой, а тем более — суровым и немедленным судьей поэтической эмоции или видения. Ибо общность складывается из отдельных, одиноких людей (говоря об «одиноких», я хотел бы снять с этого слова ореол гниловатой поэтичности, которой окружил его экзистенциализм), и если эти люди поглощены тем или иным видом духовного поиска, они вовсе не обязаны ежеминутно проверять — а не порвалась ли, случаем, веревка, которая связывает их с остальным обществом». Эти слова свидетельствуют о том, что в мышлении Загаевского присутствует общественный контекст, но понят он уже иначе, нежели в фазе дебюта: поэт перестает быть «представителем» этой общности, тем, кто выступает от ее имени.

Произведения Загаевского все более сосредоточенны — погружены в историю, исследуют формы настоящего и будущего. Позиция поэта — колебание между доверием к миру и недоверчивостью. Ироническая дистанция по отношению к действительности, с одной стороны, и литературе, с другой, кажется неразрешимой дилеммой:

> *Скажи, как вылечиться от иронии, от взгляда,*
> *который видит, но не проникает: скажи, как вылечиться*
> *от молчанья.*
>
> *(«Долгий час предвечерний»)*

Специфическая способность Загаевского — умение превращать альтернативу в сопряжение. Находясь «между» — между миром и литературой, между доверием и недоверчивостью, между «да» и «нет», поэт умеет объединять противоположные стихии. Приятию действительности всегда сопутствует ироническая дистанция по отношению к ней и к самому себе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что шум мира находит в этих стихах гармоническую форму:

> *Я слушал григорианские песнопения*
> *в мчащемся автомобиле*
> *на автостраде, во Франции.*
> *Деревья спешили. Голоса монахов*
> *славили незримого Господа*
> *(на рассвете, в дрожащей от холода часовне).*

Стремительный бег реальности приручен раздумьем, отстраняющей рефлексией. Но возвращения неизбежны, и потому герой стихотворения «Путешественник» (путешествие — один из наиболее частых мотивов в этой поэзии), посещая экзотические пространства, всегда помнит о тех местах, которые он покинул:

> *он прижимал ладонь к груди и проверял, не веря,*
> *что всё ещё при нём билет обратный*
> *в обычные места, где мы живём.*
> *Если, конечно, бывают «обычные» места.*

Адам Загаевский

СТИХИ

СТИХИ О ПОЛЬШЕ

Читаю стихи чужеземных поэтов
о Польше. Ведь есть у немцев и русских
кроме винтовок также чернила,
перья, немного сердца и много
воображенья. В их стихах Польша
похожа на дерзкого единорога,
кормящегося шерстью гобеленов,
она прекрасна, слаба, безрассудна.
Не знаю, каков механизм иллюзий,
но и меня, читателя трезвого, восхищает
сказочная беззащитная страна, которую
растерзывают черные орлы, голодные
монархи, Третий Рейх и Третий Рим.

Перевел Владимир Британишский

БЕЖЕНЦЫ

Сгорблены тяжестью, которая иногда
видна, а иногда нет,
бредут в грязи или в песке пустыни,
голодные, наклонясь вперед,

молчаливые мужчины в пиджаках покрепче,
одетые на все четыре времени года,
старые женщины с лицом помятым,
несущие что-то: младенца, дорогую как память
лампу или последнюю буханку хлеба.

Это может быть Босния сегодня,
Польша в сентябре 39-го, Франция —
спустя восемь месяцев, Тюрингия в 45-м,
Сомали, Афганистан, Египет.

Всегда повозка или хотя бы тележка,
полная скарбом (перина, серебряный кубок
и быстро улетучивающийся запах дома),
автомобиль без бензина, брошенный на краю дороги,
лошадь, которую бросят, снег, много-много снега,
слишком много снега, слишком много солнца, слишком много дождя,
и этот их наклон характерный,
как бы в сторону другой, лучшей планеты,
где менее честолюбивые генералы,
меньше пушек, меньше снега, меньше ветра,
меньше Истории (к сожаленью, такой планеты
нет, есть только наклон их тела).

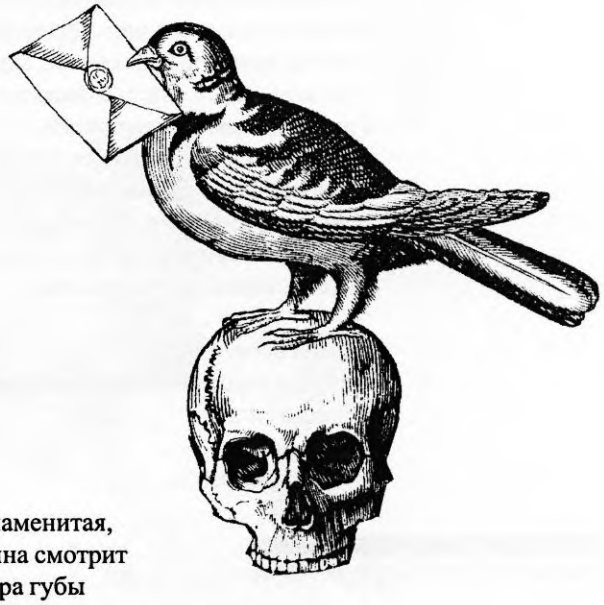
Волоча ноги,
идут они медленно, очень медленно
в страну нигде,
в город никто
над рекой никогда.

Перевел Владимир Британишский

В ЭНЦИКЛОПЕДИИ ОПЯТЬ НЕ ХВАТИЛО МЕСТА ДЛЯ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В энциклопедии опять не хватило места
для Осипа Мандельштама опять он
бездомный всё так же трудно получить квартиру
прописаться в Москве почти невозможно
его зовёт Кавказ шумит
низкорослый лес Азии новые дни ещё не пришли
кто-то другой собирает камешки на черноморских пляжах
до сих пор тянется неправедное следствие хотя мундир
скроен иначе и уже не тот круглоголовый
портной утопает в глубоком поклоне
Ты закрываешь книгу грохот выстрела белая
бумажная пыль щекочет ноздри латинский
вечер падает снег сегодня уже никто не придёт
пора спать но когда он постучится в твою тонкую дверь
открой ему

Перевёл Андрей Базилевский



ДЕВОЧКА ВЕРМЕЕРА

Девочка Вермеера, ныне знаменитая,
смотрит на меня. Жемчужина смотрит
на меня. У девочки Вермеера губы
пунцовые, влажные и блестящие.

Девочка Вермеера — жемчужина,
голубой тюрбан: ты свет,
а я сотворён из тьмы.
Свет смотрит на тьму свысока,
снисходительно, а может, и с жалостью.

Перевёл Андрей Базилевский

РОССИЯ ВХОДИТ В ПОЛЬШУ

Иосифу Бродскому

По лугам и межам, городам и лесам
идут конные, пешие армии, кони,
орудия, мальчишки и старики-солдаты, дети,
бегут поджарые борзые, сыплются перья,
едут сани, кибитки, фиакры, москвичи,
плывут корабли, плоты, понтоны,
тонут лодки, пароходы, лодочки из коры,
летят аэростаты, бомбардировщики, ракеты,
мины и снаряды насвистывают модные арии,
слышны стоны бичуемых и резкие команды,
песни несутся в воздухе, их стальные ноты
тащат юрты, палатки, натягивют канаты,
трепещут над головами льняные полотнища флагов.
Бегут бездыханные, неживые курьеры,
мчатся депеши, тёмно-лиловым светом оплывают свечи,
пьяные командиры спят в незримых каретах,
шепчут молитвы верноподданные попы,
и плывёт луна в едином железном потоке,
идут, идут танки, кортики и мечи,
свищут катюши, быстрые как кометы,
играют дудки, гудят бока барабанов,
держат речь кнуты, тяжко вздыхают борта
паромов, вторжений, идут сыновья степей,
мусульмане, каторжники, почитатели Байрона,
игроки, потомки Азии, хромает Суворов,
следом пританцовывают услужливые царедворцы,
течёт жёлтая Волга, поют реки Сибири,
задумчиво и неспешно ступают верблюды,
несут песок пустыни и размокшие миражи,
маршируют киргизы раскосые, движутся
чёрные зрачки уральских богов,
за ними школы, учителя, языки, поэты,
деревянные усадьбы сползают, как ледник,
бредут немецкие лекари, пластыри, припарки,
раненые, чьи лица белее алебастра;
шагают полки, дивизии, армии конные, пешие,
Россия входит в Польшу, срывая
паутину и листья, переговоры
и верёвки с бельём,
разрывая узы и нити,
дружбы, союзы, бинты и артерии,
взрывая мосты и ворота, будущее и надежду;
Россия входит в деревню на Пилице
и в глухие леса Мазовии,
срывает афиши и сеймы, разбивает дороги,
топчет мостки, договоры, ручейки и тропинки.

Россия входит в восемнадцатый век,
в октябрь и сентябрь, в смех,
в плач и совесть, в напряжённое внимание студента
и в блаженную истому прогретых каменных стен,
в разнотравье лугов и в лесные заросшие просеки,
топчет анютины глазки и резеду, оттискивает на влажном
мху следы копыт, гусениц и покрышек,
корчует печные трубы, деревья и дворцы,
гасит свет, жжёт большие костры
в английских садах, мутит родники,
рушит библиотеки, ратуши и костёлы,
развешивает на небе пурпурные знамена,
Россия входит в мою жизнь,
Россия входит в мои мысли,
Россия входит в мои стихи.

Перевёл Андрей Базилевский

ЕСЛИ Б РОССИЯ

Если б Россия была основана
Анной Ахматовой, если бы
Мандельштам был законодателем,
а Сталин — третьестепенным
персонажем забытого грузинского
эпоса, если б Россия сбросила свою
ощетинившуюся медвежью шкуру,
если б она могла жить словом, а не
кулаком, если б Россия, если б Россия

Перевёл Андрей Базилевский

ПОРАЖЕНЬЕ

Мы умеем жить лишь в дни пораженья.
Дружбы делаются глубокими,
чуткая любовь поднимает голову.
Даже вещи становятся чистыми.
Стрижи танцуют в воздухе,
освоившиеся в бездне.
Трепещут листья тополя.
Недвижен только ветер.
Темные силуэты врагов отделяются резче
от светлого фона надежды. Крепчает
мужество. Они — говорим о них, мы — о себе,
ты — обо мне. Горький чай нам сладок
как горечь библейских пророчеств. Лишь бы
не захватила нас врасплох победа.

Перевел Владимир Британишский

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

Что случилось, то случилось.
Четыре тонны смерти на траве,
засохшие слезы в гербарии.
То, что случилось, останется с нами,
будет вместе с нами расти и умирать.
Но мы должны жить,
шамкает ржавый каштан.
Мы должны жить,
стрекочет саранча.
Мы должны жить,
шепчет палач.

Перевёл Андрей Базилевский

Адам Загаевский

Перевод Андрея Базилевского

ПИСАТЬ ПО-ПОЛЬСКИ

Знакомые иногда спрашивают меня: почему ты не пишешь по-английски? Или — когда я во Франции — по-французски? Они явно предполагают, что я только выиграл бы от такой замены, что лучше пользоваться «мировым» языком, чем провинциальным. В принципе, я с ними согласен; может, оно, конечно, и сподручней писать на каком-нибудь «большом» языке (если б я только мог!). Это напоминает мне анекдот про Дж.Б.Шоу, который в письме к Генрику Сенкевичу будто бы удивлялся, отчего это поляки не переняли русский язык. Вот ирландцы мол усвоили английский, и это пошло им только на пользу! Так-то оно, конечно, так.

Писать по-польски в XIX веке, во времена разделов, было патриотическим поступком; польский язык был в серьезной опасности, прежде всего на территориях, аннексированных русскими. Сегодня такими вопросами никто не задается. Молодой поэт, родившийся в Гданьске, если и помнит о прошлом своего города — а помнить об этом нынче модно! — все же не испытывает колебаний, на каком языке ему писать. Никакого другого языка кроме польского он просто не знает. Лишь тот, кто, подобно автору данного текста, много лет живет за границей, может столкнуться с вопросом (наивным?) о выборе языка.

Писать по-польски — это, помимо всего прочего, значит принять в себя сложное наследие польской истории. Тот, кто пишет по-французски — с иронией, изяществом и толикой поэзии, является, пусть и неосознанно, наследником не только Монтеня и Паскаля, но и Людовика XIV — во всяком случае атмосферы его двора, искусства язвительной беседы, убийственных bon mots, тревог моралистов, споров революционных демагогов. У пишущего по-польски в крови и чернилах иные гены: крах государственной системы в XVIII веке, катастрофа разделов, разгромы неудавшихся восстаний, долгая хрупкая театральность самого бытия нашей страны, которая — не существуя реально и трезво — была лишь химерой, попеременно оказываясь то объектом восхищения (Polenlieder в 30-х годах XIX века, энтузиазм французов), то объектом презрения (Бисмарк, немецкие и русские националисты). Польша, в представлении Европы, была отчасти подобна тому прелестному Тадзё из «Смерти в Венеции» Томаса Манна — прекрасная, недостижимая, неуловимая, детская по своей сущности. Или наоборот — представлялась страной отсталой, грязной, пьяной (к примеру, в очерке Гете о его кратком путешествии в Польшу, увековеченном памятной доской на краковском Рынке) — страной, которую следовало бы как можно скорее покорить. Либо красавица, либо чудовище — ничего посредине. Похоже, еще и сегодня поляки хоть и недоверчиво, но с большим любопытством прислушиваются к мнениям о себе, доносящимся из крупных городов запада.

Теперь добавился еще один капитальный мотив. Непонятно: то ли поляки — герои второй мировой, прекрасные уланы, сражавшиеся против танков, отважные летчики в битве над Англией, несгибаемые и упрямые подпольщики, неустрашимые воины, атаковавшие Монте-Кассино, то ли они — примитивные низколобые антисемиты, вроде поросят из известного американского комикса? Красавица или чудовище? Джентльмены или свиньи? И наконец — то ли эти поляки и впрямь прошли через коммунизм, не запятнав себя грязью, бунтуя и саботируя навязанную Москвой систему (ведь именно такими они любят видеть самих себя), — то ли они были послушными коллаборационистами, как все прочие покоренные народы? До сего дня среди самих поляков нет согласия в оценке того чистилища, через которое они прошли. Не так давно одна известная писательница-историк опубликовала книгу под названием «Великое столетие поляков», посвященную периоду политического небытия, XIX веку; так вот — она исходит из предпосылки о том, что бурная интеллектуальная деятельность рассеянных по Европе изгнанников, поэтов, мыслителей, историков, политических деятелей с лихвой восполняла отсутствие государственного суверенитета. Так ли это?

В десятках мемуарных книг о последней войне и о послевоенных годах польский читатель ищет не только описания чьей-то персональной судьбы, но и ответа на вопрос: кто мы такие? Это беспокойство передается писателям, уже не только мемуаристам, но и крупным, талантливым литераторам; так, все творчество Витольда Гомбровича пронизано — между прочим — и этим беспокойством.

Письмо из бездны

Тот, кто смотрит с западноевропейской колокольни, лишь с трудом может представить себе пропасть, в которую заглянула Польша в новейший период истории.

Например, осень 1944-го, момент — кстати, зафиксированный хорошо, должно быть, откормленным вермахтовским оператором, — когда уцелевшее и покорившееся судьбе население Варшавы медленно бредет бесконечной колонной, состоящей из женщин, детей, стариков и мужчин, покидая разрушенный город после разгрома восстания. Эпизод из весьма богатой коллекции страшных картин ушедшего века. Гражданское население покорно покидает свой город, лежащий в руинах, столицу европейской страны, — что может быть горше? Только лагеря и крематории, или кошмар еще более безнадежного восстания в том же самом городе, в еврейском гетто, в 1943 году.

Тот момент стал точкой отсчета незримых дебатов, развернувшихся между польскими писателями сразу после войны. Конечно, они спорили не так, как привыкли полемизировать профессиональные историки, — не пытались разрешить проблему вины и ответственности за Варшавское восстание, не анализировали военно-политическую ситуацию, но именно это было точкой отсчета литературы — гораздо более трагичной, чем в академическом эссе Ролана Барта. Небытие, которое изведала Варшава, а вместе с нею и вся Польша, неизбежно и надолго окрасило воображение польских писателей. Даже не окрасило, а более того — вошло в него, как постоянный элемент: воображение польской литературы освоило бездну.

Очевидно, излишним педантизмом было бы напоминать о том, что годы сталинщины не принесли существенного улучшения; разумеется, натиск террора — в сравнении с террором гитлеровским — значительно ослаб, и значительная часть населения жила в уверенности, что восстановление разрушенной страны, пусть даже под жестким руководством компартии, есть занятие похвальное, которое нельзя откладывать до лучших времен. Тем не менее мало кто был свободен от всепоглощающего чувства горечи. Гротескное расточительство коммунистической экономики и вездесущая тайная полиция не давали забыть, что разворачивается некое действо, которое ближе к театру абсурда, нежели к осмысленной государственной деятельности.

Неумолимая и спасительная фривольность времени привела к тому, что нынешнее молодое поколение, начитавшееся теоретиков постмодернизма и знающее все о ловушках текста, уже забыло о том кошмаре; однако своей радикальностью послевоенная польская литература во многом обязана энергичному ответу на тот исторический эпизод — момент, когда население Варшавы покидало разрушенный город. Нынешние дебютанты просто ничего этого не могут помнить, но для меня и моих ровесников, родившихся сразу после войны, развалины домов, заросшие травой, были притягательны, словно руины готического аббатства для первого поколения романтиков, они скрывали в себе сокровища и опасности, были естественным и любимым пейзажем детства, подарившим нам первое вдохновение.

Поколение Гигантов

В Польше последних 60 лет — и в самой стране, и в эмиграции, поскольку, как известно любому краковскому школьнику, литература эта создавалась столь же на родине, сколь и в Париже, в Аргентине или в Калифорнии, — писательство редко бывало занятием академическим, головным, бескровным, побочным, редко сводилось лишь к индивидуальному поиску прекрасного, к флоберовской борьбе с языком, к добросовестной записи чьей-либо отдельной жизни с ее невзгодами. Литература была скорее похожа на гудящую, полыхающую огнем гончарную печь, в которой при высокой температуре и на глазах пристрастных свидетелей, заинтригованных членов полиса, обжигались сосуды поэзии и прозы. Литература имела огромный вес, шел большой, серьезный диспут, в котором экзистенциальные мотивы переплетались с проблемами всей общины, всего полиса. При этом, парадоксально, участники спора — Витольд Гомбрович, Ежи Стемповский, Чеслав Милош, Александр Ват, Юзеф Чапский, Збигнев Херберт, Густав Херлинг-Грудзинский, Ежи Гедройц, если назвать только Гигантов — бунтовали против самого этого спора, совершенно его не желали. Их волновали крупные, универсальные темы и сюжеты, в том числе мотивы метафизические, но к ним они могли прорваться, лишь с трудом прокладывая путь сквозь чащу вопросов, вырастающих из общей, политической, почвы. Очевидно, излишне добавлять, что писали все они замечательно и речь тут вовсе не о группе идеологов, но о великих мастерах, волшебниках пера.

Без этого фона понять польскую литературу невозможно; это, разумеется, уже не была, как в прежние века, литература шляхтичей, которые сидят в деревне, в своем поместье, читают Плутарха и Вергилия и после благополучной уборки урожая предаются неспешному литературному труду. Поколение, чья зрелость пришлась на момент великого кризиса, великого Небытия, поколение, рассеянное по всему миру, боролось за выживание в невероятно трудных условиях, как экономических, так и духовных, его игнорировали парижские, и не только парижские, левые; но ему удалось заложить основы новейшей польской словесности. Оно сумело создать модель литературы, чей ответ на историческую угрозу был универсален, а не провинциален. Сумело коснуться глубин надежды, избегнув легких утешений.

Цитата из недавно — посмертно — изданного дневника Зигмунта Мыцельского, писателя и композитора, хорошо иллюстрирует дилемму авторов, писавших за железным занавесом: «На западе я наверняка был бы «черным» писателем, одним из тех, кто трубит в рог пессимизма, возвещает конец Европы и света, бессмысленность человеческого пути и эволюции нашего вида. Здесь же — ввиду интеллектуального и экономического убожества — я трублю в рог морали и смысла бытия».

Замечено, что поэты повсеместно берут на себя роли, обычно доверяемые скорее романистам, если не философам; однако в Польше поэты, не смущаясь аскетичными рекомендациями модернистского эстетического катехизиса, не отступили в резерват герметических метафор и с величайшим рвением исследовали недуги мира. Судя по интересу, с которым читатели следили за их творчеством, поэты сделали интересный выбор. В худшие годы сталинизма студенты тайком читали «Моральный трактат» Милоша. «Поэма для взрослых» Адама Важика, опубликованная в 1955 году, вызвала всенародную дискуссию и содействовала успеху политической оттепели, а «Послание Пана Когито» Збигнева Херберта, стихотворение, написанное поэтом в минуту отчаяния, когда он не ожидал перелома, не видел конца деспотии, стало почти гимном — оппозиционеры декламировали его и в 70-е, и в 80-е годы. Причем поэтам удалось обратиться к широкой публике, не снизив художественного уровня!

Бумажный зонтик

Я убежден: сегодня было бы гораздо труднее писать по-польски, если б не деятельность поколения Гигантов. Возможно, единственная проблема с Гигантами — то, что их величие и благородство помешали следующему поколению разыграть эдипову комедию нравов, борьбы поколений, сожжения портрета отца. Как бунтовать против тех, кто страдал за истину, против столь выдающихся свидетелей эпохи, которые к тому же так великолепно писали?

Есть и другая проблема: она связана с тем, что, в известном смысле, поколение Гигантов писало «ради идеи»: борясь и споря с идеологией, отчаянно защищая оскорбленную человечность, оно вынуждено было сосредоточиться на интеллектуальном освоении бытия, игнорируя потенциально бесконечное множество ситуаций, создаваемых уже не внешним, враждебным началом, но имманентной и неисчерпаемой прихотливостью мира.

И наконец проблема третья — яростная полемика с новейшей историей привела к тому, что польской литературе пришлось до известной степени забросить то, что можно было бы назвать «чистым», внеисторическим воображением. Правда, писатели поколения Гигантов, такие, как Александр Ват или Чеслав Милош, отдавали себе отчет в сложности этой проблемы и порой говорили о необходимости обратиться к пластам онтологическим, или, проще говоря, к немодной ныне религиозной (основополагающей!) проблематике.

Писать по-польски... Над каждым, кто пытается это делать, нависают все новые угрозы. То самое знаменитое «нормальное состояние», которое трудно определить и о котором так мечтали граждане Восточной Европы, наконец воцарилось, в том числе и в литературе; тривиальность ныне дозволена, можно легко, банально и довольно гладко писать о себе и обо всем прочем (но главным образом — о себе). Великая и отчасти случайная победа демократии над тоталитаризмом может проявляться, в частности, как триумф пошлости над ложью: ложь была сутью коммунизма — демократия никого не защитит от вульгарности.

Польские писатели среднего и младшего поколения, хотя и не всегда отдают себе в этом отчет, все еще ходят под зонтиком, который раскрыли над ними Гиганты. Однако в литературе зонт не только защищает от дождя, но и закрывает звездное небо, так что неизвестно, надолго ли хватит такой защиты.

Писать по-польски? Обретаясь на карте Европы между гениальными — когда-то — русскими и гениальными — когда-то — немцами?.. А может, это не самое худшее — иметь способных соседей, которые вдобавок стали теперь немножко менее способными и гораздо менее агрессивными.

Писать по-польски... Но, в конце-то концов, не все ли равно — на каком языке мы пишем? Разве не всякий язык, если пользоваться им искусно, может открыть нам путь в поэзию, в мир? Тот, кто пишет, всегда одинок перед белым листом бумаги или бледным экраном компьютера, которые взирают на него пристально и вызывающе. Он всегда один — хотя пишет не для себя, а для других. Вдохновленный и в то же время подавленный традицией, этим великим шумом умерших голосов, он пытается заглянуть в будущее, которое вечно молчит. Те мысли, что он пытается высказать, похоже, не принадлежат ни одному языку, они гудят в нем самом — подобно еще одной стихии, наряду с воздухом, водой и огнем.

Он одинок: он хочет выразить радость или печаль. Свидетели его поисков — не чиновники в паспортных столах и не университетские знатоки грамматики, а единственно — солнце и смерть, две силы, которым, как сказал Ларошфуко, мы не можем посмотреть в лицо.

Петр Мицнер

ТЕАТР ВОСЬМОГО ДНЯ

Сцена из спектакля «Переоценка для всех»

В XX веке часто (а в Польше очень часто) звучало мнение, что искусство не поспевает за историей, не может ни обобщить опыт прошлого, ни уловить смысл текущих событий. Острее всего с этих позиций атаковали театр. Отчасти справедливо. Однако следует отдать должное артистам, которые сумели совладать на сцене с тем, что история преподнесла личности и обществу.

«Театр Восьмого дня» с начала своего существования по сей день обращается именно к этим проблемам. Возникнув в кругах познанского студенчества в 1964 г., он очень скоро стал одним из важнейших коллективов польского альтернативного театра. Отказался от сцены-коробки, ликвидировал дистанцию между сценой и зрительным залом, опираясь на опыт Ежи Гротовского выработал свою, необычайно эмоциональную методику работы и игры актера. Спектакли театра — совместное произведение актеров.

В начале 70-х спектакли «Театра Восьмого дня», такие, как «Введение в...» и «Одним духом» (по текстам Станислава Баранчака) положили начало театру протеста, выступающему против всех форм порабощения человеческой личности. В те годы сложился нынешний состав труппы.

Странные это были времена. С одной стороны (особенно во второй половине 70-х), нарастали ограничения свободы слова и гражданских прав, что дало импульс формированию оппозиции. С другой стороны, во всей сфере культуры самой большой свободой пользовался студенческий театр. Тексты Херлинга-Грудзинского, Солженицына, Милоша, Камю цензура не пускала в печать, но их можно было произносить со сцены. Возможно, чиновники считали этот театр явлением элитарным, маргинальным, не достойным внимания. Между тем именно здесь, на «периферии», разворачивались важнейшие для польской культуры дискуссии. Разумеется, в крайних случаях власти реагировали. Более всех преследованиям подвергался именно «Театр Восьмого дня»: судебные процессы, потеря работы, лишение залов, запрет на выступления в Варшаве...

Однако познанский театр сумел подняться над обстоятельствами — он никогда не был сценой сиюминутной политической агитации. Бунт его был гораздо глубже, а свобода, за которую он боролся, была свободой не от того или иного строя, но от порабощения, которое несут в себе культура, обычаи, общественная жизнь. Об этом — спектакли «Что ж нам, ограничиться тем, что здесь назвали раем на земле?», «Переоценка для всех», «Ах, как же мы достойно жили».

После введения военного положения (декабрь 1981), когда улицы польских городов стали местом демонстраций и столкновений, «Театр Восьмого дня» тоже вышел на улицу с новыми спектаклями («Рапорт из осажденного города», «Чудеса и мясо»), которые раскрывали метафизическое измерение коллективного протеста. Власти почуяли опасность. В 1984 г. театр был закрыт, ему пришлось уйти в подполье. Год он выступал в костелах — играл, в частности, «Взлет», спектакль по мотивам биографии и стихотворений Осипа Мандельштама, и даже давал премьеры новых спектаклей: «Малый апокалипсис», «Полынь».

Однако положение стало настолько трудным, что в 1985-1986 гг. коллективу пришлось эмигрировать. Театр показывал новые спектакли по всей Европе, а его постоянным местом пребывания стала Италия. В Польше театр выступать не мог. Вернулся он через Советский Союз: случилось так, что в 1989 г. его пригласили участвовать в передвижном международном фестивале «Мир-караван», который начался в Москве, а завершился в Париже.

По возвращении в Познань «Театр Восьмого дня» поставил спектакль «Ничья земля», обобщая опыт эмиграции, эйфории «осени народов» 1989 года и крушения Берлинской стены и сопоставляя эти события с духовным заветом Европы, авторами которого в спектакле выступают Ван Гог, Ницше, Рильке, Арто и Цветаева.

В 1992 г. родился очередной спектакль — «Реквием», монодрама Эвы Вуйтяк на основе поэмы Анны Ахматовой. Вот как высказался об этом спектакле искусствовед, активист рязанского «Мемориала».

Виктор Лозинский:

Здесь в полной гармонии слились жизнь и смерть, женственность, любовь и трагедия. Трагедия огромной страны показана через трагедию матери, сильной в своей хрупкости. Как ни странно, Эва Вуйтяк очень похожа на Анну Ахматову. Та же резкость и удивительная гибкость движений, тот же низкий и очень женский голос. Перед нами не воссоздание «Реквиема», но попытка его прочтения и понимания, очень удачная попытка. Зрителю не навязывают «единственно верного» истолкования — ему предлагают превосходно подготовленную актрисой и композитором возможность по-своему прочесть великий «Реквием».

Перед началом спектакля «Шабаш»

Эва Вуйтяк:

Россия во многих отношениях была фундаментом нашего образования. Прежде всего, конечно, литература. Не преувеличу, если скажу, что сформировал нас Достоевский: его мысль вдохновила нас и определила канву нашей работы. Так и по сей день. Это наша библия. Моим литературным посвящением стал «Великий Инквизитор»; я прочла его в 19 лет и неделю была больна. Весь мир можно описать, опираясь на Достоевского. Можно пользоваться «Бесами» как особым языком, отдельные знаки которого уже не вызывают дискуссии.

Не забудем и о нашей собственной «бесноватости». Недаром какое-то время назад мы постоянно обнаруживали в себе то Смердякова, то Верховенского.

С другой стороны, была легенда российских общественных движений. Прежде всего «Народной воли». Отсюда замысел театра, который мы назвали «орденом братства». Почитали мы и декабристов. Во всем этом мы искали не только идею заговора, но и попытку создания альтернативной дружеской общности.

Ну и наконец — книги писателей-диссидентов: Солженицына, Буковского, Синявского. Величие русской литературы было отчетливым. Мы знали ее лучше, чем польскую, она была для нас важнее. Это была наша литература, наши романы. Таких польских книг не было. А романтизмом мы не особо увлекались.

Собственно говоря, каждый спектакль, все импровизации, которые к нему вели, касались русского опыта. Даже когда в самом тексте не было русских мотивов.

В последние годы «Театр Восьмого дня», помимо знаменитого камерного спектакля «Танцуй, пока можешь», осуществил три больших пленэрных постановки, с которыми объехал всю Польшу и почти всю Европу. Первым был «Шабаш» — зрелище, разыгранное на гигантской карусели, к которой прикованы различные «выродки» этого мира. Затем «Саммит» — жуткое, издевательское виде́ние, вдохновленное состоявшейся несколько лет назад встречей глав государств и правительств самых богатых стран мира, изобиловавшей пышными банкетами и посвященной... вопросу голода на планете. И, наконец, «Ковчег», смысл которого в поэтической рецензии точнее всего выразил польский поэт и художник.

Кшиштоф Костеша:

Люди-огнеметы взрываются желтыми и красными вспышками в тотальной тьме, которая поглощает все. Фигуры, привязанные к мачтам, бьются головами о металлический парус, который отзывается резким воющим звуком. Искрящийся огонь пропадает во мраке. Факелы почти касаются голов бурлящей публики. Ковчег въезжает в толпу, приходится от него убегать. И посреди всего — неизменная Эва Вуйтяк танцует с

Адамом Боровским, а он, как обычно, в длинном-длинном плаще. Внезапно их разделяет взрыв петарды. Все словно проваливается в щель между разъезжающимися половинками подмостков.

Появляются высокие полыхающие окна, через мгновенье это уже всего лишь оконные рамы, которые приближаются к нам. Мы видим, что каждая рама укреплена на тележке, которую толкает один из актеров. Вот они уже близко, вот они проходят мимо, у них мертвые, окаменевшие лица.

«Ковчег» — это рассказ о колесящих по континентам беглецах, беженцах и скитальцах нашего времени. Кульминация спектакля — появление движущегося, блистающего металлом корабля, который принимает беженцев на борт, разворачивает пурпурные крылья и в свете прожекторов тянет за собой свою изогнутую, спокойно колеблющуюся тень, словно плывя по настоящему морю.

В 1995 г., после долгих лет странствий, «Театр Восьмого дня» получил наконец в Познани собственное помещение. Оно служит не только для репетиций и показа собственных спектаклей коллектива. Здесь работают театральные мастерские, проходят гастроли самых интересных альтернативных театров из Польши и со всего мира, выставки, демонстрации кинофильмов, дискуссии, в которых принимают участие толпы подростков. Для них, как говорят они сами, это альтернативная школа независимого мышления и экспрессии. Именно здесь встречалась с познанской публикой активистка «Мемориала» Сусанна Печуро.

Сусанна Печуро:

Познанский «Театр Восьмого дня» широко известен и любим в Польше. К сожалению, в России его почти не знают, т.е. знают и тоже любят люди театра, но рядовые граждане практически не слышали о нем.

Я одна из немногих людей в России, кому повезло не только увидеть хотя бы некоторые из их прекрасных спектаклей, но и быть в течение нескольких дней гостем театра.

Я не театровед, не литератор, даже не могу назвать себя заядлой театралкой, так сложилась жизнь, хотя в Москве есть некоторые театры, в которых я видела практически все.

Я просто пожилая москвичка, член научно-просветительного и правозащитного общества «Мемориал», и именно как член «Мемориала» была в 1993 г. приглашена на общественный диспут о нравственности в истории и политике, организованный «Театром Восьмого дня»

В те дни мне посчастливилось увидеть спектакль «Реквием» Анны Ахматовой с неподражаемой Эвой Вуйтяк. Ее игра была настолько глубокой и тонкой, пронизанной таким внутренним трагизмом, что я, несмотря на плохое знание польского языка, кажется, чувствовала каждое слово. Каждый жест, интонация Эвы — Анны были точными и единственными, прекрасно ложившимися на музыку Арнольда Домбровского.

Еще раз подчеркиваю, что я не театровед и мне очень трудно найти нужные слова. Я только могу сказать, что редко испытывала такое сильное волнение, как на «Реквиеме», была потрясена до состояния катарсиса!

Вообще, странно мне, рядовому зрителю из другой страны, рассказывать о польском театре. Мне просто хочется поделиться тем волнением, той радостью, с которой я много лет вспоминаю о своих встречах с театром, и не только о спектаклях, но, более того, о людях театра, которых я узнала и полюбила во время своего визита.

Дискуссия 1993 года показала, что театр не замыкается в «башне из слоновой кости», несмотря на очень большой и сложный репертуар, серьезные творческие поиски. Театр живо интересуется общественно-политическими, этическими и философскими проблемами современного мира.

Именно этим объяснялось их приглашение меня летом 1995 г. для общей работы над телепередачей о Чеченской войне. Я приехала тогда переполненная болью и ужасом, привезла материалы, в том числе и видеокассету о том кровавом аде, в которую была превращена чеченская земля.

Сцена из спектакля «Шабаш»

Я хотела, чтобы люди в Польше тоже узнали об этом и приложили хоть какие-нибудь усилия, чтобы способствовать прекращению этой бойни. Наши слабые голоса, голоса противников войны в России тонули, как в вате, в общем молчании. Мы просили о помощи.

Я рассказывала всем, кто соглашался меня слушать, о страданиях и смертях чужого, далекого народа, и видела, что меня слушают с искренним волнением и сочувствием. Для актеров театра из польского города Познани, тихого, уютного, полного цветов, руины Грозного были их болью. Я чувствовала, что нахожусь среди друзей и единомышленников.

Но в те же дни, когда мне так трудно было хотя бы на короткое время отойти от чеченского кошмара, я была окружена таким теплом и вниманием, что до сих пор вспоминаю эти несколько дней с радостью и глубокой сердечной благодарностью. Позволю себе сказать несколько слов о той обстановке, в которую я попала, приехав из Москвы на сильно опаздывавшем поезде, с тяжелой сумкой правозащитных материалов в руках.

Меня встретили на перроне приветливые и заботливые артисты и повезли в театр, где я попала в большую, светлую комнату, уставленную цветами Из широкого окна можно было видеть центр города, старые, прекрасные здания, яркая зелень, красивые, нарядные люди, держащиеся с изяществом и достоинством, свойственном полякам.

Эва Вуйтяк, Тадеуш Янишевский, Адам Боровский, Мартин Кеншицкий и другие приняли меня в свой мир, как в свою семью. Конечно, я понимаю, что, как в любом коллективе, особенно творческом, не может быть всегда безоблачных отношений. Видимо, бывают и конфликты и сложности. Но в те несколько дней я отметила для себя удивительное взаимопонимание и гармонию отношений, всей их совместной жизни, а не только работы. И каждый вносил в жизнь этого удивительного театра то, что можно назвать ароматом личности, свою индивидуальную краску. Большинство из них вместе уже много лет. Они вместе скитались по Европе, когда этому театру не нашлось места в Польше в годы военного режима. Вместе ищут и находят свои пути в искусстве.

Будучи гостем театра, я имела возможность ознакомиться со спектаклями, записанными на видеокассеты, но в живом исполнении видела еще только один спектакль «Ничья земля». Его давали в рамках культурной программы в Подкове-Лесной осенью 1997 г., когда там проходила очень интересная встреча диссидентов из Восточной Европы. Такой неискушенный зритель, как я, воспитанный на советском реализме, с трудом пробивался сквозь усложненный, символический язык образов этой вещи. Я не смогла бы пересказать фабулу, да это, как оказалось, и не надо. Энергетика спектакля, выразительность игры, лаконизм и четкость декораций, прекрасная — все это вызвало сильные эмоции, потрясло и сделало спектакль незабываемым.

Эва Вуйтяк:

Из всех встреч с русскими две были для меня, несомненно, важнее всего. Первая — с Владимиром Буковским, человеком со стальным взглядом, от которого ничто не укроется. Вторая — с Сусанной. В ней сосредоточились все мои русские увлечения. Когда она призналась мне, что чувствует себя дочерью «Народной воли», мы ощутили огромную близость. Мы были как две маленькие девочки-идеалистки, влюбленные в одну и ту же мысль о том, что жизнь может быть прекрасна, а людей могут соединять глубокие духовные отношения. Она для меня — одновременно и девушка из «Народной воли», и Мария из «Бесов». В ней воплотился мой давний русский миф.

ГОСТИ «ТЕАТРА ВОСЬМОГО ДНЯ»

В октябре этого года в «Театре Восьмого дня» прошла трехдневная встреча под провокационно сформулированным названием «Чужой — ненужные терзания или шанс?». В ее рамках был показан спектакль «Ничья земля», документальный фильм Анджея Титкова «Остановка на пути в рай» (о беженцах, пребывающих в нашей стране), развернута выставка замечательного польского фотографа из Швеции Иоанны Хеландер, демонстрировались ее фильмы.

Главными гостями и участниками многочасовой дискуссии были живущие в Польше иностранцы — интеллигенты, которые пытаются работать, творить на стыке культур, порой чуждых и весьма далеких друг от друга. В разговоре за круглым столом приняли участие: музейный работник Исса Адаев из Чечни, кубинский переводчик и прозаик Педро де ла Торре Диас, физик Виктор Домуховский из Грузии, венгр-политолог Акош Энгельмайер, иракский поэт Хатиф Джанаби, поэт из Камеруна Симон Молеке-Нийя и поэт и переводчик из Косова Мазлум Санея. Все они, в общем, были едины во мнении, что поляки не проявляют к ним неприязни. Укоренение в нашей стране пришельцам из-за рубежа больше всего затрудняют отсутствие должного правового регулирования и бездушие чиновников. Мазлум Санея в своем выступлении, в частности, сказал:

«Процесс перемещения людей, взаимного проникновения культур неизбежен. Является ли это угрозой для этнически однородных обществ? Полагаю, что нет. Территории на стыке нескольких культур выполняют вдох-

новляющую и мифотворческую роль. Такую роль играла Литва в жизни Мицкевича, а потом — Милоша». Коснувшись террористической атаки на Всемирный торговый центр, Санея сказал: «Это совершили фанатики — не исповедники ислама. А фанатики всегда опасны, независимо от того, какую идеологию они исповедуют».

МАЗЛУМ САНЕЯ

Мазлум Санея *много лет переводит албанскую литературу на польский язык и польскую на албанский (переводил, в частности, стихи Милоша, Шимборской, Мицкевича, Норвида и Словацкого). Издал на польском два сборника своих стихов. В 1994 г. получил статус беженца.*

БЕЖЕНЦЫ

Босые и голодные
они входят в мир
кочуют из угла в угол по улицам Европы
средь бела дня среди ночи ищут спасенья
потерянные преследуемые истязаемые

Молчаливые мужчины
всегда в одном и том же платье
молодые женщины со сморщенными лицами
постаревшие дети
в новой среде
которая не понимает их обычаев

Сколько снега сколько дождя
в странствии долгом как боль
они кочуют неторопливо и быстро
никуда ниоткуда
из угла в угол по всей Европе

Новые бараки старые пакгаузы
для албанцев боснийцев негров армян
во всех уголках Европы
Новая карта мира
с новыми красками и новым горем

НЕСНОСНЫЙ ДАМОКЛ

Из окна Национальной библиотеки в Варшаве
я смотрю на Европу
Люди народы границы
И дамоклов меч

Старушка Европа издевательски смеётся

Приходит ночь проходит время новый век
Варшава спит

Ржавеет меч

Дамокл отдыхает
в нейро-психиатрическом корпусе
Спокойной ночи Косово
Изможденное Косово

Я НЕ ТОТ

я не боюсь

вот моя комната
шкаф кровать
стол стул
фотографии умерших
отца матери брата
ваза с цветами
пишущая машинка

эта фигура в чёрном
фигура в маске
никогда больше не придёт

странное дело
я опять убегаю
всё дальше и дальше
от мёртвых предметов
от пустого дома

забираю с собой
в пурпурное странствие
тоску по родине боль

однако
я уже другой
я не тот

я не боюсь

ХАТИФ ДЖАНАБИ

Хатиф Джанаби *— беженец из Ирака. В Польше с 1976 года. Поэт, полонист и театровед. Преподает в Варшавском университете. Автор монографии «Арабский театр» и книги стихов.*

ДИКИЕ КОНТИНЕНТЫ

М.Х.Аларайи

В этих лесах, в их покровах расшитых
в их чёрных костях
есть некто, кому ведомы начало и конец
кто грядет без шума
кто ищет трепета совести
кто плачет искренне
и есть тот, кто притворяется, что плачет
есть тот, кто взывает:
о пламя моё, о моё в золотых одеяньях веселие
стань знаменем моим и укажи мне путь
и есть тот, кто стал тьмой
царём самозванным

в этих болотах,
я видел ползущих как муравьи
видел, как идут на поклон, исполняют вассальные пляски
и оставил я там свою кобылицу
нагую
обезумевшую
бредущую по пустыне

и увидел того, кто кричал: ооо пууустыыыыняяяяя
и не было ничего кроме эха, ничего
и увидел я кобылицу отчизны моей
обезумевшую
скачущую по пустыне
я побежал за ней
и наполнился плач мой
ветром и пылью
а когда я спросил, как поймать её
наполнился плач мой травой и камнями
а когда я сказал им - идёмте же вместе
порвался плащ мой и я воззвал:
о пустыня моя, пустыня
жар-одеянье и в нём земля
и на древе оливы повесил я душу как арфу
и водрузил свой флаг на площадях Багдада
и возложил свою голову
на Аравийский полуостров
с той поры она кружит, как сура Корана
— да сгорят руки отщепенцев
и нет здесь золота кроме пепла
нет цветов радуги

ибо есть белые тернии
тернии белы
белизна это тернии
вот предел наш непокорённый
и вино вольной песни
когда песнь на устах замерла
отозвались срамные припевки
и устремился я за ней
со всеми терниями, белизной
зеленью, пурпуром
голосами и эхом
с толпами обнажённых
рыдающих женщин

и сказал: да исполнится слово царицы Савской
какие вести принесёшь ты
какие вести принесёшь ты
о Багдад, Багдад
отпылали твои пророчества
ныне преследуют всех
и как дикие звери они обгоняют напуганный
ветер

я кричал: пууустыыыыняяяяя
моё сердце висело на древе оливы
пуууустыыыыыняяяяяяя

я странствовал с племенем обнажённых женщин
чьи волосы были распущены
я кричал - вот предел наш неодолимый
а когда мы достигли его

вода окрасилась кровью
опустели дороги и не было ничего
кроме дыма и обугленных остовов
так исполняется апокалипсис
нет больше золота лишь золотые языки огня
я устремился за ней
с пурпуром, белизной, голосами и эхом
и увидел я кобылицу отчизны моей
в пучине крови
ошалевшую
убегающую в пространство —
и вскричал я: о ты, пустыня моя
и не было ничего кроме эха
ничего кроме эха

пуууууустыыыыыняяяяяя

Варшава, 29.05.1983

Стихотворения с польского оригинала перевел Андрей Базилевский

Валерий Мастеров

«ТЕПЕРЬ ПОЛЬША»

«Уважаемая редакция!
В рамках проведенных в нашем городе «Дней Польши» студенты и преподаватели Нижегородского университета приняли участие в семинаре, посвященном проблемам российско-польского сотрудничества. Не могли бы вы рассказать об организаторах интересной выставки «Это Польша», со вкусом представивших некогда популярные в нашей стране польские товары, а также о перспективах подобных контактов, в которых заинтересованы наши студенты, изучающие польский язык и страноведение. И еще. К нашему сожалению, только сейчас мы узнали о вашем журнале и уже загорелись идеей провести его презентацию в Центре славянской культуры Нижнего Новгорода. Насколько это возможно?

Илья Кузьмин,
зам. декана филологического
факультета Нижегородского
госуниверситета им. Н.И. Лобачевского».

С удовольствием откликаюсь на просьбу редакции «Новой Польши» ответить на письмо читателя из Нижнего Новгорода, тем более, что мне довелось участвовать в упомянутой выставке и беседовать с ее организаторами. Прорыв на российский рынок Польша готовила давно и основательно. Направление главного удара было выбрано исторически расчетливо: Нижний Новгород. Не в смысле, конечно же, запоздалого ответа на решительные действия местного торгового человека Козьмы Минина, который четыре века тому назад организовал ополчение и двинул на Москву выкуривать из неё непрошеных гостей с Вислы, а с учетом ярмарочных традиций и огромного экономического потенциала, характерного для Приволжского федерального округа. Ведь и вправду дух захватывает, если вообразить, что сюда, к месту слияния двух великих рек — Оки и Волги — с 1817 года съезжались купцы со всей Европы. Ткани на любой вкус, всякие металлы, какие угодно краски — да чего только не было на бывшей Макарьевской ярмарке, занимавшей первое место по товарообороту в России.

АДРЕСА СОТРУДНИЧЕСТВА

Главным и самым значительным событием в российско-польских отношениях за последнее десятилетие стала развернутая на Нижегородской ярмарке национальная выставка «Это Польша», в которой приняли участие несколько десятков лучших польских фирм. Её организаторы — министерство экономики РП, фонд «Теперь Польша», торгово-экономический отдел посольства РП в РФ — не просчитались: им действительно удалось и себя показать и на людей посмотреть.

Опытный организатор выставок и ярмарок польская фирма «ELTAR» сдала «под ключ» по-современному подготовленную и привлекательную экспозицию, на которой нашлось место продуктам питания, бытовой технике, модной одежде, строительным материалам и многому другому. «Panorama Firm» преподнесла каждому посетителю уникальный подарок — фундаментальный каталог польского бизнеса (в том числе и на CD-Rom), содержащий базу данных 25 тысяч польских предприятий, их рейтинг, а также массу полезной информации, необходимой в торговых отношениях.

В рамках выставки прошли семинары и конференции. Состоялись просмотры польских фильмов, была открыта отдельная экспозиция из краковского Музея плаката. Настоящей сенсацией стали показы моды известного в Польше кутюрье Бернарда Ханаоки, которому удалось с местными моделями и манекенщицами подготовить эмоциональное и динамичное представление.

Идея организации «Дней Польши» в Нижнем Новгороде была утверждена сопредседателями Совместной комиссии по торговле и сотрудничеству Польши и России. После этого она не раз становилась темой на двусторонних встречах, в том числе и министров иностранных дел двух стран. С обеих сторон были созданы оргкомитеты. И вполне искренне все польские гости благодарили за помощь в подготовке выставки местную администрацию.

Эхо «польских дней» в Нижнем Новгороде не могло не докатиться до Польши. Учитывая проявленный интерес нижегородцев, рассматривается возможность сделать их традиционными — раз в два года. Идут консультации между вузами, посвященные обмену преподавателями и студентами, а также развитию научного сотрудничества. Главный редактор ежемесячника «Новая Польша» профессор Ежи Помяновский с признательностью воспринял идею презентации журнала в Центре славянской культуры Нижнего Новгорода, а также предложение встретиться со студентами и преподавателями Нижегородского университета.

Интересно, что весьма заинтересованными в установлении контактов с польскими фирмами

оказались соседи нижегородцев по Волге — саратовцы, проявившие завидную активность на ставшем традиционном Экономическом форуме «Польша-Восток» в польском курортном городе Криница (о форуме «Новая Польша» подробно писала в № 10 за 2001 год). В беседе с автором этих строк заместитель губернатора Саратовской области Александр Фогель с удовлетворением обратил внимание, что удалось подписать соглашения о двустороннем сотрудничестве с Лодзинским и Куявско-Поморским воеводствами. В этом случае не приходится говорить, что хорошие намерения останутся на бумаге. Ведь речь идет о создании в Саратовской области пяти совместных предприятий и еще о 18 инвестиционных проектах. В Саратове откроются польские представительства, которые не ограничатся строительством офисов, а будут обладать таможней, консигнационным складом, стоянкой на десятки большегрузных автомобилей и выставочным залом. В Поволжье начнет действовать и первый российско-польский инвестиционный фонд. Все это определило адрес второй в этом году выставки польских товаров: Саратов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМИДЖА

Кажется, еще недавно купить в Советском Союзе рубашку, костюм или плащ польского производства, да еще отстояв очередь на дефицитном рынке товаров, было удачей. Также, как и запастись продуктами «Хортекса» в популярных среди москвичей и питерцев магазинах «Морозко». Или восполнить приоритетные тогда косметику или крем для бритья из Польши. Но, как говорится, были времена — прошли былинные... Теперь полки в торговых точках и комплексах полны, очереди в прошлом, а свое место на рынке товаров надо завоевать в конкурентной борьбе. Никакой Совет экономической взаимопомощи, если кто помнит такую организацию бывших соцстран, обеспечивавшую сбыт по разнарядке «сверху», не поможет.

Многие открыто говорят, что проблемой Польши, добившейся признания в международной политике, является ее анонимность в экономической сфере. Более того, на Западе государство бывшего «восточного блока» ассоциируется часто со страной посткоммунистической со всеми вытекающими отсюда последствиями — то есть мало того, что по-прежнему бедной и неразвитой, так еще и расположенной где-то на периферии.

В Польше продвижением товаров и услуг за рубеж, презентацией культуры, искусства и туризма занимаются несколько организаций. Почти все они «вытягивают» из государственного бюджета заранее заложенные в него немалые средства. К примеру, министерству экономики на поддержку экспорта в этом году предназначено в эквиваленте более 20 млн. долларов. МИДу на информационную и культурную деятельность выделено около 3 млн. долларов, а Польской организации туризма на привлечение в страну иностранцев — 10 млн. долларов.

Новое польское правительство всерьез задумалось над тем, не объединить ли усилия (а значит и финансирование) в создании привлекательного образа Польши за ее границами: как конкурентоспособного товаропроизводителя, так и страны, в которой есть все условия для инвестирования. Но если министр экономики Яцек Пехота считает эту идею достойной осмысления, то заинтересованные, казалось бы, стороны рассуждают иначе: руководствоваться, мол, надо потребностями адресатов, ожидания и возможности которых часто далеко не совпадают.

ОПРЕДЕЛЯЕТ КАЧЕСТВО

Десять лет назад в Польше была разработана и утверждена независимая программа поддержки отечественных производителей и продвижения их качественных товаров своему потребителю и на экспорт. В ее рамках проводит свою деятельность уникальная организация — Фонд «Теперь Польша», среди учредителей которого есть органы местного самоуправления, потребительские организации, некоторые банки и финансовые учреждения. Знаменательно, что Фонд действует по принципу non profit, то есть не гонится за прибылями и не получает дотаций из госбюджета.

Для каждой польской фирмы стало престижем завоевать в конкурсной борьбе для своей продукции стилизованный бело-красный знак «Теперь Польша». До сегодняшнего дня в одиннадцати конкурсах приняли участие более 3000 фирм, представляющих все отрасли экономики. Из них 198 фирм стали лауреатами. Отличившиеся сразу становятся известны всей стране: вручение заветной эмблемы происходит в варшавском Большом театре в государственный праздник при участии президента Польской Республики (который, кстати, взял над Фондом почетное шефство) и транслируется по телевидению. За торжественной частью следует «Концерт звезд», один из которых вели первая дама французского кино Катрин Денев и известный польский актер Даниэль Ольбрыхский.

Теперь, даже несмотря на обилие наступательной рекламы, калькированной телеканалами как в Польше, так и в России, покупателя просто так, за здорово живешь, не возьмешь. Тем не менее, результаты опроса Центра исследования рынка и общественного мнения свидетельствуют, что эмблема «Теперь Польша» влияет на увеличение продажи продуктов, способствует маркетинговой стратегии производителя, укрепляет его позиции на рынке и увеличивает обороты предприятия-изготовителя. А 63% покупателей заявили, что бело-красный знак на упаковке становится для них существенным критерием перед принятием решения о покупке.

Знак «Теперь Польша» по сути стал национальной эмблемой, логотипом, гарантирующим высокое качество товара и позволяющим идентифицировать его со страной-производителем. Каким образом это произошло?

Председатель правления Фонда «Теперь Польша» Марек МОЧКОВСКИЙ рассказывает автору этих строк, что результатом рыночного успеха польских продуктов, удостоенных престижной эмблемы, является строгий отбор претендентов:

— Путь лауреата весьма и весьма тернист. Изделия и услуги оценивают несколько сот независимых экспертов из более чем пятидесяти научно-исследовательских институтов. Качество товара-претендента, его дизайн, рыночная востребованность — все подвергается тщательному анализу. Вердикт же выносит капитул, в составе которого известные общественные и государственные деятели, министры, политики, руководители СМИ, режиссеры. Президент Александр Квасневский лично работает над программой, что, безусловно, повышает ее авторитет.

Заключения экспертов не становятся тайной за семью печатями, а вручаются всем тестируемым. Причем, даже не прошедшие по конкурсу оправдывают свой вступительный взнос, который зависит от количества работающих в фирме, но не превышает двух тысяч долларов. Дело в том, что фирма получает не только комплексную оценку своего продукта, но и рекомендации в области дизайна, торговой деятельности, маркетинга. Такой анализ в каком-нибудь агентстве обошелся бы гораздо дороже.

За десять лет мы доказали, что польские продукты могут иметь высокое качество, хорошую марку и находить верных покупателей на отечественном рынке. Мы доказали, что польские предприниматели умеют быть современными, конкурентоспособными, смелыми при принятии решений, последовательными в своей деятельности. Хотелось бы, чтобы в следующее десятилетие мы доказали, что польские продукты, польские товары, польская марка могут считаться привлекательными в Европе и мире, что мы сумеем выдержать глобальную конкуренцию. Пусть эмблема «Теперь Польша» пользуется признанием не только в нашей стране, пусть она будет поводом для гордости, когда наши клиенты из других стран мира будут тянуться к польским товарам. Это задача смелая, но я верю, что она выполнима

Александр КВАСНЕВСКИЙ (при вручении лауреатам знаков «Теперь Польша»)

СРОК ГОДНОСТИ

Признание победы в конкурсе — это только начало преимуществ, ожидающих лауреата. Награжденные изделия и услуги пользуются правом использовать эмблему «Теперь Польша» в течение целого года. Фирма-лауреат обеспечивается на этот срок бесплатной рекламой во всех изданиях Фонда, получает скидку до 60% на размещение рекламы в сотрудничающих с Фондом газетах, на радио и ТВ. Кроме того, выделяется финансовая помощь на участие в зарубежных выставках. Есть возможность продлить такую привилегию после проверки качества товара-победителя и уплаты определенной регламентом суммы. И многие фирмы охотно этим пользуются, увеличивая «срок годности» полученного знака. Его присутствие на упаковке не просто украшает товарный вид, а стимулирует рост продажи как минимум на 35%. Рекордист же увеличил свой товарооборот после завоевания знака «Теперь Польша» на 840 процентов!

Может быть, кто-то извлечет из памяти застрявший сомнительный лозунг «Советское — значит отличное», рассыпавшийся на многочисленные анекдоты, вроде такого: «Советские часы — самые быстрые часы в мире». Даже вопрос не возникал: почему, собственно, обязательно «отличное»? Да потому что «советское»! И все тут. По определению. Идеологическому.

— Время лозунгов, за которыми ничего не стоит, прошло, — говорит Марек Мочковский. — Покупателя надо убеждать не голым призывом, а лучшим продуктом. Вот что интересно — мы провели опрос среди потребителей и большинство из них прямо дали понять, что платить за товар им лучше своему, а не чужому производителю. Но даже исходя из этого, было бы ошибкой рекламировать товар только потому, что он польский. В основе нашей программы — выявление и продвижение на рынок только тех товаров, которые отвечают абсолютным стандартам мирового качества. Рынок дает человеку свободу выбора за свои деньги и он покупает то, что хочет, а не то, что ему скажут. Россиян также теперь не лишишь этой новой для наших стран экономической философии. Мы придаем большое значение развитию сотрудничества с Россией, хотя наши экспортеры прекрасно понимают, каким трудным стал российский рынок, насыщенный солидными конкурентами. От нас зависит, будем ли мы интересными партнерами. Основания быть в этом уверенными у нас есть: качественные товары и услуги. Важным полем сотрудничества мы считаем российские регионы, поэтому большое значение придали в этом году выставкам «Это Польша» в Нижнем Новгороде и Саратове. И очень рады, что наши российские коллеги понимают нас и идут нам навстречу.

***Валерий Мастеров** — собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве — специально для «Новой Польши»*

Збигнев Жбиковский

КАПИТАН ПОГИБШЕЙ АРМИИ

Павел Ясеница

Леон Бейнар, более известный как Павел Ясеница, оставил после себя загадок не меньше, чем сам разгадал, штудируя историю и создавая о ней популярные книги. Подобно герою Жеромского, он прибыл в Польшу с востока, из России, в самый канун весны польской независимости, закрывшей период разделов. Он вынес из родного дома чувство принадлежности к польскому народу и потому остался здесь навсегда.

Отец его, Миколай Бейнар, возможно, знал Илью Николаевича Ульянова.. Приволжский Симбирск отнюдь не был метрополией, и если даже не все со всеми встречались в этом городе, то люди образованные наверняка друг с другом сталкивались и общались. Сын Миколая Леон запомнил родное гнездо над Волгой как город огромных пространств и открытых человеческих сердец. Здесь жили по-соседски победители и ссыльные, завоеватели и беженцы, вновь прибывшие и коренные обитатели приволжских степей — русские, татары, поляки, евреи, немцы и еще несколько десятков народов, составляя взаимопроникающие культурные группы и круги общения. Из этого взаимопроникновения возникали смешанные браки, рождались дети, чья национальная принадлежность бывала следствием как выбора, так и каприза истории.

Миколай мог знать и Володю, сына Ульяновых, — задолго до того, как облик вождя русской революции с татарскими чертами лица и среднеазиатским префиксом «Уль» в фамилии[1], стал известен всему миру. Правда, Владимир был старше, так что вряд ли они могли быть приятелями. Когда в начале XX века Миколай Бейнар женился на Хелене Малишевской, молодой Ульянов был уже опытным деятелем русской социал-демократии, рядом с ним была жена — Надежда Крупская, а в его багаже уже были первые революционные свершения, марксистские теоретические труды, пребывание в тюремной камере и ссылке.

В 1909 г., когда Ульянов, использовавший подпольный псевдоним «Ленин», находился в эмиграции в Западной Европе, в его родном Симбирске в семье Бейнаров появился на свет сын, которому при крещении дали двойное имя Леон Лех. Когда Ленин перебрался из Парижа поближе к России, в галицийский Краков, маленькому Бейнару было всего три года. В Кракове и Поронине (в Татрах) Ленин теоретически прорабатывал вопрос о «праве наций на самоопределение», одновременно руководя российской партией большевиков. После двух лет жизни на нелегальном положении австрийская полиция задержала его, посадила в Кракове под арест, а затем в тюрьму.

Потом, в недалеком будущем, когда Бейнар будет гражданином свободной Польши, а Ленин упокоится у кремлевской стены, их Симбирск переименуют в Ульяновск. В 40-е годы, сидя в польской тюрьме, управлявшейся сторонниками ленинского «самоопределения», Леон Бейнар указал в графе «место рождения» Ульяновск. Но тому, кто перепечатывал на машинке личные данные арестанта, видно, показался явной нелепостью факт, что враг народа и участник вооруженного подполья родился в

[1]Автор, конечно, ошибается: фамилия образована от русского имени Ульян, происходящего от латинского Юлиан. — *Ред.*

городе Ленина. «Ul» в слове «Ульяновск» он прочел как одну букву «М», и в личном деле было зафиксировано, что бывший солдат Армии Крайовой, заместитель майора «Лупашко», воевавшего с люблинской властью[2], родился в... Мяновске. Так оно и осталось. Но прежде чем это произошло, прежде чем Ленин в запломбированном вагоне двинулся на восток, а Бейнар на открытой подводе — на запад, прежде чем возникла враждебная коммунистической России «панская» Польша, а позднее — зависимая от Кремля Польша «народная», еще разразились мировая война и февральская революция.

● ● ●

Еще в 1914 г. семья Бейнаров покинула эти почти азиатские места и направилась к сердцу Европы — туда, откуда прибыли когда-то их предки, подмешавшие над Волгой к своей европейской крови татарскую. Но фронты и революции не дали им добраться до Вислы. На несколько лет пришлось сменить Волгу на Днепр. Они поселились к югу от Киева — близ Белой Церкви и Умани, на давних рубежах Речи Посполитой Обоих Народов. Их унесла оттуда первая волна польской армии, под командованием Юзефа Пилсудского дошедшей до Киева, но под натиском большевиков отступившей к Варшаве. Однако Леону Бейнару жить над Вислой пока что было не суждено. Его родители отправились на северо-восточные окраины Речи Посполитой и на два десятилетия осели на Виленщине.

В Вильне Леон Лех кончил гимназию и поступил в университет имени Стефана Батория. Он изучал историю, любимую науку, которая спустя годы сделала его знаменитым. Не как историка и ученого, а как публициста и писателя. Окончив университет, он работал учителем, затем получил место диктора в виленской студии Польского радио.

Когда в сентябре 1939-го началась война с Германией, его призвали в армию. Он участвовал в сентябрьской кампании. Годы оккупации он прожил на востоке страны, был свидетелем того, как советские войска вошли в Вильно и передали город литовцам, как Литва была включена в состав Советского Союза. Летом 1941 г. в Вильнюсе появились новые оккупанты — немцы. Леон Бейнар сражался в рядах вооруженного подполья, подчинявшегося польскому правительству в изгнании (в Лондоне), — Виленского округа Союза вооруженной борьбы, превратившегося затем в Армию Крайову.

Три года спустя ему пришлось бороться на два фронта — врагами были и гитлеровцы, и сталинцы, так как Красная армия не захотела признать АК своим боевым союзником. В то время он был редактором газеты «Побудка», выходившей при штабе Виленского округа АК, носил выдающий журналистские склонности псевдоним «Новина» и звание подпоручика. Опасаясь ареста и — в лучшем случае — отправки за колючую проволоку, в один из лагерей в его и Ленина родных краях (как случилось со многими солдатами польского подпольного государства), он ушел в лес, в партизаны. Когда после начала Варшавского восстания его отряд в полтора десятка бойцов, подчиняясь приказу генерала Бора-Коморовского, попытался перейти линию фронта и явиться в столицу, советские подразделения окружили их и препроводили в часть пришедшего с Красной армией Войска Польского, размещенную в Дойлидах. Леона Бейнара зачислили в дивизию им. Костюшко. Но ему удалось бежать. Под деревней Китурыки он вновь присоединился к партизанам из АК и на год попал под начало майора (тогда еще ротмистра) Зигмунта Шендзеляжа, знаменитого «Лупашко», командовавшего остатками 5-й Виленской бригады АК.

Три года спустя, в тюрьме, он признался, что в тот период руководствовался принципом абсолютного, слепого подчинения приказам и в том же духе выполнял их, хотя его взгляды все менее соответствовали поступкам. Он уже тогда считал, что Речь Посполитая проиграла Москве историческую битву за Кресы (восточные окраины Польши. — *Ред.*) и с этим следует смириться. Он уже тогда считал, что Польша должна вступить во владение Западными землями. Но в отряде «Лупашко» он ни с кем этими мыслями не делился. Он сказал только, что критически отзывался о возможности войны англосаксов с СССР, на которую постоянно рассчитывал майор Шендзеляж. Бейнар ожидал скорее компромисса между ними.

Этот взгляд передавал состояние его духа и соответствовал глубинной сути его личности. Ибо всю жизнь он и сам был сторонником компромиссов на разных уровнях — политическом, общественном, интеллектуальном. Более того, проходящее через всю историю поляков и Польши неумение заключить в надлежащее время выгодные соглашения он расценивал как серьезную ошибку, чему постоянно

[2]То есть власть просоветского марионеточного правительства, созданного в Люблине 22 июля 1944. — *Ред.*

давал выход в своих самых известных книгах, упрекая в этом неумении то Пястов, то Ягеллонов (польские королевские династии. — *Ред.*). Его личный компромисс всегда основывался на том, чтобы действовать в тех или иных структурах, одновременно держась от них на расстоянии. Это не было его «изобретением». Жизнь в постоянной раздвоенности выпала при коммунистах на долю многих и многих польских интеллигентов.

Пока он был в отряде «Лупашко», ему долго удавалось жить «на два фронта». Командир его по-своему ценил, приблизил к себе, назначил сперва адъютантом, потом своим заместителем. И наконец, почти перед самой ликвидацией отряда, сообщил Бейнару, что по приказу командования он повышен в звании — произведен в капитаны. «Капитан несуществующей армии», — с горечью сказал тогда Бейнар. Свое повышение и близость к командиру он объяснял его тщеславием и своей образованностью. «Лупашко», похоже, надеялся, что когда-нибудь из-под пера Леона Бейнара выйдет история его бригады. Но он просчитался. Такая работа никогда не была написана.

● ● ●

В конце июля — начале августа 1945 г. «Новина» вместе с двумя офицерами с ведома «Лупашко» отделился от отряда, чтобы перейти Буг и, как он сказал командиру, «немного проветриться». На самом деле он хотел разузнать, что в действительности происходит в стране, поскольку не доверял информации Шендзеляжа. До Буга «Новина» не добрался. Во время ночной перестрелки в окрестностях Замброва он был ранен и не мог идти дальше вместе с товарищами по отряду. Впоследствии он счел это очень удачным стечением обстоятельств. Он отдал оружие товарищам и нашел убежище в деревне Ясеница. В местном костеле, за алтарем с образом апостола Павла, его прятал — пока не зажила рана — отец Станислав Фальковский.

Скорее всего, именно тогда Леон Бейнар, которому отец Фальковский приносил свежие газеты, впервые услышал о «Тыгоднике повшехном» — светском католическом еженедельнике, издаваемом митрополичьей курией в Кракове. Тот факт, что в Польше вообще выходит такое издание, был для него большой неожиданностью. Не так он представлял себе правление коммунистов в Польше — он знал его с другой стороны, по собственным наблюдениям жизни в России при большевиках. Быть может, тогда-то в нем — от восхищения этим глотком свободы — и пробудился жар публициста?

Писать, чтобы читали в нормальной, ***не подпольной*** газете, — вот чего он жаждал. Если «Тыгодник повшехный» открывает поле для свободной дискуссии, то почему бы не попробовать? Во всяком случае, когда в сентябре он снова встретился с людьми «Лупашко», он не скрывал намерения посвятить себя публицистике в легальной прессе. Впрямую он командиру об этом не сказал, но до «Лупашко» информация и без того дошла.

Осенью 1945 г., вскоре после того, как отряд был ликвидирован и майор Шендзеляж якобы выехал на Запад, капитан Бейнар, заметая следы, никого не предупредив, ускользнул из Вышонек, деревни на берегу Немана, где стоял отряд «лупашковцев». Его конечной целью был Краков.

● ● ●

Первый контакт с «Тыгодником повшехным» — как он сам вспоминает — произошел в городке Радость под Варшавой. На первой странице купленной у разносчика газеты он обнаружил отрывок из романа «Болеслав Храбрый», написанного его старым, еще довоенным знакомым Антонием Голубевым. Теперь он знал, как попасть в редакцию. Но его путь в Краков был не совсем прям. Прежде всего исчез Леон Бейнар и появился Павел Ясеница — поначалу на страницах паксовского еженедельника «Дзись и ютро» [«Сегодня и завтра»]. Однако союз с «Паксом»[3] и Болеславом Пясецким продолжался недолго, хотя для его последующей судьбы оказался весьма важен. В начале 1946 г. под тем же псевдонимом, обретенным в приходе отца Фальковского, он дебютировал на страницах «Тыгодника повшехного» и стал членом его редколлегии, возглавляемой Ежи Туровичем. Церковное попечение над еженедельником осуществлял тогда тесно сотрудничавший с митрополитом, архиепископом Адамом Сапегой, отец Ян Пивоварчик, незадолго до того ректор подпольной духовной семинарии, наставник клирика Кароля Войтылы.

Для Ясеницы это был очередной компромисс. С католической средой у него до сих пор было мало общего, и его вовсе в эту компанию не тянуло. «Потребовалось, чтобы в Польше победил коммунизм,

[3]«Пакс» — прорежимное католическое объединение, созданное в 1945 году. Основателем и многолетним председателем был Болеслав Пясецкий. — *Ред.*

— только тогда меня занесло в редакцию краковской митрополичьей курии», — сознался он в 1956 г. в одном из не опубликованных тогда мемуарных текстов. Для него было важно, что, выступая под католической вывеской, он не должен был отказываться от привычек и позиции вольнодумца, притом высоко ценившего свободу высказывания. Он сам пытался понять этот феномен. И объяснял его многовековым опытом католической Церкви, которая, неизменно защищая доктрину веры, уже не стремится вмешиваться в то, какие взгляды в строго научных областях верны, а какие нет, ибо в прошлом это церкви не пошло на пользу. Пространство свободы слова, в котором действовал Ясеница, контрастировало с условиями, которые создали левым публицистам коммунисты. Тексты Ясеницы могли не нравиться отцу Пивоварчику или митрополиту, но разговоры на эту тему, если они вообще велись, происходили только после публикации — никогда до нее. Нет ничего странного, заметил Ясеница в личных записках, которые жена писателя нашла лишь после его смерти, в том, что «интеллигентские элементы, которым впору был бы скорее какой-нибудь вариант «Литературных ведомостей» («Вядомосьци литерацке», знаменитый довоенный еженедельник либеральной интеллигенции. — *Ред.*), швартуются в епископском порту».

●●●

Хотя он заметал за собой следы и сжигал мосты, его быстро «вычислили» прежние товарищи по оружию. «Лупашко», который остался в Польше и продолжал бороться с промосковской властью, прислал ему с нарочным приказ вернуться в отряд. Ясеница не реагировал. (...) На страницах «Тыгодника повшехного» он уже не раз выражал убеждение в том, что конспиративная деятельность не имеет смысла и пора сдаваться. Но сам при этом не раскрылся. (...)

В августе 1948 г. госбезопасность, уже три года разыскивавшая майора «Лупашко», устроила на него засаду в Кракове. И вот из кафе «Яма Михалика» прямиком на эту квартиру явился Павел Ясеница. Гебисты, поджидавшие Шендзеляжа, арестовали и его и, некоторое время продержав в Кракове, отвезли в Варшаву.

Ясеница в то время был уже известным публицистом «Тыгодника повшехного», и нет сомнения, что решение о его аресте было принято на самом высоком уровне. Коммунисты могли использовать это как повод для расправы с католической Церковью. Дело могло вылиться в крупный политический скандал, в конечном счете направленный против митрополита Краковского кардинала Сапеги. Надзор за следствием осуществляла знаменитая Юлия Брыстигер. Задержанного лично допрашивал, в частности, высокий чин ГБ полковник Яцек Ружанский. Его начальник, министр госбезопасности Станислав Радкевич посылал показания Ясеницы в собственные руки Болеславу Беруту с пометкой: «Высказывание интересное — необходимо ознакомиться».

Однако еще до этого, в период, когда ППР [Польская рабочая партия — компартия] накануне объединительного съезда с ППС [Польской социалистической партией] была занята внутренним разбирательством с гомулковским «уклоном», за Ясеницу вступился Болеслав Пясецкий. Тот самый, о котором годом раньше Ясеница публично заявил, что у него с Пясецким нет ничего общего. В результате было принято решение освободить из-под ареста офицера АК и католического публициста. Впоследствии и это обернется против Ясеницы. Но прежде вернется к власти Гомулка, которого только что убрали из руководства партии. «Лупашко» задержали. Его долго тянувшееся дело закончилось в 1951 г. в Мокотовской тюрьме выстрелом в затылок. Через восемь недель ареста Ясеницу вывели из камеры и повели в кабинет начальника тюрьмы. Там его ждал начальник политотдела польской госбезопасности.

— Вы выйдете на свободу, и мы посмотрим, действительно ли стоило вас выпускать, — сказал он.

Освободившийся Ясеница вернулся к публицистике. Он продолжал писать полемические статьи и репортажи — к примеру, о восстановлении Гданьского политехнического института и освоении Западных земель. Однако вскоре, в январе 1950 г., он совершил непонятный маневр — неожиданно покинул «Тыгодник повшехный» и перешел в еженедельник «Пакса». (...)

●●●

«Да я же давно это знал», — записал он в июле 1956 г. по поводу сенсационных разоблачений, сделанных на XX съезде КПСС. Эта запись была сделана после собрания в зале Союза польских писателей, на котором был зачитан доклад Никиты Хрущева, вскрывающий кровавую подоплеку культа личности. Ясеница повторил собственное утверждение о том, что «в 1945 году Польша вышла на единственный путь, который вел в будущее». Поэтому, объяснял он сам себе, «я решил поддержать политиче-

ское направление, которое тогда возглавлял Иосиф Сталин». Этот текст написан не в тюрьме, не для того, чтобы спасти шкуру, как можно было бы подумать, сравнив его с тем, что в 1948 г. он писал в тюрьме на Раковецкой ул. в Варшаве о необходимости союза с СССР и создания прочного «славянского блока». Эти слова он отстукивал на машинке уже в период «оттепели», даже не зная, кто будет их читать. Чтобы не оставалось никаких сомнений, Ясеница добавил: «Если бы сегодня (...) я еще раз оказался перед той же проблемой и должен был еще раз выбирать — я бы выбрал то же, что и тогда».

Отныне он перестал быть репортером, описывающим преобразование страны под водительством коммунистов. Он основательно погрузился в глубины истории, принялся изучать, какой выбор делали те или иные правители давней Польши, оценивать их действия с высот современности. Именно тогда, в 60-е годы, созданы самые известные его книги: «Польша Пястов» и «Польша Ягеллонов», — а также трехтомная «Речь Посполитая Обоих Народов». Марксистской историографии эти труды пришлись не по вкусу: движущей силой исторических событий в них представали не общественные процессы и настроения масс, а живые, конкретные люди, влияющие своими решениями на ход истории. А вот читателям такая трактовка понравилась. Переиздания раскупались мгновенно.

В тот период его почти каждый день можно было встретить в варшавском кафе на Вейской улице, устроенном в подвале дома, где находилось издательство «Чительник», выпускавшее его книги. Чаще всего, сидя за столиком, он оживленно беседовал с редактором «Чительника» Зулей Балинской.

Это кафе стало своего рода живым театром, где разворачивались сцены из новейшей истории Польши. В 1964 г. здесь родилось «Письмо 34-х» — направленный премьеру Юзефу Циранкевичу протест против ужесточения цензуры и лимитирования бумаги, который подписал и Ясеница.

Четыре года спустя, в марте 1968 г., завсегдатаи кафе протестовали против снятия с репертуара «Дзядов» Мицкевича в постановке Казимежа Деймека. Павел Ясеница был среди подписавших протест. Подписал он и обращение к ректору Варшавского университета в защиту студентов, протестовавших у памятника Мицкевичу, которых била и штрафовала милиция, а потом исключали из вузов за участие в мартовских событиях. Владислав Гомулка, узнав обо всем этом, впал в бешенство. Он лично руководил травлей писателя. Опираясь на материалы госбезопасности былых времен, он сфабриковал «обвинительное заключение», содержавшее намек на то, что в тюрьме на Раковецкой Ясеница был завербован в сексоты. Он публично напомнил о настоящем имени Ясеницы и его аресте. «В ходе следствия было доказано, что он входил в банду «Лупашко», в которую вступил, дезертировав из Войска Польского», — возвестил «товарищ Веслав» [псевдоним Гомулки], подчеркнув, что Ясеница признался в инкриминированных ему преступлениях. Затем он добавил, что следствие против Ясеницы было закрыто «по причинам, которые ему известны».

Больше ничего и не требовалось говорить. Обвинение было брошено, защита невозможна. Польские средства массовой информации для защитников Ясеницы были закрыты. Ясеница, раздираемый непреодолимым противоречием — между «политическим реализмом» (т.е. признанием неизменности международного положения Польши) и стремлением к свободе слова, — был сначала брошен на растерзание партийным газетам, которые впутали его в послемартовскую антисемитскую кампанию, а затем приговорен к небытию. Ничего нового из написанного им не публиковалось. Уже изданные книги изымались из продажи. Он мог писать только «в ящик». Для известного писателя это было, как если б его лишили возможности дышать. В этой душной атмосфере он и умер в 1970 г., незадолго до смещения Гомулки и герековского осторожного «раскручивания гаек». Ему был 61 год. На его похоронах, собравших тысячную толпу, писатель Ежи Анджеевский говорил о цене, которую заплатил Ясеница за смелость высказывать свои взгляды.

Он знал историю, знал, как непрочны союзы, системы и империи. Но даже в конце 60-х трудно было предвидеть, что могущественная система, построенная его земляком с горсткой большевиков, не переживет даже столетия, в котором она возникла. Не прошло и четверти века со дня смерти Ясеницы, как Польша радикально изменила свои союзы, осудила УБ, назвала майора «Лупашко» героем, а Сталина преступником. Быть может, только Павел Ясеница, независимо от политической конъюнктуры, остался выдающимся историческим писателем.. Город, где он родился, снова называется Симбирск.

ŻYCIE

Перевод
Андрея Базилевского

Павел Ясеница

ДНЕВНИК

(Фрагменты)

У меня было нечто вроде дневника, который я писал по горячим следам, по свежей памяти. Набралось ни много ни мало с десяток толстых тетрадей. Я сжег их, выйдя из тюрьмы в 1948 году, и тщательно перемешал пепел. Это было сделано вовремя. Вскоре ксендз, который хранил дневники, неисправимый проповедник-нонконформист, был арестован, осужден и на несколько лет распрощался со свободой. Жаль записей о последних днях истории Армии Крайовой на Виленщине, о событиях гражданской войны на Подлесье в 1944-1945 годах, о действиях бригады «Лупашки». Это были ценные материалы для историка любой политической окраски. Однако если б они попали в руки властей, да еще тогда, в так называемый минувший период... Самая безобидная перспектива — возможность проверить показания, данные на следствии десятками, если не сотнями людей (а также искренность многих из тех, кто ранее явился с повинной). Все это предотвратил огонек, разожженный в железной печурке (в Варшаве она называлась «коза»).

Когда я старательно перемешивал пепел в «козе» кочергой, позади у меня был изрядный отрезок нового жизненного пути: уже несколько лет я был довольно известным в Польше публицистом. То есть уже на практике прошел закалку, о которой здесь приходится упомянуть как еще об одном обстоятельстве, настраивающем на недоверие к данному дневнику.

Вскоре исполнится 24 года моей профессиональной литературной работе. За все это время я ни одной страницы не написал свободно. Каждой написанной фразе сопутствовало сознание того, что существует предварительная цензура. Утверждают, что я весьма преуспел в искусстве писать между строк. Сколько же усилий вложил я в это унизительное дело — силясь обойти возможные зацепки, опасности речи, ясно выражающей мысль. В моих книгах нет лжи. В них содержатся мои собственные взгляды... изложенные осторожно или частично.

●

Сегодня, в 1970 году, уже невозможно сомневаться, что коммунистическая система достигла бы гораздо большего и функционировала несравненно лучше, если б не практикуемый ею метод — стремление зажать мысль в клещи. Тогда бы она пользовалась благом истины, довольно давно сформулированной Гуго Коллонтаем: «Речь свободы всему миру мила. Ее понимает каждый человек».

«О Россия, Россия! — писал 24 августа 1915 г. Чеслав Янковский. — Когда ж ты научишься вовремя делать то, что в твоих собственных интересах должно быть сделано в надлежащее время!»

●

Детство, проведенное в России, воспоминания, относящиеся к царскому времени, вводят в искушение примкнуть к одному из национальных обычаев наших мемуаристов. Несколько лет назад читал я сентиментальное повествование о том, как живописно выглядела церемония натирки паркета в очень зажиточном польском доме в Москве, как священнодействовала «артель» бородатых православных специалистов. Другой мемуарист до сих пор вслушивается в цокот копыт четверки лошадей, рысью мчавшейся пасмурным утром по березовой аллее, не забывает и о высоком положении дядюшек как по отцовской, так по материнской линии, что служили преимущественно в драгунских, а то и в гусарских полках, жалкую долю пехоты охотно уступая кацапскому поголовью.

Я не намерен хранить верность этой традиции, само существование которой глубоко унижает нас. Сантименты людей, населявших угнетен-

Рисунки Ignacy Czwartos

ный «Привислинский край», — дело иное, но в глубине России немало было таких «полячишек», которым был по вкусу и шел на пользу русский хлеб — всегда с маслом, а часто и с астраханской икрою, — но до страданий русского народа им не было никакого дела.

Жилось им вольготно, удобно, вдобавок копились у них и рубли — эти доллары русского континента той поры. А что живущий по соседству музыкант был темен и нищ, что над ним измывались, что его били, так это уж считалось естественной судьбою москаля, существа низшего. Применительно к нему совершенно неуместны были бы чувствительные картины из «Янко-музыканта»..

Возразить, однако, трудно — жилось в России вполне удобно.

●

Русская интеллигенция в то время в принципе была на уровне, жила идеалами прогресса. Один из наших знакомых вызвал в городке сенсацию, купив мотоцикл — первый мотоцикл, какой я в жизни видел. Событие, тем более достойное внимания, что никакого шоссе в окрестностях Максатихи я что-то не припомню. Машина была кровавого цвета — она казалась мне огромной, таинственной и грозной. Треск, грохот и стрельба, как на фронте, издалека возвещали всем и каждому, что Иван Аристархович отправился в путь.

Я мало что помню о России. Склоняюсь к предположению, что именно проблема огромного расстояния между интеллигентской и плебейской средой — из числа самых важных в новейшей истории. Интеллигенты строят прогнозы, плебс располагает исполнительной силой. Лозунги прогресса, равенства, сокрушения старых порядков несколько иначе рисуются воображению любителей Льва Толстого, нежели воображению тех, кого внешние обстоятельства слишком долго держали под гнетом. Из этих различий могут некстати произойти неприятные разочарования, состоящие в печальной констатации факта, что старый и несомненно устаревший политический порядок был во многих отношениях значительно либеральней и человечней нового. На протяжении истории он перенял различные нормы и методы от более культурных стран, но поднявшаяся волна примитивного возмущения смела их без остатка — как чуждые, непонятные и смешные выдумки, огульно обозвав «буржуазными предрассудками».

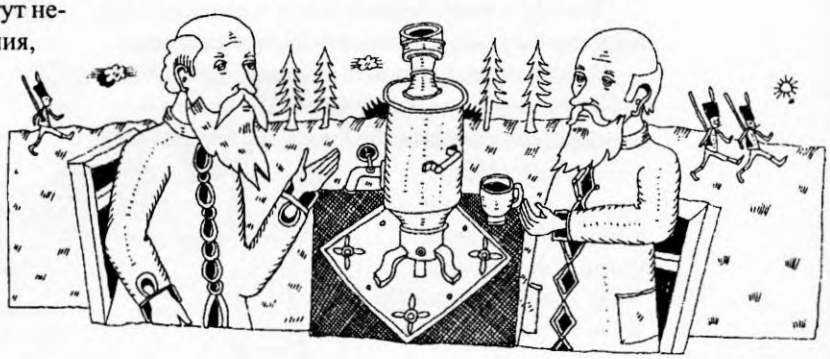
●

Глухая провинция коренной России приняла новый строй пассивно. Крестьянин охотно взял землю помещика и «вцепился» в свое хозяйство. Ремесленник принимал заказы от купчихи Марии Максимовны, которую пока никто особенно не беспокоил. Разве только пришелец с обратной стороны Луны или кое-кто из нынешних польских журналистов может рассуждать о военной разрухе. Подвергшиеся разрухе территории бывшего царского государства лежали довольно далеко на западе, в Привислинском крае, в окрестностях Сморгони и Ошмян. Большевики отказались от Бреста в пользу немцев, в пользу «Миттельевропы», отказались от тех территорий, которые для всякого правительства неминуемо стали бы невыносимым бременем, ибо годами страдали от всеразъедающей нищеты. Разруха в самой России началась позже, ее вызвала не гнушавшаяся никакими средствами борьба за абсолютную власть и связанная с нею дезорганизация.

●

Я уехал из России уже, должно быть, навсегда, что, пожалуй, гарантировано моим теперешним возрастом. Я вывез на запад ценное достояние — искреннюю симпатию к русскому народу. Симпатию, спешу подчеркнуть, совершенно независимую от оценки политических порядков, в разные времена царивших в этой обширной стране, и от их моральных последствий, ведущих к тому, что при любом строе слишком у многих русских совесть кончается там, где начинаются российские государственные интересы.

Во время путешествия по Волге моя мать поссорилась с некоей дамой, упрямо именовавшей Варшаву «истинно русским городом». Значительно позднее, в 1940 г., в Вильнюсе я случайно слы-



шал на улице разговор двоих, только что прибывших с востока. Они уверяли друг друга, что русские имеют право распоряжаться литовской территорией, так как получили ее от царицы Екатерины. И еще позднее — один варшавский разговор в конце 60-х с приезжим московским инженером. Он соглашался со всеми рассуждениями о необходимости либерализации, отмены цензуры, уважения гражданских прав. Но очень удивился, когда при нем с горечью вспомнили о Будапеште. Он полагал, что известная военная операция в этом городе была правильной и нужной, не вызывала сомнений нравственного порядка.

Стефан Жеромский в «Могиле» вывел трагический образ военврача Вилкина, «моральный труп народника». Спившийся, умирающий от чахотки бывший боец прогресса произносит слова, в которые стоит внимательно вслушаться, так как в них, похоже, звучит исторический диагноз, верный для всякого строя: «Наши министры, — иронизирует Вилкин, — уже присмотрели на вершине Ригикульма в Швейцарии местечко для здания (после присоединения взбунтовавшейся Европы к нашему отечеству) всероссийской, на всю Европу единой и неделимой, таможни».

●

Я внимательно читаю публикуемые в «Военном историческом обозрении» мемуары генерала Ежи Бордзиловского. В 1920 г. он служил в Красной армии и попал в польский плен. Колонна военнопленных оказалась в нешуточной опасности, когда ее заметили какие-то казаки, ранее перешедшие на сторону войск Пилсудского. Они уже изготовились к атаке и рубке, когда по приказу унтерофицера, командовавшего познанскими пехотинцами, конвой поднял оружие, готовый выпустить залп в толпу союзников, — в защиту безбожных коммунистов, красных большевиков, военнопленных, охраняемых законом.

Этот фрагмент генеральских воспоминаний смыкается с моими личными воспоминаниями.

Всякий волен оценивать киевский поход Юзефа Пилсудского как ему угодно. По моему мнению, этот поход являл собой попытку Европы вернуться в тот измученный край.

●

Так случилось, что я начал писать этот дневник именно тогда, когда после долгих и напрасных мечтаний мне удалось достать почитать две изданные в Париже по-русски книги Александра Солженицына: «В круге первом» и «Раковый корпус». В конце прошлого века Антон Чехов добровольно предпринял ужасающее, связанное с риском для жизни путешествие, чтобы собственными глазами увидеть последний круг ада тех времен и дать свидетельство правде в очерках «Из Сибири» и «Остров Сахалин». Разница состоит, в частности, в том, что Чехову не пришлось расплачиваться за свой поступок, его не подвергали остракизму, не травили. Гражданское мужество писателя было вознаграждено славой.

Тем ясней картина, тем отчетливее контур исторического — не колеблясь, утверждаю это — явления. Полвека мысли, «зажатой в клещи», полвека ужаса и наказаний, концентрированного всевластия, несметное множество наград за раболепие... «Лихие генералы, отборные полки, двуполая полиция, в погонах и без оных...»* Все напрасно. В русской интеллигенции сохранилась та традиция, которая создала величие русской литературы.

Антон Чехов рисковал жизнью, переправляясь через бурные сибирские реки. Александр Солженицын пошел на гораздо больший риск, потому что так же, как Чехов, он хочет быть защитником и слугой страдающего человека.

Знаю, что я задену некоторые дурные польские эмоциональные привычки, открыто признаваясь в симпатии к определенным чертам, *несмотря ни на что* постоянно присутствующим у русских и среди русских. Для верного портрета этого народа мне недостаточно одних только знаний о завоеваниях, разделах, ссылках и политической тирании.

*Из «Эпиграммы» Норвида, пер. Н.Горбаневской.

Перевод

Павел Ясеница **Андрея Базилевского**

ОБ ИСТОРИИ

Размышления о гражданской войне *(Фрагменты)*

Каждому из нас должна служить вся палитра красок. Из нее можно выбирать: одни тенденции, события или фигуры представлять в розовом свете, другие — чернить. Тот, кто решается окунать кисть в краски слишком уставные или принципиальные, делает это на свой авторский страх и риск. Одного только нельзя — обрекать на забвение, замазывать все известкой, чтобы вообще ничего не было видно. Диктаторские манипуляции знанием о прошлом — известное и более чем печально эффективное средство управления современностью.

Если говорить об уважении к исторической истине, то сегодняшняя Франция продвинулась весьма далеко, коль скоро под Сен-Приватом в Лотарингии по-прежнему стоит тяжелая каменная глыба с немецкой надписью в честь победы, одержанной прусской гвардией над корпусом маршала Канробера в августе 1870-го. Благодаря тому, что этот монумент сохранен, он существенно изменил свое назначение и характер.. Он перестал восхвалять давнюю войну, стал памятником культурного поведения хозяев страны.

В 1791 г. Учредительное собрание специальным декретом открыло для всех Лувр с его сокровищами искусства. Двумя годами позже, когда решили, что реформ недостаточно, что мир надо изменить радикально, Конвент распорядился уничтожить королевские гробницы в Сен-Дени. Сосуд для масла, которым помазывали королей при коронации, святыня прежнего режима, был публично разбит в Реймсе.

К счастью, и это безумие продлилось во Франции недолго. Бонапарт направил в Египет большой отряд специалистов, чтоб они исследовали памятники тирании фараонов. С 1808 г. существует весьма эффективная форма охраны памятников, состоящая в том, что правительство выкупает ценные для культуры здания в государственную собственность. (...)

Знание истории, уважение и неравнодушие к ней принадлежат к числу главных факторов, сплачивающих нации. Однако роль эту они выполняют лишь тогда, когда никто не пытается ампутировать знание, подавлять одни пристрастия, чтобы искусственно взращивать другие.. Если это условие не выполняется, фальсифицированная история разделяет людей, создает между ними пропасть. (...)

Боже мой! У меня в руках красиво изданный альбомчик «Les murs ont la parole» [«Стены имеют слово»], увековечивший надписи, которые в 1968 г. появлялись на стенах французских университетов. На стр.70 нахожу пламенный призыв какого-то студента Сорбонны:

«В момент, когда бунт молодежи потрясает французское государство, народы, угнетенные этим государством, получили серьезную возможность сбросить ярмо: бретонцы, эльзасцы, каталонцы, фламандцы, баски, антильцы, корсиканцы, окситанцы, реюньонцы, в первую же очередь молодежь этих угнетенных народов, могут сами освободить себя и тем самым помочь освобождению французской молодежи».

Уже год прошел с момента сочинения этой надписи, а Французская республика — «единая и неделимая»! — что-то не рухнула, и абсолютно ничто ее крушения не предвещает.

На стр.77 находим рассуждение, достойное внимания:

«В каждом из нас дремлет полицейский, надо его убить».

Я не воспринимаю это поучение буквально — иначе кто же будет следить за порядком на перекрестках шоссе в воскресные вечера, когда спешащие к домашнему очагу граждане мчат как сумасшедшие и ущерба нано-

сят поболе, чем какая-нибудь вандейская битва. Однако давно пора произвести всеобщие похороны «Полиции Мысли», чья деятельность мешает людям понимать и уважать друг друга.. (...)

Я писал о том, что историю следует признать самостоятельной, высшей ценностью. Эта формулировка настолько многозначна и даже опасна, что я непременно должен объясниться.

Термину «история» в последнее время воздают особые почести, кое-кто даже стал писать его с большой буквы. Тот, кто полагает, что ему дозволено лепить свое из ныне живущего поколения, как из пластилина, разумеется, выступает в роли полномочного представителя Истории.

Следует отличать знание от представлений. Первое обычно бывает ущербным, прямо-таки уродливым, но оно поддается усовершенствованию, подлежит поправкам. Пожалуй, невозможно отрицать, что всякое знание об обществе носит исторический характер. Самые свежие статистические выкладки или социологические исследования представляют нам картину в лучшем случае позавчерашнюю. Приведенные в них факты уже неизбежно подверглись известным изменениям, так как сама обработка полученных исследователями данных заняла более или менее длительное время — а время все изменяет. Я не могу знать, сколько жителей насчитывает в эту минуту моя страна. Доступные мне статистические данные относятся к прошлому году.

Кто утверждает, что можно знать настоящее, тот допускает логическую ошибку, которая, однако, на практике неизбежна, и это еще в пределах приличий. Чего нельзя сказать о знатоках будущих событий — событий, которые неотвратимо должны наступить.

Оптимистический XIX век изобиловал диагностами-футурологами и воодушевленными последователями их доктрин. Посещая Париж и Берлин, они могли встречать на улицах этих городов двоих скромных, бородатых, вполне заурядных с виду джентльменов, которые отдавали силы занятию, совершенно отличному от пророчествования. В самом деле, трудно было тогда угадать в Луи Пастере и Роберте Кохе людей, решающих проблемы, которые окажутся самыми принципиальными для будущих судеб планеты. Развитие бактериологии, микробиологии и иммунологии вызвало огромные последствия, иные из которых уже известны, прочие же по-прежнему не поддаются предвидению. Этот опыт, кстати вовсе не обособленный, должен бы отрезвляюще воздействовать на тех, кто открывает законы, якобы управляющие судьбами человечества, должен бы показать, что всегда возможны неожиданности. Такие, к примеру, как вполне разумное ныне мнение о том, что проблематика открытий Пастера и Коха тоже не есть нечто абсолютное и окончательное, коль скоро современная техника позволяет весьма основательно сократить население земли, причем в очень короткое время.

Такой перспективе не было места ни в каких прежних представлениях, которые категорически необходимо отличать от знания. Термин «история» мы можем употреблять только как имя нарицательное, разумеется, с малой буквы, относящееся к свершившимся фактам. Большое «И» в начале этого слова должно действовать как предупредительный сигнал. Ибо оно предвещает действия, весьма похожие на выдачу векселей с абсолютно сомнительным обеспечением, то есть на деяние, предусмотренное всеми уголовными кодексами цивилизованных стран. Однако кодексы эти относятся к частным лицам, и в них нет упоминания о такой возможности, что лицо, выдавшее вексель, тут же наймет крупные полицейские силы с целью надзора за тем, чтобы кредиторы не только не требовали оплаты, но еще и сами содержали упомянутых полицейских.

Недавно мы были свидетелями энергично проведенной операции, имевшей целью предопределить историю континента на ближайшее тысячелетие — в соответствии с известным представлением. Эта попытка тянулась — к счастью! — всего 13 лет, но обошлась в миллионы человеческих жизней.

Не только знание об обществе, но и все наши достижения имеют исторический характер. Поземному выражаясь, история — обыденная, а значит, истинная — создала этику и мораль, понятие родины и представление о человечестве. Это, конечно, достояние неизмеримо далекое от совершенства, что легко понять не столько измеряя его аршином идеологии, сколько по тому бесспорному факту, что подавляющему большинству людей по-прежнему не слишком удобно, а то и совсем

скверно живется на свете. Единственная нефальсифицированная историческая необходимость — это неустанное совершенствование всего нашего достояния. Реформирование никогда не может окончиться, оно составляет суть тех программ, которым стоит служить. А программы эти по существу состоят в том, чтобы стремиться к подлинному уменьшению различий между людьми — во всех областях без исключения.

Очевидным образом не соответствует этому принципу ситуация, когда немногочисленная группа лиц, во имя пусть даже самых благородных устремлений, создает и успешно присваивает привилегию отдавать приказы суду — тогда остальные миллионы людей теряют право на защиту. Следует распрощаться с приятной иллюзией, будто имущественное неравенство или различное отношение к средствам производства — это единственный источник несправедливости.

Знание истории позволяет иногда сделать выводы, пригодные для теоретического сопоставления с открытиями естествознания. Исследовательские труды Пастера и Коха дали, в частности, тот практический результат, что хирургом, который перед операцией обойдется без мытья рук и дезинфекции инструментов, займется прокурор. Увы, ничто не гарантирует людям защиту от политических деятелей, отбрасывающих принцип разделения властей и неусыпного общественного контроля над ними. Между тем опыт истории, которая гораздо старше, чем Монтескье, позволяет констатировать, что концентрированное и лишенное тормозов всевластие действует так же благотворно, как выпущенные на свободу бактерии столбняка. А может, оно еще действенней, коль скоро в XX столетии возникла нужда в том, чтобы сформулировать понятие «преступление против человечества».

1969

Теория свершившихся фактов *(Фрагмент)*

История — очень неудобная область знания. Ничего не поймешь, не зная конкретных обстоятельств. Надо помнить о тысяче явлений и событий, так как лишь совокупность их действий и взаимодействий объясняет результат. А поскольку нечего и мечтать о том, чтобы познать все факторы, постольку знание это всегда довольно относительно. Во всяком случае — далеко от полноты и точности.

Между тем любовь к упрощениям обычно подталкивает к поиску формулы, которая объясняла бы все. Иногда это называют установлением исторических законов или законов общественного развития. На практике же поиск часто принимает форму вынесения приговоров, социологического кокетства или таких смехотворных упрощений, как попытка объяснить все исходя из черт национального характера. В отдельных случаях мы имеем дело с чем-то, решительно напоминающим магию. К примеру, ученый летописец констатирует, что в некую эпоху всеобщей (или европейской) истории выступала данная тенденция, и его уже ничуть не интересует, кто, когда и как привел к тому, что в конкретной стране проявилась именно эта тенденция, а не ее противоположность, что тоже могло произойти. То есть: сказать, что согласие и сотрудничество Ягелло, Витольда и Скиргелло привело к реальному объединению Литвы, — это постыдный персонализм.. А вот умолчать о сознательной, целенаправленной работе этих политиков, сославшись на «тенденцию», — поведение вполне пристойное.

В XV-XVI веках в Польше несомненно существовало и даже взяло верх стремление решать дела в Сейме большинством голосов. Однако вовремя не приняли необходимого закона, последствия чего нам известны. Никакая тенденция сама по себе не побеждает. Люди должны ей помочь. Или помешать.

Судьбы человеческих множеств зависят от фактов, совершенных людьми. (Мы живем на Земле, эта истина не подлежит сомнению. Однако со времен последнего оледенения в природе не произошло ничего, что безапелляционно продиктовало бы исторические перемены.) О повороте вспять колеса истории можно лишь патетически вещать, ибо произвести такой трюк еще никому не удавалось. Свершившихся фактов никакая сила отменить не может. Мало известная, но трагическая судьба Польши представляет тому незаменимые доказательства. Массовые явления, работа безымянных толп — всё это вещи, достойные уважения. Но мы отлично знаем, что решения немногочисленных групп, даже личностей, облеченных властью, могут попросту свести на нет эти достижения. По мнению специалистов, природа ведет себя так, как если бы она заботилась лишь о сохранении как можно большего числа видов, а страдания отдельных особей были ей безразличны. Если это правда — история стократ более не-

милосердна, чем природа. Она пускает на ветер достояние целых обществ, истребляет и сами эти общества. Тот, кто упрямо смотрит только с точки зрения достижений, которые худо-бедно закрепились, наблюдает лишь видимость логики и смысла. Законы истории начинают выглядеть подозрительно, если посмотреть с перспективы руин, то есть того, что пропало, став несомненной утратой для всех. Впрочем, стать на такую точку зрения нелегко, ведь развалины чаще всего заносит песком, и мы о них вообще ничего не знаем. Но польскому писателю, поклоннику традиции Речи Посполитой Обоих Народов, пристала именно эта трагическая точка зрения.

Польская анархия *(Фрагмент)*

«Поляки не умеют пользоваться свободой», — сказал недавно Януш Кучинский. Почти одновременно Станислав Мацкевич написал в «Керунках»: «Серьезные историки конца XIX века, такие, как отец Калинка или представители так называемой краковской школы, справедливо утверждали, что польский народ своей анархией сам подготовил разделы». И сразу после этого — тот же автор, но гораздо сильнее: «...великая держава, которая подверглась разделам лишь в конце XVIII века, причем благодаря не литовскому, а польскому анархическому инстинкту». Примерно то же самое можно прочесть даже во французских учебниках всеобщей истории: наряду со словами уважения к интересному очагу культуры над Вислой — сетования по поводу склонности к анархии.

Итак, мы — в кругу тезисов, некоторым образом освященных. Девяносто лет назад в Варшаве было сказано, что для поляков иногда можно что-то сделать, но вместе с поляками — никогда!

Я исповедую несколько иной взгляд. Можно и с поляками, только надо знать — *как*.

Однако пока предлагаю из рассуждений об анархии полностью исключить все польское средневековье. Ибо в течение этих нескольких сот лет в Польше не произошло абсолютно ничего такого, что не соответствовало бы средним европейским показателям. У нас все было вполне обычно, а если не серенько, то главным образом потому, что все было столь же кроваво и жестоко, как и в любых прочих краях. (...)

Автора этих строк могут обвинить в желании польстить народу, к которому он принадлежит. Совершенно ошибочное впечатление. Опровергая тезис о врожденной любви к смутьянству, я не намерен перечить иным упрекам.

В конце последней войны Уинстон Черчилль произнес речь, которая поляков возмутила. Он хотел просто отвязаться от нас и потому был очень жесток. Сказал он нечто вроде того: народ великолепный в несчастье и подлейший из подлых в минуты успеха.

Не знаю, нужны ли были столь превосходные степени, но что-то в этом есть. Успех ударяет полякам в голову. Об этом свидетельствует межвоенное двадцатилетие, когда всякий, кто был белорусом, украинцем или евреем, кто не имел счастья принадлежать к нации, которая только что обрела независимость и выиграла войну, тем самым заслуживал презрительного к себе отношения. Ну, наверное, не все поляки так думали. Оппонентов, к счастью, хватало. Но не они задавали тон. Доминировал дуэт «Гражданки Силы» и «Гражданки Повышенной Чувствительности».

Кто мне не верит, пускай почитает хотя бы о том, как землевладельцы протестовали против размещения белорусской учительской семинарии в стенах бывшего базилианского монастыря в Борунах. По той причине, что в этом самом здании некогда учился Игнаций Ходзько, польский писатель... Ходзько! Шляхетский род, который так именовался, конечно, никогда ничего общего ни с чем белорусским иметь не мог, и его следовало беречь от осквернения.

Я предлагаю два принципиальных тезиса.

Первый: неправда, что водка особенно вредит полякам; зато правда, что яд, смертельный для нашего народа, содержится в содовой воде.

Второй, родственный: неправда, что поляки не умеют пользоваться свободой; зато правда, что многие поляки любят злоупотреблять властью.

Тяжелая болезнь не имеет ничего общего с мистикой. Она — результат дурной традиции, которая начала вырастать тогда, когда у нас сформировался центр подлинной власти и политической мысли, то есть такой центр, характерная черта которого — постоянная готовность защищать слабых от сильных. Владислав Ягелло унаследовал от Пястов такую власть, что за дурное исполнение государственных обязанностей мог приговаривать рыцарей даже к пожизненному заключению. Его внук Сигизмунд Старый добровольно отказался от права монархов решать споры между крестьянами и шляхтой. Начался период полного произвола тех, кто стоял наверху. (...)

Русский анекдот царских времен говорил: сделайте меня сторожем казенного воробья, а уж я при нем всю семью прокормлю. Аналогичная польская присказка, пожалуй, должна звучать так: дайте мне хоть чуток власти, а уж я всему воеводству досадить сумею.

Предвижу серьезный упрек. Может быть, кто-нибудь скажет, что злоупотребление властью — это тоже анархия, хоть и особого рода. Со сторонниками этого взгляда я и не думаю спорить, но ставлю два условия. И такого рода анархию нельзя считать врожденной склонностью, ибо она лишь производное от обстоятельств. А во-вторых, обвинения надо правильно адресовать. Следует заставить шарманку играть потише.

Новая история Польши несколько раз видела примеры поразительной, всеобъемлющей дисциплины общества. Действовавший подпольно Центральный национальный комитет в 1861-1863 гг. нашел необычайный отклик, хотя располагал очень слабой исполнительной властью. Примерно то же было во время гитлеровской оккупации, в условиях ужасающего террора.

Профессор Генрик Яблонский объективно констатирует, что в 1918-1919 гг., то есть сразу после обретения независимости, в Польше проявилась сильная и насквозь положительная тенденция к тому, чтобы как можно скорее создать центральную власть. Это нашло выражение в организованных вскоре выборах в Сейм, явка на которые была очень высокой.

Говоря о двадцатилетии, мы имеем право сурово критиковать правительства, партийные штабы, политиков и матадоров. Но обществу со спокойной совестью можно поставить полновесную «тройку», возможно, даже с плюсом. Оценка высокая, если вспомнить, что только англичане умеют сдавать экзамен по дисциплинированности на «пятерку».

Над историей двадцатилетия тяготела крупнейшая в мировой истории экономическая катастрофа — кризис, начавшийся в 1929 году. Тот самый, который в Германии вознес к вершинам власти Гитлера. В Польше это тоже обострило внутренние отношения, облегчило работу кандидатам в местные фюреры. Несмотря ни на что, большинство общества отнюдь не поддержало эти крайности. Народ, издавна лишенный традиции проживания в пределах единой границы, в короткое время основательно сросся, выдержал войну нервов, длившуюся от «кануна весны» до осени 1939 г., в сентябре 39-го оказал достойное (по мнению полковника Залуского [отъявленного национал-коммунистического публициста. — *Ред.*], даже «беспримерное») сопротивление и не впал в отчаяние после поражения.

Сразу ставим в дневник «тройку» — спорим только о плюсе.

Однако в школьном дневнике есть еще рубрика «замечания воспитателя», поэтому запишем там, что поляки — народ строптивый и им трудно управлять.

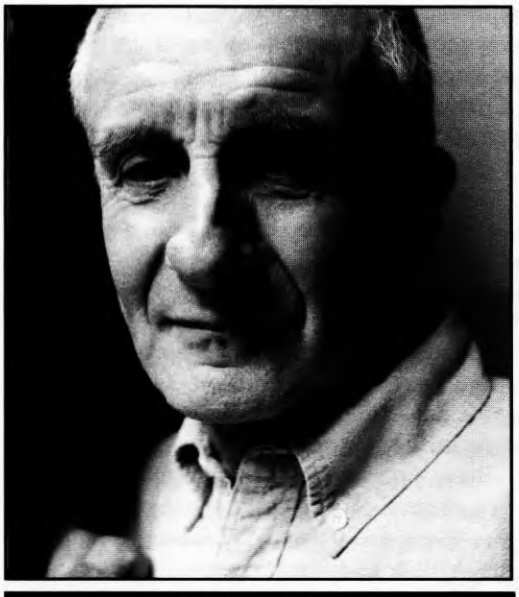
Вопреки мнению Велёпóльского [политика XIX века, звавшего к компромиссам с Российской империей, автора вышеприведенного высказывания о поляках. — *Ред.*], с ними можно договориться и успешно сотрудничать, но тот, кто хочет этого добиться, должен правильно выбрать метод.

Легко привести аргументы, причем вполне свежие. Что создало пропасть между санацией и народом? Вовсе не май 1926 года [возвращение Пилсудского к власти путем путча. — *Ред.*], так как у большинства хватило разума понять, что государственный переворот — в истории дело обычное, а если он успешен, то становится источником права. Пропасть вырыли Брест и Береза [тюрьма в Бресте и лагерь в Березе-Картузской, куда отправляли самых разных радикальных политических противников правящего режима в 30-е гг. — *Ред.*], гнусное, садистское бесправие. Насилие над слабыми.

Грубые и беззаконные методы в Польше не окупаются. Не оттого, что Небеса особенно к нам благоволят. Я утверждаю, что данный симптом есть наследие ягеллонской эпохи, когда в течение двухсот лет страной по очереди правили семеро не грозных и не кровавых людей. С той поры окреп лучше, чем во многих странах, и впитался в польские мозги взгляд, что людей, облеченных центральной властью, убивать не следует, зато надлежит ожидать от них пристойного поведения. Такие требования не имеют ничего общего с анархией и совершенно на нее не похожи.

Михал Гловинский

ПИСАТЕЛЬ И КНИГОТОРГОВЕЦ



Анджей Добош

Мы знакомы с Анджеем — даже поверить трудно — почти полвека. Я немногим старше его и учился курсом выше на отделении польской филологии Варшавского университета. Я не помню нашей первой встречи, но Анджей уже в университете был весьма примечателен: он отличался как общим стилем поведения, так и тем, что очень рано, будучи еще первокурсником, стал публиковаться. Из великолепного словаря «Современные польские писатели и литературоведы» я узнал, что он начал с рецензии на роман Т.Гуковского и Р.Косинского «Стальная бригада», напечатанной в конце 1952 г. в студенческом еженедельнике «По просту», который несколько лет спустя [в период «оттепели» 1956 г.] приобрел широкую и заслуженную популярность. Ни об этом романе, ни о его авторах никто теперь уже и не помнит, а рецензент начал свою писательскую деятельность, после чего в конце концов занял важное место в современной польской литературе и стал одной из самых известных фигур польской литературной жизни. Как известно, начинающим критикам, вчера еще со школьной скамьи, предлагают писать рецензии на самые скучные книги. Позднее Анджей занимался более интересными вещами. Уже тогда я читал его тексты с подлинным удовольствием и до сих пор помню некоторые из его шуток: так, например, рецензию на неудачный спектакль по итальянской пьесе «Филумена Мартурано» он назвал «Мартурология рецензента».

Если мне не изменяет память, Анджей в молодости считал себя скорее театральным, нежели литературным критиком. А театральная рецензия, по форме приближающаяся к жанру эссе или «свободных заметок», была тогда для людей пишущих школой профессионального мастерства: все еще живы были в памяти образцы стиля Боя-Желенского или пример учителя и наставника Анджея — Яна Котта. Мой замечательный друг уже с ранней юности так превосходно владел пером, что ему можно было только позавидовать. Его имя скоро стало широко известно — и не только благодаря репортажу о военных сборах, который появился на свет и сразу привлек к себе внимание читателей в довольно благоприятный период, в мае 1956 г., когда цензура была сравнительно мягкой. Анджей с самого начала был вполне сформировавшимся литератором.

Он стал одним из характерных варшавских персонажей. Из его произведений известно, по каким маршрутам он перемещался по столице. Автобусом №116 он ехал с Жолибожа в центр города, а там прогуливался по Старому Городу и Королевскому Тракту, почти никогда не обращая внимания на то, где он идет: еще по тротуару или уже по обочине.. Мне кажется, не будет преувеличением сказать, что Анджей в молодости занимался как бы «пешеходным творчеством». Он принадлежит к типу перипатетиков, а сама работа его заключалась в том, что встретившимся ему знакомым и друзьям он рассказывал, над чем в данный момент он работает. Он не говорил о своих планах, а просто излагал очередную версию перерабатывавшегося текста, который в ходе этих рассказов и обретал окончательную форму. В результате Анджей стал мастером устной литературы, которая лишь в самом конце принимала вид рукописи. Я неоднократно был слушателем этих текстов, которые через некоторое время мог прочитать в журнале «Вспулчесность» [«Современность»] или уже в 70-е годы — в «Литературе».

В эти десятилетия Анджей сотрудничал со всеми основными варшавскими еженедельниками. Он писал на разные темы: о спектаклях и книгах, о тех или иных людях или событиях. Он не избегал современных тем, писал о реальной жизни в ПНР и при этом — чем я могу только восхищаться — умел сохранять полную независимость.

Занимаясь такими литературными жанрами, как репортаж, очерк, заметка, рецензия, по самой своей природе связанные с современностью, он, как и все мы, был вынужден считаться с цензурными ограничениями, но при этом умел так направлять свое творчество, что оно оставалось сферой свободы. Это удалось лишь весьма немногим писателям, жившим в стране «реального социализма».

Есть еще одна вещь, которая меня в нем изумляет. У Анджея есть свой собственный стиль — и в жизни, и в литературе, он всегда остается самим собой, но при этом неустанно расширяет репертуар общественных «ролей», в которых он предстает перед нами. Например, в 60-е годы, будучи уже известным автором и за десять лет до этого получив диплом филолога, он начал заниматься философией и стал знатоком творчества мыслителя эпохи позднего романтизма Бронислава Трентовского (1808-1869). Занятия польской философией середины XIX века были связаны с литературным замыслом: Анджей собирался скомпоновать роман, действие которого происходило бы в ту эпоху, и весьма красочно рассказывал фрагменты из еще не готового произведения. Я намеренно использую здесь слово «скомпоновать», а не «написать»: роман этот должны были составить исключительно цитаты из документов, газет, литературных произведений того времени; если мне не изменяет память, одним из основных мотивов было тогдашнее удивительное нововведение — железные дороги. Если бы Анджей этот замысел реализовал, то, быть может, стал бы первым польским постмодернистским автором. А знатоки прежних литературных жанров знали бы, что произведение, состоящее из одних цитат, но в целом являющееся авторским сочинением, — это и есть «центон», восходящий к древним и вполне уважаемым традициям.

Роль философа и прозаика, автора хотя и не написанного, но потенциально существующего романа, не удовлетворяла присущего Анджею стремления к всесторонности и разнородности. Он выступил публично в еще одной роли — на этот раз в буквальном смысле слова, — снявшись в фильме Марека Пивовского «Рейс» (1970). Он играл там не Гамлета или Сида, не ковбоя или шерифа с Дикого Запада — он играл самого себя, в самом подлинном смысле этого слова. На экране, как и во всех своих воплощениях в реальной жизни, он был самим собой, польским интеллигентом, родившимся в середине 30-х. «Рейс» стал классикой польского кино, до сих пор демонстрируется в кинотеатрах и по телевидению и пользуется успехом также и у самого молодого поколения. А тот, кто фильма не видел, может увидеть Анджея Добоша в роли самого себя на обложке его последнего сборника «Генерал в библиотеке».

Лет примерно 25 тому назад наш герой обосновался в Париже. Мои контакты с ним стали более редкими, на какое-то время вообще прекратились и возобновились только после 1989 года. Но до меня доходили слухи о событиях в его жизни, иногда попадали в руки новые произведения. Как раз тогда мне довелось познакомиться с Анджеем, выступающим в очередной своей роли — корреспондента и политического комментатора радиостанции «Свободная Европа». И здесь он сумел проявить свои таланты.

Парижские годы, особенно последнее десятилетие, не были утрачены и для литературы. Наоборот, Анджей публиковался, быть может, даже чаще, чем прежде. Он начал вести постоянную колонку комментатора в «Тыгоднике повшехном», где печатал свои тексты уже за многие годы до этого (среди прочего — превосходное эссе на тему поваренных книг). Он стал серьезным комментатором, затрагивающим важную проблематику, высказывающимся на различные темы, которые подсказывает культурная и политическая жизнь. В этот период он выпустил две книги: еще раньше упомянутого выше сборника очерков и эссе (2001) вышел в свет «Отшельник с Краковского Предместья» — сборник его более ранних публикаций (1993). Его заглавие нуждается в комментарии: этим псевдонимом Анджей подписывался в молодости, а позаимствовал его у Герарда Маурициия Витовского (1787-1837), считающегося первым варшавским автором, у которого была своя постоянная колонка.

В Париже Анджей проявил и новые способности: вместе с женой Данутой основал польский книжный магазин. Он находится в старом и необычайно красивом квартале, недалеко от собора Парижской Богоматери. Там можно приобрести старые и новые польские книги, но все же это нечто большее, чем просто книжный магазин, — это своего рода культурный центр, где могут встретиться жители французской столицы с приехавшими из Польши. Я могу писать это на основе собственного опыта, ибо именно в этом книжном магазине несколько лет назад у меня состоялось что-то вроде авторского вечера. Но встречаемся мы с Анджеем главным образом в Варшаве, куда он приезжает по делам, как связанным с книжной торговлей (здесь он закупает новые книги), так и чисто литературным или просто личным. Я по-прежнему остаюсь верным читателем его произведений — в последние годы это в основном все та же еженедельная колонка с прекрасными текстами в «Тыгоднике повшехном».

Эрвин Аксер

Перевод Ксении Старосельской

ДИНА

Страничка из дневника

Елене Шварц — поэтессе

Эрвин Аксер

Небольшого роста шатенка с пухлым симпатичным личиком знала все, что было когда-либо написано для театра на русском языке или на русский язык переведено. Она сидела в маленькой комнатке перед приемной и следом за каждым автором или режиссером появлялась в кабинете Товстоногова, чтобы в нужную минуту о чем-то проинформировать, что-то записать в блокноте, дать совет или просто помочь одним своим присутствием. Неизменная сигарета во рту свидетельствовала о пагубном пристрастии, выражение живого интереса, блеск в глазу — об увлеченности искусством театра, меткие замечания — о знании предмета, а чувство юмора, как часто бывает у людей, этим качеством обладающих, сочеталось с наивностью: она принимала на веру все.

Город жил слухами. Из-за отсутствия информации выше всего ценилась информация. Больше, чем икра, коньяк, крабы «Chatka» и осетрина. Больше, чем продаваемые из-под полы театральные билеты.

И для Дины придумывались самые невероятные истории. Широко открытые глаза, вскинутые брови, радостное удивление, застывшая в воздухе сигарета щедро вознаграждали труд поставщика новостей. Потом чары рассеивались, Дина заливисто хохотала. А через минуту готова была проглотить очередную, еще более фантастическую сплетню. По сути она жила ожиданием чуда. Недаром она была в театре завлитом. Только чудо могло спасти честь этой профессии, которая со времен Немировича-Данченко и его уважаемых коллег претерпела немалые изменения. Нынешнему завлиту надлежало отпугивать от театра и не подпускать к шефу полчища графоманов (чьи сочинения все-таки нужно было прочесть), а также заниматься более интересным делом: изучать привезенные (иногда контрабандой) из-за границы или опубликованные в польском «Диалоге» пьесы зарубежных авторов, содержание которых следовало кратко изложить на бумаге.

При чтении этих текстов, польских, иногда английских, французских или итальянских, тайным помощником была дочка-подросток — почти гениальная, как делилась с друзьями мать: она играючи овладела несколькими языками, переводит прозу и поэзию, да и сама пописывает стихи, которые пока читала только мать. Дочь, безусловно, была частицей чуда. Возможности иных чудес таила в себе дамская сумочка, точнее сумка, большая, туго набитая и далеко не новая, внутри которой хранились: запас сигарет, спички, пудреница и красная губная помада, по меньшей мере три текста (уникальные рукописи), изучаемые в данный момент, а также — внимание! — крайне важная, тоже уникальная записная книжка с адресами и телефонами переводчиков, авторов и вообще лиц, по тем или иным причинам полезных театру. Надежда, что какой-нибудь текст, извлеченный из недр сумки, окажется выдающимся и, значит, имя первооткрывательницы войдет в историю, позволяло Дине Морисовне Шварц пребывать в состоянии радостного оптимизма (несмотря на неизбежные промашки и разочарования), наслаждаться курением, светским общением и капелькой спиртного, без которого светская жизнь почти ничем не отличалась бы от обычного ленинградского, то есть очень невеселого бытия.

Памятное «первое мая» в тысяча девятьсот шестьдесят каком-то году в Ленинграде продолжалось, как обычно, от трех до пяти дней и проходило подобно предыдущим, а также последующим майским праздникам. Часть актеров разъехалась по дачам — редко собственным, чаще чужим; другие оставались дома, праздновали, отдыхали, участвовали в различных концертах, гуляли по разукрашенному флагами и транспарантами, но тем не менее прекрасному городу.

Особенно притягивала взоры Нева. Широченная бурая холстина с проступающими там и сям узлами водоворотов и припухлостями стремнин, с далекими домами на другой стороне, с маячащим справа Шлиссельбургом — в мае целых два раза являла собой необычайное зрелище. Один раз, во второй половине месяца, плывущие с

Ладоги глыбы льда загромоздили всю реку, превратив ее в полярный залив под голубым небом, в зеленой окантовке берегов, а город гудел и трещал под напором ледяного крошева в каналах и канавках, норовящего взобраться выше зеленых цветущих деревьев, чуть ли не до второго этажа итало-российских домов, дворцов и особняков; другой раз — в начале месяца, в те самые праздничные дни, когда военные корабли всех калибров — от крейсеров, торпедных катеров, тральщиков и мелких суденышек до вызывающих всеобщий интерес и уважение подводных лодок — стояли на рейде на якорях или пришвартованные к причалам. Нарядно украшенные, они пришли из Кронштадта и теперь собирали на набережной толпы зрителей.

Между кораблями и набережной беспрестанно курсировали моторки и лодки с матросами в праздничной белой форме. Они перевозили всевозможных высоких чиновников, избранных представителей рабочего класса, боготворимых в России деятелей культуры — гостей военного флота. Палубы кораблей, словно муравейник, кишели фигурками, а течение разносило по реке жужжание голосов и то суровые, торжественные, то бравурные мелодии в исполнении военных оркестров.

На палубе одной из подводных лодок, которая стояла в каких-нибудь 100-150 метрах от набережной и потому была хорошо видна, отмечала праздник и Дина Морисовна, представитель БДТ — одного из лучших, если вообще не лучшего театра тогдашней России. Из-за холодного дыхания реки (льды с Ладоги еще не прошли) она была в шляпе, в теплом, хотя довольно поношенном пальто, под мышкой сжимала неизменную сумку с рукописями и (драгоценными!) адресами и телефонами, в руке держала бокал с очередной порцией прозрачного напитка, незаменимого в холодную погоду, а на лице ее сияла наивная улыбка потерявшегося ребенка, который еще не осознал, что потерялся.

В первый момент никто из находящихся поблизости, окутанных вырывающимся изо ртов паром гостей не заметил исчезновения одного (вернее, одной) из них; и те, кто смотрел издалека, откуда толпящиеся на палубе фигурки казались расставленными на столе предметами фарфорового сервиза, не увидели падения со стола одного из этих предметов. Дина Морисовна — речь идет о ней — сделала несколько лишних шажков, поскользнулась на гладкой поверхности омываемой водой палубы, проехалась на пятой точке до стального тросика ограждения и очутилась в водах Невы. Ее несомненно отнесло бы в сторону Кронштадта, не подними угрожающе трезвые вахтенные тревогу. Трое матросов немедленно, даже не разувшись, бросились в воду. Глазам общества, которое, оторвавшись от развлечений, сосредоточило все внимание на пенных волнах, представилось экзотическое и одновременно эксцентрическое зрелище. Обратное течение, зачастую возникающее возле водоворотов, вдалеке от основного течения реки, покачивало Дину Морисовну Шварц, завлита БДТ им. Горького. Под мышкой она сжимала сумку с рукописями и адресами, а в свободной, простертой над водою руке держала бокал. В тридцати-сорока метрах от нее с переменным успехом боролись с течением трое спасателей. Самым поразительным было то, что Дина не ушла под воду, не барахталась в волнах, а преспокойно парила в каком-нибудь метре от поверхности. Вздувшееся пузырем пальто во время полета набрало под полы-крылья воздуха и теперь несло свою владелицу, точно лебедь Лоэнгрина. Неизвестно, отдавала ли себе отчет Дина в том, что произошло. Выражение лица у нее было удивленное, едва ли не радостное, словно ее одарили какой-то новостью, сногсшибательным, нежданным известием. Однако на всякий случай она спасала сумку и бокал. Трое спасателей и отправленная им вслед надувная лодка положили конец спектаклю. На палубе освобожденная от мокрой одежды, закутанная в одеяла Дина в упоении повторяла: «Спасена, славу Богу, сумка спасена...»

С тех пор Дина стала Ундиной. Так ее, чудом уцелевшую, часто шутливо называли, а она, по своему обыкновению, откликалась на шутку милой улыбкой. Такой — с непременной сигаретой в пальцах, с сумкой под мышкой — она осталась у меня в памяти, а над нею возносится тень, расплывчатый силуэт другой Дины — Ундины — Офелии, уносимой водой и прозрачным воздухом. Тень драматурга, энтузиаста и мечтательницы.

Dialog

Эрвин Аксер *(родился в 1917 в Вене) — режиссер, актер, директор театра, публицист. Выпускник режиссерского факультета Государственного института театрального искусства в Варшаве (1939). В 1946-1949 входил в руководство Камерного театра в Лодзи. С 1949 был художественным руководителем, а в 1954-1981 — директором театра «Вспулчесного» («Современного») в Варшаве. В своей режиссуре соединяет элементы эпического театра с гротеском и психологическим реализмом. Ставил пьесы Мрожека, Чехова, Сартра, Ионеско, Дюрренматта. Много ставил за границей, в частности в венском «Бургтеатре», ленинградском Большом драматическом театре («Карьера Артуро Уи» с Евгением Лебедевым в главной роли), в Мюнхене и Дюссельдорфе. В этом году поставил во «Вспулчесном» «Пасху» Стриндберга. Профессор режиссуры в варшавской Театральной академии. Эссе и фельетоны публикует с 1951.*

Антоний Венявский

МИНУТА ПРИМИРЕНИЯ

Это фрагмент из неопубликованных воспоминаний помещика Антония Венявского (1871-1939), владельца поместья Хлевня под Варшавой. Он был деятелем различных дворянских и благотворительных организаций, автором брошюр о скотоводстве, финансах, банковском деле, пожнивных культурах, а также «Материалов для бесед в сельскохозяйственных кружках». Под конец жизни он написал воспоминания, второй том которых сохранился в доме Ярослава Ивашкевича под Варшавой и ныне входит в собрание созданного там музея.

П.М.

Когда немцы отступали из-под Варшавы [осень 1914], прибыла давно уже обещанная делегация Всероссийского союза земств в составе председателя союза князя Николая Александровича Львова, его заместителя Александра Николаевича Угрюмова, председателя Московского сельскохозяйственного товарищества, и Василия Васильевича Вырубова.

Львов, будущий председатель первого временного правительства после февральского переворота, был не только выдающимся, но и привлекательным человеком. Хотя ему тогда еще не было 60 лет, выглядел он измученным. Лицо, окаймленное уже седеющей бородкой, изрезанное морщинами, слегка напоминало иконный лик Христа. В живых глазах были заметны грусть и задумчивость. Пока он молчал, возникало впечатление, что он блуждает мыслями где-то далеко, но в разговоре он сразу оживлялся, глаза блестели, на лице появлялась добродушная улыбка. Улыбка исчезала, когда речь заходила о правительстве, и лицо тогда приобретало суровое, жесткое выражение.

Львов был одной из видных фигур умеренной оппозиции. «Москвич я...» — напоминал он не один раз, желая подчеркнуть разницу между москвичами и петербургскими людьми. (...)

Усадьба в Пентицах, разбомбленная немцами в 1914 г.

На следующий день после приезда земцев — это было через несколько дней после окончания битвы под Варшавой, — мы отвезли их на места только что прошедших боев. Если память мне не изменяет, их сопровождали Северин Четвертинский, Мацей Радзивилл, я и еще кто-то из наших коллег по Центральному опекунскому комитету. Мы доехали автомобилем до Рашина, где нас ждали брички из Фалент, имения княгини Северин. Мы поехали в сильно разрушенный Прушков и в Пентицы, где нас ждал Антоний Марыльский. От прекрасного господского дома, выстроенного в XVIII веке Сапегами чуть ли не как дворец, осталась груда развалин — уцелели только погреба, в которых он с сыновьями и всей прислугой просидел несколько дней во время битвы. Ценная библиотека была полностью сожжена. Кое-где валялись обломки старой мебели, домашней утвари. Сожжена часть конюшен и жилья прислуги. Прекрасные старые деревья порублены. В парке разбросаны обломки армейских повозок, разбитые винтовки, множество пустых гильз; земля изрыта пушечными снарядами; невдалеке от имения насыпан большой курган, могила погибших русских и немцев, останки которых мирно почиют в смертной тишине.

Печальный осенний день с мелким дождем делал картину еще более унылой. Перед мысленным взором у меня встал замечательный набросок Гроттера из цикла «Война». Аллегорическая фигура с жестоким выражением лица, с пылающим факелом в руке, возносится над огромной равниной, на которой горят деревни, а из деревень бегут жители, на полях — горы трупов.

Я поглядел на Львова. Он стоял, прислонившись к дереву и склонив голову. Я подошел к нему. По его щекам текли слезы. Он поглядел на меня и вполголоса сказал: «Да, Толстой был прав, война — ужасна. Во имя чего мы ее ведем, что она даст России и славянству, одолеем ли мы германскую силу, обретет ли Россия свободу? Неужели обязательно платить за нее такими огромными жертвами?»

Было уже темно, когда мы возвращались в Варшаву. Нам пришлось ехать медленно, по пути нам все время попадались армейские повозки и автомобили, везущие раненых. Львов сам начал разговор о наших делах. Он указывал, какие трудности будет создавать петербургская реакция на пути разумного решения польского вопроса. Русские либеральные круги понимают справедливость требования автономии. (...)

Львов и его товарищи провели ряд совещаний с военными и гражданскими властями. Результатами они не были довольны, жаловались на упрямство и ослепление этих властей, которые воспринимали готовность к сотрудничеству как желание ограничить их власть.

На обеде в очень узком кругу, который мы устроили в их честь, Львов ответил на пылкую речь князя Любомирского прекрасными словами, указав, что поляки должны опираться на либеральные круги в России, на земцев, ибо к ним в силу необходимости будет переходить власть. Они понимают и важность сотрудничества всех славян как единственной гарантии противостояния германскому натиску. (...)

(Я встретил Львова в Париже в 1919 г., на обеде у общего знакомого, где он был вместе с Вырубовым. Он неколебимо верил в успех армии Деникина и скорое возвращение в Россию, которую видел обновленной, возглавляемой либеральным правительством и идущей по пути прогресса и культуры.)

Львов уехал через несколько дней, оставив на месте Угрюмова и Вырубова, с которыми мы разработали программу деятельности. Мы постановили, что их действия будут иметь целью поддержание здоровья в армии и помощь крестьянству семенным зерном и доставкой лошадей.

Для нас, привыкших оперировать малыми суммами, соблюдать мелочную экономию, был в новинку размах, с которым они брались за работу. У них был большой опыт в помощи населению, накопленный в губерниях, затронутых голодом, который повторялся каждые несколько лет. Они немедленно начали с нашим участием создавать продовольственные пункты в тылу. Военные и гражданские лица бесплатно там получали чай в больших количествах. Это был, по их словам, испытанный способ борьбы с холерой и другими заразными болезнями.

«Надо напоить население чаем, и болезни пропадут», — повторяли они неустанно. Это оказалось справедливым, ибо только так люди не пили сырую воду из колодцев, в основном с подпочвенными водами, полными разносчиков заболеваний.

Кроме того, они в большом количестве доставляли продовольствие — крупу, солонину, что позволяло за ничтожную плату кормить население за линией фронта и прежде всего беженцев.

Сделаю небольшое отступление. Снабжение войска хлебом, крупой, солониной, горохом было таким обильным, что этого хватало и на то, чтоб прокормить население вблизи линии фронта. Все пять месяцев, пока русские войска стояли в Хлевне, хозяева и работники фольварка кормились армейскими продуктами. Только овес отмеривали скупо, и армия старалась доставать его, где только удастся.

Расточительность была невероятная. Объезжая в марте со Станиславом Леснёвским тыловую местность у реки Равки, мы зашли в большую избу погреться. Вблизи кухни стояли штабеля ржаного хлеба, до самого потолка.

— Что вы собираетесь делать с этим хлебом? — спросил Лесневский.

— Да чё с ним делать, господин хороший? — ответил мужик. — Русский нам продает по 3 копейки за буханку (около 5 килограмм), сами съесть не могут. Топить нам нечем, лошадей нет, вот и сушим, а зимой топить будем знатно! У меня уж его полно на чердаке. Выбросить — Бога обидеть. У нас в деревне все такой запас от русского заработали.

Эта картина много раз вставала в моей памяти, когда во время немецкой оккупации борьба за каждый грамм хлеба стала такой тяжелой.

Но возвращаюсь к земцам. Вырубов остался в Варшаве, руководя всей деятельность Всероссийского союза земств. Надо отдать ему справедливость: занимался он этим умело, в высшей степени лояльно, нередко облегчая нам решение разных вопросов благодаря своему влиянию в армейских кругах, к которым у нас тогда почти совершенно не было доступа Местная бюрократия, поначалу крайне к ним недружелюбная, видя их плодотворную работу, переменила свое отношение. Впрочем, у них было преимущество перед гражданскими учреждениями, так как в борьбе с ними на стороне земцев была поддержка армии.

Выпали у меня из памяти фамилии многочисленных земцев, которые приезжали в этот период. Среди них были весьма деятельные и культурные люди. Они отдавали себе отчет в необходимости поддерживать в Польше общественные организации, которые давали им точку опоры и союзников в борьбе за влияние. Они понимали также необходимость обеспечить себе сотрудничество поляков. Так, заведующим отдела Русского Красного

Воинское кладбище в Пентицах в наши дни

Креста они назначили всеми уважаемого доктора Бронислава Малевского, человека неисчерпаемой энергии и исключительных организационных талантов. После того как русские оставили Польшу, он остался на своем посту и оказал огромные услуги в борьбе с эпидемиями на Кавказском фронте. Подчеркивая огромные заслуги Союза земств в помощи Польше, хочу отметить, что с нами сотрудничали также представители некоторых министерств.

В заключение несколько слов о «петроградских дарах».

Беженцы с мест сражений, искавшие убежища в городах, не имели зимней одежды, которую обычно были вынуждены оставить, покидая родные места в спешке. Оставленная одежда была разграблена. Мы с тревогой ждали наступления зимы и трудностей со снабжением как сельского, так и городского населения теплой одеждой. Мы обратили внимание на это обстоятельство, и был создан специальный комитет, председателем которого стал [петроградский] городской голова граф Толстой, а членами — самые видные поляки, жившие в Петрограде: оба Жуковских, Л.Дымша, Г.Свенцицкий, — а также другие влиятельные и популярные лица, как, например, госпожа Котляревская, граф Перовский, Петрово-Соловово и др. Комитет организовал сбор одежды, причем весьма умело. По улицам ездили легковые автомобили с надписями: *«Помогайте братьям-полякам»* [по-русски в тексте. — *Пер.*], «Несчастная Польша разрушена немцами» и т.п. В разных районах города устроили склады, куда свозили дары. Результат превзошел все ожидания. Было собрано множество теплых вещей: шерстяного белья, валенок, детской одежды, полушубков, поношенных меховых шуб; не было недостатка даже в шелковых платьях и армейских шинелях. Набралось больше двадцати вагонов. Все эти дары надо было рассортировать, просмотреть, починить, зарегистрировать. Их сложили на большой склад бездействующего пивоваренного завода, и всей этой кропотливой работой занимались дамы во главе с неутомимой госпожой Горн.

Единственное сохранившееся надгробие на воинском кладбище в Пентицах

Несмотря на тогдашние печальные обстоятельства, нам случалось видеть в высшей степени комические картинки, когда мы глядели на мещанок из Равы или Скерневиц в русских коротких шубках или фантастических платьях. Этот маскарад воспринимался с юмором, но для многих это было великим благодеянием.

Для вручения этих даров прибыла целая делегация во главе с каким-то архиереем и графом Перовским. В ней было и несколько дам. Торжественное вручение железнодорожных накладных вместе с обращением комитета великой княжны Татьяны состоялось во дворце Кроненберга с участием многочисленной публики, прессы и т.п.

Архиерей, высокий, с окладистой бородой, произнес короткую сердечную речь. Северин Четвертинский как председатель нашего комитета опеки ответил речью длинной и не слишком удачной, начинавшейся словами: «Низко тебе кланяюсь за эти замечательные дары, живое доказательство великодушия братского русского народа». И далее в патетической речи, полной старославянских оборотов и посвященной светлому будущему Польши под заботливой опекой монарха, он без всякой необходимости затронул политические моменты. Мы его потом часто этим дразнили, но он был доволен произведенным ораторским эффектом. Мелкие ошибки фактически компенсировались его действительно крайне полезной и всегда весьма лояльной работой, в которую он вносил элемент искреннего товарищества.

Подготовил к печати Петр Мицнер

Николай Головкин

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД НА КУБАНИ

«Дело» профессора Р.К.Войцика

В 2004 г. будет отмечаться столетие со дня основания одного из лучших региональных музеев России — Краснодарского краевого художественного музея им. Ф.А.Коваленко. Здесь есть и древнерусская живопись, и отечественное, и западноевропейское искусство XVII-XIX веков. Но изюминка достаточно цельного собрания, насчитывающего около 9 тыс. произведений, — русское искусство первой трети XX века, в том числе авангард. Произведения Малевича и Кандинского, Шагала и Филонова, Кончаловского и Лентулова, Гончаровой и Сарьяна, Самохвалова и Фалька... Откуда же в провинциальном музее такие шедевры?

История Краснодарского музея начинается в 1904 году. Первый этап формирования его фондов связан с собирательской деятельностью местного энтузиаста — не богача-мецената, а человека бедного — Федора Акимовича Коваленко (1866-1919), имя которого, как и при открытии, сегодня вновь носит музей. Коллекция, переданная им в дар Екатеринодару (Краснодару), позволила городу иметь свою картинную галерею с археологическим и литературным отделами. Ее название свидетельствовало скорее о любительском, нежели о профессиональном подходе к ее формированию.

«Классический» облик художественный музей стал приобретать в 20-30-е годы, когда в провинцию России и других республик СССР начали поступать произведения русского и зарубежного искусства из многих центральных музеев. И здесь личность «собирателя» играла немаловажную роль.

В Краснодарском музее таким «собирателем» стал выпускник Московского университета Ромуальд Казимирович Войцик, который успешно совмещал должность профессора кафедры теории и истории искусств Краснодарского педагогического института с деятельностью в художественном музее. Будучи его заведующим, профессор Войцик в значительной степени определил направление и качество работы одного из ведущих культурных учреждений юга России в самый сложный период истории музея. Материалы об этой незаурядной личности по крупицам собирает заместитель директора по науке Юрий Солодовников.

Что же сегодня известно о Ромуальде Казимировиче Войцике, попавшем в 30-е годы под пресс сталинских репрессий?

Наиболее полным источником сведений о профессоре Войцике оказалось следственное «Дело», хранящееся в архиве Федеральной службы контрразведки по Краснодарскому краю.

— Однако изучение этих документов, — подчеркивает Юрий Солодовников, — требовало осторожности, так как общеизвестная тенденциозность «методологии» следствия тех лет определяет и тенденциозность показаний в деле обвиняемого.

И все же, по словам Солодовникова, собранного оказалось достаточно для первой приблизительной реконструкции биографии, в которой Ромуальд Казимирович Войцик из абстрактной и отвлеченной личности превращается в наполненного плотью и кровью живого человека.

О семье Войциков известно немного. Место рождения отца, поляка по происхождению, Ромуальд Казимирович нигде не называет, что вызвано, по-видимому, желанием избежать во время следствия «компрометирующих подробностей»..

Казимир Людвигович Войцик проходил военную службу в Карсе — столице древней Армении (X век). В 1878 г. город был присоединен к России.

— Драматическая судьба Карса во многом определила и драматическую судьбу его жителей, — отмечает Юрий Солодовников. — 13 октября 1921 г. город отошел к Турции, и большая к тому времени семья Казимира Войцика была вынуждена перебраться в Ленинакан.

...Но пока Карс — еще российский город, и после окончания военной службы «ввиду бедственного положения родителей» Казимир Людвигович остался в нем работать табельщиком на железной дороге, женился. Вполне вероятно, считает Солодовников, что мать Ромуальда Войцика — Тер-Симонян — была родом из Карса, где было много армян. Дочь портного и прачки, она не получила образования и вела домашнее хозяйство.

В Карсе и родился 27 сентября 1888 г. Ромуальд — старший и единственный сын в семье. После него появились на свет еще три дочери — Мария (1890), Елена (1892), Юлия (1899), что добавило хлопот небогатым родителям.

В 1902 г. по окончании Карского городского училища Ромуальд уехал учиться в Павлоградскую гимназию на Украину. С этого момента началась его самостоятельная жизнь. Зарабатывал уроками, поэтому учиться было нелегко. Тем не менее гимназию Ромуальд закончил с серебряной медалью и в том же 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где преподавали всеобщую и русскую историю, славянские и древние языки, философию и сравнительное языкознание... Чрезвычайно широко читалась история искусств. Основные усилия Ромуальд сосредоточил на подготовке к академической работе. Он получал стипендию, но и на весьма скромную жизнь ее хватало еле-еле, и юноша по-прежнему поддерживал свое существование уроками.

В 1911 г. «для ознакомления с материалами для медального сочинения» (его тема в документах нигде не называется) Войцик выехал в Варшаву, где, пробыв около недели, столкнулся с «польской национальной действительностью». Он встретился со своим дядей Ромуальдом Войциком, священником местной католической общины.

Но обрадовались ли разлученные родственники? Отнюдь! По словам Юрия Солодовникова, встреча двух никогда не видевшихся прежде Ромуальдов длилась недолго — всего один день: дядя видел в племяннике «москаля», что отнюдь не способствовало развитию каких-либо родственных отношений.

....Научная работа молодого историка искусств была, по всей вероятности, успешной. В 1913 г. он окончил Московский университет со званием кандидата филологических наук.

Казалось, перед молодым ученым открывались блестящие перспективы, но по профилю полученной специальности Ромуальд Войцик устроиться не смог. Пришлось зарабатывать переписыванием карточек в научном отделе Исторического музея.

Как же Ромуальд Казимирович попал на Кубань?

— Поскольку будущее было неясным и столица особых перспектив не сулила, Войцик решил уехать в провинцию, — рассказывает Солодовников. — Непродолжительное время он работал учителем в городе Гори Тифлисской губернии. А в 1915 г. без колебаний принял предложение директора 2-го реального училища Екатеринодара, открытом в 1911 г. для детей всех сословий. Работа Ромуальда Казимировича в училище совпала с I Мировой войной, февральской и октябрьской революциями, гражданской войной...

Судя по показаниям в «деле» профессора Войцика, этот период для него был мучительным. Продолжая преподавать в реальном училище, Ромуальд Казимирович общался лишь с узким кругом лиц. Февральскую революцию он встретил «восторженно» как символ освобождения от строя, «гнет которого испытывал на себе». А последовавшую за ней октябрьскую — как «революционную стихию бунта».

— Страх перед революцией, — считает Солодовников, — Войцик объяснял не тем, что власть перешла к пролетариату, а тем, что «культура подвергается опасности разрушения», взамен же «не будет создано ничего ценного».

...«Белые» ушли из Екатеринодара в марте 1920-го. И хотя лозунги тех лет призывали «доверять советской власти», ее приход Войцик встретил настороженно. Он «опасался террора к себе и интеллигенции».

Опасения Войцика были не безосновательны. Аресты были единичными — в основном поляков. Был арестован и некто Богоявленский, делопроизводитель одной из школ. Войцик его не знал, но это его испугало, и он «под впечатлением слухов из поляка превратился в литовца». В одном из имеющихся в «деле» документов он сообщает: «Хотя и по паспорту значусь литовцем, однако ни одного литовского слова не знаю, ни одного знакомого литовца не имел, никогда в Литве не бывал...».

В сборнике «Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...», выпущенном Краснодарским книжным издательством в 1993 г., читаем: «Тень «черного ворона» замаячила на улицах Краснодара уже в 1920-х годах. «Чистки» аппарата и партийных рядов, гонения на духовенство были предвестниками грядущих витков массового террора».

Однако внешне жизнь в Екатеринодаре, переименованном в Краснодар, при советской власти приобретала устойчивость. Государство, несмотря на экономические трудности, взяло под опеку культурные учреждения.

С 1920 г. Ромуальд Казимирович работал в Институте народного образования, впоследствии реорганизованном в Краснодарский педагогический институт. Его преподавательское ядро составляли тогда профессора Г.Г.Григор, Г.Ф.Зайцевский, М.И.Клочков и другие, занесенные на Кубань гражданской войной да так и оставшиеся в городе после ухода Добровольческой армии Деникина.

В институте Войцик возглавил кафедру литературоведения и с увлечением стал читать лекции по отечественной и зарубежной литературе, обширный цикл истории искусств. Дополнением к

лекционным курсам служили ежегодные поездки с группой студентов на экскурсии в музеи Москвы и Петрограда (Ленинграда).

В ноябре 1922 г. Войцик был утвержден ученым советом института в звании профессора, что стало признанием результатов его преподавательской и научной деятельности. Чтение лекций по истории искусств в Краснодарском педагогическом институте Ромуальд Казимирович успешно совмещал с изучением коллекций Кубанского областного художественного музея имени А.Луначарского (так многие годы назывался Краснодарский художественный музей), где в 1924 г. (не оставляя преподавательской деятельности) стал заведующим и научным сотрудником.

Профессор Войцик тщательно изучал фонды и пришел к выводу, что «ни любовное и ревностное отношение учредителя Галереи к делу, ни громадное количество вещей (...) не спасли собрания (...) от печати невысокого вкуса. Сносные вещи терялись в большинстве ученических и любительских работ, и Галерея представляла типичное для старой провинции собрание «художественных предметов», в котором подавляющее количество материала не оправдывало его художественной несостоятельности».

Основной задачей своей деятельности профессор Войцик считал реорганизацию музея в соответствии с принципами «научного музееведения в отношении художественного материала, представленного в музее и в приведении музея в состояние, наиболее отвечающее его заданиям содействовать художественному воспитанию и образованию широких масс». В связи с этим он принялся за разработку новых экспозиционных планов, а также, считая необходимым пополнение и обновление музейного собрания по историко-художественному принципу, выезжал в командировки в Москву, в центральные музеи.

В результате усилий профессора Войцика коллекция музея обогатилась значительным количеством первоклассных произведений: древнерусская живопись, русское искусство XVIII-XIX веков. Коллекция зарубежного искусства, переданная из Эрмитажа, включала все основные школы и направления европейской живописи XV-XIX веков. Особое внимание профессор Войцик уделял созданию музейного раздела, демонстрирующего новейшие течения в искусстве начала XX века, — собрания произведений художников «левых» течений в живописи, более известных как «искусство русского авангарда». Луначарский, посетивший в 1926 г. музей собственного имени, отзывался о нем как об одном из лучших провинциальных музеев России.

Произведения приобретались через ИЗО Наркомпроса, Государственный музейный фонд. Особую помощь в комплектовании коллекции профессор Войцик получал от Московского музея живописной культуры (МЖК), который существовал в 1919-1929 гг., причем с 1924-го — как часть Третьяковской галереи. Возглавляемый поочередно В.Кандинским, А.Родченко, П.Вильямсом, Л.Вайнером, МЖК не только собирал коллекцию новейшего искусства, но и осуществлял программу распределения произведений по столичным и провинциальным музеям, уделял большое внимание исследовательской, а также педагогически-культурной деятельности, призванной «ввести зрителя в круг современных художественно-технических исканий».

Некоторые исследователи проводят аналогии между Московским и Кубанским музеями. Действительно, благодаря усилиям профессора Войцика в Краснодаре была развернута активная популяризаторская деятельность. В музее проводились экскурсии, собеседования по вопросам художественной культуры, действовал семинар по теории и истории искусства, читались лекции о новейших течениях в русской живописи. Из 12 выставок, организованных в 1924-1927 гг., восемь были посвящены современному искусству. В 1928 г. в Краснодаре вслед за Москвой и Киевом прошла посмертная выставка Любови Поповой. В залах музея устраивались вернисажи местных художников, особенно часто — молодых выпускников Художественного техникума. А сам музей формировал из своих фондов передвижные экспозиции для городов и станиц Кубани. Последнее крупное событие жизни Краснодарского музея того периода — выставка новых поступлений в 1929 году. 360 ее экспонатов поступили из закрытого и расформированного Московского музея живописной культуры.

Поступления 1924-1929 гг. не только изменили содержание коллекции музея, но и стали крупным событием культурной жизни Краснодара. Несомненный интерес представляет и то, что формировалась она в период деятельности художников — многие работы приобретались непосредственно у авторов. Из Музея живописной культуры в Краснодар поступили более 30 произведений. Среди них — «Деревенские купальщицы» М.Ларионова, «Цветы» А.Экстер, «Кубизм начала 20-х» Т.Гавриса, «Композиция №1» (1915) А.Моргунова, «Беспредметное» (1919) М.Менькова, «Кубизм» И.Клюна, «Пейзаж» (1920) А.Лентулова... Работы, например, О.Розановой, также оказавшиеся в этом списке, любопытны тем, что одна из них, как недавно установили исследователи, оказалась

не просто натюрмортом, а зашифрованной стихотворной строкой. 13 картин музей получил после знаменитой выставки-продажи, прошедшей в берлинской галерее Ван Димена в 1922 году. Это «Супрематизм» (1915-1916) К.Малевича, «Две головы» Шагала, «Цветоконструкция №7» (1921) К.Медунецкого...

Благодаря выставкам и приобретениям профессора Войцика краснодарцы были знакомы с основными тенденциями развития искусства первых десятилетий XX века. Произведения В.Кандинского, П.Филонова, Н.Гончаровой, О.Розановой, а также местных художников новых направлений — таких, как А.Зеленский, семья Шмидт-Рыжовых, М.Новиков и другие, — экспонируемые в залах музея, вызывали оживленные дискуссии в художественных кругах и городской прессе.

Характер деятельности музея начал меняться в 1929-1930 годах. Живопись и графику кубофутуристов и других течений постепенно стали вытеснять «откровения» художников АХРР (Ассоциация художников революционной России). И хотя профессор Войцик постоянно ориентировался на широкие массы трудящихся и писал вполне «благонадежные» статьи, деятельность музея все чаще и чаще становилась объектом критики. Вслед за небольшими замечаниями по адресу как центра культуры, так и самого заведующего посыпались критические выпады. Обозреватель художественной культуры на Кубани в одной из статей подчеркивал, что музею «необходимо учесть в дальнейшем (...) некоторое изменение методов работы — уделение меньшего внимания художникам-эстетам и большего художникам-общественникам». Наконец, появились публикации, уже ясно обозначившие не только изменение всей художественной политики в целом, но и прямое наступление на художественный музей.

11 октября 1933 г. профессора Войцика арестовали. Он был женат. Его единственный сын-студент учился в Ленинграде.

По мнению Юрия Солодовникова, причиной ареста Ромуальда Казимировича были не любовь и склонность к «авангарду» или методологические ошибки в деятельности музея. В нем хотели видеть «политического врага».

В постановлении «Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения» говорится:

«Войцик Ромуальд Казимирович, достаточно изобличается в том, что:

1. Состоя профессором Краснодарского Пединститута, входил в состав антисоветской группировки научных работников Института;

2. В 1931 году находился в Киеве и, состоя профессором Польского Пединститута, входил в состав Польской военной организации, проводившей контрреволюционную повстанческую и разведывательную работу по заданиям П-го отдела Польского генерального штаба».

— Всё, всё обратили против него, — комментирует второй пункт постановления Солодовников. — В январе 1931 г. директор Краснодарского пединститута Стефан Вацлавович Сохацкий, по-видимому яркая и энергичная личность, человек европейски образованный, способный к ораторскому искусству и умению увлечь аудиторию, был переведен в Киев на должность директора польского института и через некоторое время сделал Войцику предложение о переезде. По вполне понятным причинам Войцик весьма сдержанно говорил на следствии об этом периоде своих отношений с Сохацким. Согласия на переезд в Киев он не дал, но выезжал туда несколько раз для чтения лекций по истории мировой литературы. Лекции Войцик по просьбе Стефана Вацлавовича читал на польском языке, которым не особенно владел. Но усиленная работа над их содержанием искупала недостаточность словарного запаса. Впрочем, сам Сохацкий находил у Войцика определенные языковые успехи. И все же Ромуальд Казимирович вскоре покинул Киев, чтобы уже никогда туда не вернуться...

Во время ареста профессора Войцика были записаны его особые приметы: «рост ниже среднего, волосы — темно-русые с большой проседью, голова лысая».

— Это описание, — отмечает Солодовников, — остается единственным «портретом» Ромуальда Казимировича, по которому хоть как-то можно представить его внешность.

Материалы следствия показывают, что «методика» ведения дела была до крайности проста: необходимо было заставить подследственного признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях.

Типичные вопросы, на которые приходилось отвечать, формулировались четко и определенно: отношение к пятилетнему плану, к марксистской партии, как расценивается саботаж на Кубани, а также политика партии в отношении к интеллигенции... Задавалась масса и других вопросов, столь же тенденциозных и нелепых.

Отвечать нужно было «в соответствии». Войцик под давлением следствия признавался в том, что одобрял действия Гитлера, агитировал против советской власти, создавал нелегальные кружки и развертывал контрреволюционные планы. Признавался он и в том, что проводимая в СССР паспортизация была необходимой мерой выявления вредителей, а расстрелы — суровой, но единственной мерой в борьбе с врагами.

Однако по некоторым деталям, разбросанным в материалах следствия, Юрий Солодовников восстановил и круг интересов профессора Войцика, и его действительное отношение к происходящим событиям.

— Вряд ли можно не поверить Ромуальду Казимировичу в том, — резюмирует он свои наблюдения, — что, когда уважаемый профессор узнал об экспорте художественных ценностей Эрмитажа («Я считал это в высшей степени пренебрежением к культурному наследию, недопустимым мероприятием, поскольку вывозимые ценности не могут быть восстановлены»), это настроило Войцика резко против советской власти.

По словам Солодовникова, очевидно, искренен был Войцик и тогда, когда писал в показаниях, что «не считал пролетариат созидательной силой», а «Ленин представлялся [ему] демагогом». Признание же Ромуальда Казимировича в том, что через знакомство с творчеством Блока, Белого, Гумилева, Мережковского, Шпенглера он незаметно для студентов втягивал их в нелегальные организации, на самом деле свидетельствовало скорее о его эрудиции и умении развернуть перед слушателями широкую панораму идей, чем о «сознательном протягивании упаднических буржуазных настроений».

Следствие по «делу» профессора Войцика затягивалось: обвиняемый занял «позицию упорного запирательства». А от него хотели добиться «желания покончить с прошлой контрреволюционной деятельностью». Два раза выносили постановление о продлении срока содержания под стражей. И только собрав «огромный и достаточно изобличающий материал» в «полном объеме», следствие сочло возможным закончить дело.

Усталый и подавленный человек, сферой интересов которого было искусство, в конце следствия выглядел одним из влиятельнейших руководителей краевого филиала контрреволюционной организации «Российская национальная партия», в которой была детально проработана политическая программа, создана разветвленная структура, налажены широкие связи с заграницей, имелись планы осуществления диверсионных и террористических актов.

— В конце концов следователи добились своего, — отмечает Юрий Солодовников, — постановлением ОГПУ от 14 апреля 1934 г. во всех предъявленных обвинениях по статье 58/10-11 Уголовного кодекса РСФСР профессор Войцик «признал себя виновным» и был приговорен к пребыванию в исправительно-трудовом лагере сроком на три года.

Пять месяцев ареста, бесконечные допросы и очные ставки не прошли даром — увеличилась печень, начался невроз сердца... Тем не менее медики признали, что Войцик может проживать во всех местностях СССР, к физическому труду ограниченно годен, препятствий для следования к месту высылки не имеется.

4 апреля 1934 г. профессор Войцик был направлен в исправительно-трудовой лагерь Сиблага НКВД в город Мариинск.

После освобождения 2 августа 1936 г. «за отбытием срока» Ромуальд Казимирович около года прожил в Краснодаре, работал профессором Азово-Черноморского института хозяйственников. Затем уехал в Среднюю Азию, трудился штатным профессором кафедр литературы вузов Алма-Аты и Кзыл-Орды, пока с сентября 1944 г. окончательно не осел в Самарканде. Здесь он по конкурсу был избран профессором и заведующим кафедрой русской и всеобщей литературы Узбекского государственного университета имени Алишера Навои, второй раз женился — на преподавательнице университета Хионии Николаевне Глаголевой (1892 г.р.).

После войны профессор Войцик начал хлопотать о снятии с него судимости «в целях полной гражданской и политической реабилитации». К заявлению на имя начальника КГБ Самаркандской области, написанному 20 ноября 1948 г., была приложена характеристика из университета и автобиография, в конце которой Ромуальд Казимирович писал: «Справка об освобождении, выданная Калининским л/п Сиблага НКВД (адрес: г.Новосибирск, почтовое отделение 247) 2-го августа 1936 года сгорела в г.Краснодаре вместе со всеми моими вещами, документами и библиотекой во время пожара дома. На мои обращения в Сиблаг и ГУЛАГ мне ответили, что копии справок об освобождении не выдаются». В «дополнительных сведениях к автобиографии», упоминая родителей, трех сестер, жену, профессор Войцик сообщает и о своей первой семье: «Первая жена Татьяна Николаевна, рожд. Жукова, русская, 1892 года. Родилась в Самаре. Инвалид, помогаю материально. В последний раз виделся в 1937 г. Проживает в г. Краснодаре. Сын, Лев Ромуальдович, род. в 1915 г. в г.Москве. Работает в настоящее время в Московском государственном университете, научный работник.. На фронте был в гвардейской дивизии, в звании старшего лейтенанта.. Награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу»».

Несмотря на отсутствие справки, дело о снятии судимости было принято к рассмотрению.

— Но волна послевоенных репрессий, — говорит Юрий Солодовников, — предопределила его

исход. Вновь изучались прежние материалы следствия и собирались новые компрометирующие данные. На этот раз к ним отнесли написанную к 20-летию УЗГУ брошюру профессора Войцика «М.Горький в борьбе с реакционными течениями в литературе XX века», в которой он якобы «исказил суть взглядов Горького как борца против реакции и фашизма». И вновь зазвучали знакомые обвинения: склонность к антисоветским высказываниям, связь с нежелательными элементами, симпатии к Гитлеру...

Обвинение, составленное по отработанной схеме, слушалось 25 января 1950 г. на заседании комиссии при МГБ. Было принято решение: в заявлении о снятии судимости «отказать».

Этот документ — последний, в котором упоминается имя Р.К.Войцика. След его теряется окончательно, и дальнейшая судьба практически неизвестна.

16 января 1989 г. президиум Верховного совета СССР принял указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов». На его основании 3 июля 1990 г. «дело» профессора Войцика было окончательно закрыто за недоказанностью преступления. А нужно бы, конечно, с формулировкой: «это была клевета на честного человека». Но...

— Справку о его реабилитации никто не затребовал, — завершает свой рассказ Юрий Солодовников.

...Вот уже четыре года в занимаемом Краснодарским музеем с 1907 г. здании — памятнике архитектуры «Дом князя Батырбека Шарданова» — продолжается капитальный ремонт. Понятно, что, обладая уникальным собранием, музей просто не мог не стать пилигримом и уже не раз опровергал расхожее мнение: мол, столичные музеи наматывают мили, возя произведения из своих коллекций по всему миру, а региональным-де и родные версты недоступны.

Но кубанцы не только готовят всё новые и новые экспозиции для показа на стороне. Они хотят издать к юбилею генеральный каталог своего собрания, в который войдет все, что было собрано, сохранено, изучено за весь период существования музея. Это хороший стимул для научной работы. Подвижники надеются, что благодаря помощи коллег из Третьяковской галереи, с которыми кубанцы поддерживают постоянные творческие контакты, а в рамках долговременного проекта ГТГ «Золотая карта России» демонстрировали осенью 2000 г. в Москве свою экспозицию «Русское искусство 1910-1920-х годов» и, конечно, постоянному участию в международных проектах — «Великая утопия», «Москва—Париж», «Париж—Москва», «Амазонки авангарда» в Центре современного искусства Соломона Гугенхайма в Нью-Йорке и других — останется меньше белых пятен по лучшей части их коллекции. Она оказалась наименее изученной, несмотря на то, что в последнее время интерес к ней заметно возрос.

— Это уникальный отголосок художественной жизни России первого послереволюционного десятилетия, — отмечает ее исследователь, старший научный сотрудник Краснодарского музея Ольга Крицкая. — Безусловно, заслуга нашего музея, что, несмотря на все катаклизмы XX столетия, в его юбилейной экспозиции будут представлены не отдельные шедевры и работы художников второго плана, в том числе и кубанских, появившихся в крае во многом благодаря просветительской деятельности Ромуальда Войцика, а целая коллекция (больше ста живописных и графических работ), которая более полно дает представление о художественных поисках начала XX века в их развитии. Во многих из этих работ — сплошной символизм, свой язык, знаковая система. У представителей «Голубой розы» она лирическая. У «Бубнового валета» — более жесткая. Представлен и «Ослиный хвост»...

— А ведь эта коллекция вполне могла погибнуть...

— Гибли люди — картины, к счастью, выжили, не пострадав ни от Сталина, ни от Гитлера, — продолжает моя собеседница. — Когда репрессировали Войцика, одни произведения русского авангарда и других течений первой трети XX века, оттесненные соцреализмом, сразу попали в запасники, остальные — постепенно. Но ничего уничтожено или выброшено не было. Тогдашние музейщики нашли в себе мужество их сохранить. Слава богу, пощадили их и фашисты, когда захватили Краснодар. Основная же часть коллекции была вывезена в город Соликамск. И сегодня, — с гордостью резюмирует Крицкая,— мы, как и многие провинциальные музеи России, гордимся тем, что в нашем собрании имеются произведения русского авангарда— наверное, одной из самых блестящих страниц в истории отечественной культуры. Это искусство несло в себе огромный творческий потенциал, предопределив основные направления художественной культуры всего XX века.

Москва

Петр Мюльднер-Нецковский

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА «ЛАБУЗЬ»

(выходящий от случая к случаю)

ŁABUŹ

Prowincjonalny Okazjonalnik Literacki 38/2001

В заголовке этой заметки я привел полное название необычного журнала, который с 1994 года выходит в небольшом провинциальном городке на Побережье — Лобезе. Я не смог отказать себе в этом удовольствии, ибо такое название свидетельствует о том, чем является частная инициатива для большинства, что означает неустанная деятельность нескольких человек на благо культуры. Небольшого объема журнал, издаваемый на бумаге не слишком высокого качества, в форме брошюры, прошитой проволокой, начинает завоевывать литературную Польшу. Вначале это издание было известно только в Лобезе.

В 1997 году я в очередной раз оказался в жюри конкурса поэзии им. Яна Спевака в Свидвине — ныне уже старейшего в Польше, — и директор свидвинского Дома культуры (одновременно Замка), Мариан Вишневский, объявил, что познакомит меня с тремя необыкновенными личностями.

Сначала он познакомил меня с невзрачной 13-летней поэтессой (1984 г.р.) Агнешкой Весоловской из г. Лобез. Слово «поэтесса» здесь совершенно уместно. Она и сейчас пишет прекрасные стихи, на высоком художественном уровне, становится все более оригинальной, имеет свой стиль. Ее короткие публицистические тексты в «Лабузе» качественнее и интереснее, чем у многих профессионалов. С ней можно сравнивать только Анну Мицнер (автора поэтического сборника «На память о лесе»), также молодую и интересную поэтессу из Варшавы.

Затем он представил меня Чеславу Шавелю, сумасшедшему оригиналу, учителю из Лобеза. Эрудит, пообтершийся в свете провинциал, который учит своих многочисленных учеников размышлять о мире и об истории — с помощью искусства. В его классе создаются произведения литературы и изобразительного искусства почти в авангардном стиле. Он не ставит никаких ограничений, принятых в других школах, ибо знает, что только таким образом в юных головах сохранится свободное, ничем не ограниченное воображение. Шавель присылает мне иногда чудесные картинки, коллажи и снимки с детских хэппенингов. Выходящая на Побережье пресса постоянно сообщает о его новых инициативах в области культуры.

И наконец, третий, самый главный — Леон Зданович, тоже из Лобеза. Поэт Лех М. Якуб из Колобжега считает его ходячим Лобезским культурным центром в одном лице. Это, по всей видимости, Зданович придумал «Битву из-за коровы» между городами Свидвин и Полчин-Здруй. Это он вместе с группой друзей начал издавать журнал под названием «Лабузь», который читает интеллектуальная элита больших городов, и назвал его в подзаголовке «Нищенская издательская инициатива Литературного клуба». Он — поэт, автор поэтических сборников, язык его стихов отличает оригинальный стиль барокко, не приемлющий сентиментальности и стремящийся к максимальной сгущенности содержания.

В первое время после 1989 года, то есть после смены политического строя, в Польше начался издательский бум. Количество местных изданий перевалило за тысячу восемьсот. Люди ощущали потребность выплеснуть из себя все то, что коммунизм им запрещал, а прежде всего им хотелось продемонстрировать свободу слова. На это не жаль было ни личных денег, ни драгоценного времени. В самых маленьких городках, даже в деревнях, появлялись спонсоры, готовые поддержать любую подобную инициативу. «Лабузь» возник именно на такой волне. Один заплатил за бумагу, другой предоставил компьютер, третий дал денег на типографию.

Но прошло несколько лет и энтузиазма естественным образом поубавилось, местные издания начали приходить в упадок. У рекламодателей, которые служили главным источником финансирования, как-то сама собой иссякла спонтанная щедрость. В конце 90-х годов насчитывалось уже всего лишь восемьсот местных изданий, в большинстве своем это были уже только газеты, издаваемые органами самоуправления, то есть свобода высказывания в них стала некоторым образом ограниченной. Ведь та пресса, которую издает городской совет или совет гмины, должна служить прежде всего этому совету, так что в ней трудно ожидать критических материалов. Иначе обстояло дело с «Лабузем». Он занимался не политикой, даже на местном уровне, а культурой и литературой. Благодаря этому он сохранил свою независимость, тщательно оберегаемую Здановичем и друзьями.

Редактор быстро понял, что его культурные предпочтения и те авторы, которых он приглашал, гораздо более универсальны, чем те, другие, из других местных изданий. Он не стал избегать перепечатки уже опубликованных работ, которые соответствовали главной идее его издания:

«Мы намерены, хотим, стремимся: — сохранить от забвения и потерянности в равнодушном потоке : — факты, события, конкретные дела, документы, сообщения, признания, беседы, записи, интервью, серьезные ответы на важные вопросы. Все это [мы хотим] сохранить, запечатлеть, оставить (...) Мы надеемся, что среди 12 тысяч наших соседей найдутся несколько, а то и десяток, а то и несколько десятков человек, которых мы таким вот образом подбадриваем и вдохновляем. Мы верим, что у них достанет эмоциональности, искренности и честности, чтобы взглянуть на себя со стороны и как бы с расстояния увидеть и описать те узы, узлы, шишки, петли и путы, которыми каждый связан с нашим городом. (...) Давайте же сделаем что-нибудь вместе! — спасем от гибели, не допустим, чтобы наглому разнузданному невежеству каждый день было дано: давить, клеймить, унижать, оскорблять и бесчестить нас. Мы же люди! — давайте это докажем. Оставим в качестве подтверждения наши следы, нити и строчки. Опубликованные они будут свидетельствовать о нас и нашем времени (...)»

На рубеже столетий в «Лабузе» появился новый сюжет — провинциальность как общепринятая ценность в культуре, основа национальной культуры. В каждом очередном номере (а их на сегодняшний день вышло 38, по одному на квартал) стали появляться краткие высказывания многих известных людей на эту тему, размещенные между художественными произведениями и статьями в виде вставок. Вставки эти, безумные и серьезные, об общем и частном, сугубо личные и научные. Эта невероятная смесь составляет сегодня суть данного издания. Говорят, что это некая кладовая для поддержки всего, что в польской культуре есть ценного и чего не хотят замечать в Варшаве и Кракове. Более того, в журнал потянулись авторы из больших культурных центров, известные поэты, прозаики, критики.

Художественный и культурный уровень журнала определяют теперь не только его постоянные сотрудники — Казимеж Обуховский (преподаватель психологии), Лех М. Якуб, Петр Беднарский (поэт) или уже упоминавшаяся Агнешка Весоловская, но и такие поэты как Ярослав Маркевич, Марек Вавжкевич, Юзеф Баран или критик Лешек Жулинский. Важной оказалась рубрика «Литературная корреспонденция», то есть публикация личных писем Петра Мюльднера-Нецковского и Леха Якуба; эти письма Лех Якуб сам отбирает и печатает без купюр. Пресса, выходящая на Побережье, охотно цитирует отрывки из этих писем, а кое-кто (например, Лешек Жулинский) придает им большое значение, ибо усматривает в них возрождение эпистолярного искусства. «Лабузь» особенно неравнодушен к литературной молодежи. Его открытием стала Агнешка Весоловская, но журнал также охотно публикует произведения многих других молодых авторов из разных уголков Польши. По результатам ежегодного конкурса им. Яна Спевака и других конкурсов на Побережье журнал публикует стихи лауреатов, тинейджеров с уже сформировавшимся поэтическим стилем, а таких немало. И вот в одном из номеров появляется такая заметка, обращенная к читателям:

«Читайте, господа, вот вам пример полностью независимого, свободного и отважного культуротворчества. Вопреки расхожему мнению — пустыня... Мы имеем дерзость — благодаря доброжелательному воображению спонсоров — представить стыдливо скрываемую до сих пор реальность индивидуального мышления (...)».

Зданович понял, что его издание уже имеет право формулировать такие самооценки. И правильно, в варшавских литературных кулуарах говорят о «Лабузе» с интересом и уважением. Поскольку журнал открыт для всех и никого не отвергает, не отдает предпочтения ни тем, что

слева, ни тем, что справа, и просто ценит хороших писателей, каждый может принять участие в этом мероприятии. Достаточно прислать хорошее произведение. В Лобез. А Лобез расположен в Западно-поморском воеводстве в десятке километров на юг от Свидвина, на восток от Парижа и Берлина, и в нем около 12 тысяч жителей. В старинных книгах за 1272 год он записан как собственность богатого рода Борко. Своим названием (это одна из этимологических гипотез) Лобез обязан растению под названием аир, которое на старославянском называлось лабузем.

Когда в 1994 году создавался частный Литературный клуб «Лабузь», его основатели (Веслав Малышек, Виктор Пашкевич, Лешек Ключка, Здислав Крыжин, Леон Зданович) стремились, в частности, выработать культурную платформу, основанную на популяризации 800-летней традиции с тремя стебельками аира в гербе. В эту традицию теперь вписывается издание, которое выдержало и кризисы, и бури, финансовые провалы.

В июне 2001 года приехала ко мне в Подкову-Лесну Лидия Ляляк, жена Чеслава Шавеля — посоветоваться по издательским делам. Речь шла, в частности, о том, чтобы создать фирму, которая будет зарабатывать средства для поддержки таких начинаний как «Лабузь». Обсуждались разные хорошие идеи, но при этом постоянно звучал один мотив: журнал должен остаться в своем прежнем полиграфическом виде. Такова воля Леона Здановича. У него должно остаться прежнее бедноватое графическое оформление, та же тоненькая обложка из цветной ксерографической бумаги, тот же самый по-любительски примитивный способ размещения материалов. Своим внешним видом издание должно выделяться среди прочих, многочисленных цветных и технически безупречных журналов, которые можно сотнями найти в газетных киосках. Итак, внешнее убожество, даже сермяжность, но внутри прекрасные произведения. Ибо это по-прежнему «нищенская издательская инициатива», и пусть такой и останется.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОГРАММНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА «ЛАБУЗЬ»

Частный литературный клуб «Лабузь» является неформальным объединением, основанным пятью учредителями, проживающими на территории лобезской гмины и занимающимися литературной деятельностью (поименный список прилагается).

Цель клуба состоит в создании организационных рамок для ничем не ограниченной творческой деятельности его членов, а именно:

в привлечении сторонников и спонсоров

в накоплении финансовых средств для печати

в издании собственного журнала

в духовно-материальной взаимопомощи.

Сторонником клуба и его меценатом может стать каждый, кто в той или мной форме поддержит его деятельность.

Членом клуба может быть тот, кто проявит творческий талант и представит на коллективный суд свои самостоятельные творения.

В целях популяризации наших творческих достижений мы будем устанавливать контакты и стараться завоевать симпатии и благосклонность критиков, кругов, формирующих общественное мнение, и СМИ.

Клуб не имеет постоянного места пребывания и форм деятельности. Деятельность клуба будет осуществляться в соответствии с потребностями момента и имеющимися территориально-финансово-организационными и прочими возможностями.

Через своих членов и тех, кому симпатична его деятельность, клуб будет сохранять тесные связи с общественностью и при благоприятных финансовых условиях и обстоятельствах будет способствовать культурному развитию города и гмины — инициируя мероприятия творческого характера или участвуя в них.

Все решения, касающиеся клуба и его деятельности, принимаются на встречах большинством голосов с указанием исполнителей намеченного.

Члены клуба или его сторонники имеют право носить значок с изображением трех стебельков лабузя (аира).

Частный характер клуба выражается в:

отсутствии руководящих органов и постоянных форм деятельности

отсутствии всяческих ограничений в форме выступлений.

Клуб не несет ответственности за уровень творческих достижений — он лишь определяет общий абрис межчеловеческих связей; мы реализуем наши личные амбиции, встречаясь на частных квартирах, придерживаясь при этом правильно понимаемой privacy.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Самые младшие из моих студентов родились в первой половине 80-х, сейчас они вступают во взрослую жизнь, начинают принимать участие в выборах, отвечать за форму польской демократии. Точнее, как я убеждаюсь с известным недоумением, начинают уклоняться и от выборов, и от ответственности. Мне казалось, что это явление маргинально, но нет: оказывается, оно уже обратило на себя внимание социологов и общественно-политических комментаторов. В статье «Обманутое поколение» (**«Одра»**, Вроцлав, 2001, №10) Анджей Малкевич пишет:

«Входит в жизнь поколение, родившееся во время военного положения. Оно многочисленно. Да, статистика не лжет: натуральный прирост тогда резко повысился, на обычное движение его падений и взлетов наложилась тогдашняя атмосфера, почти такая, как в Третьем мире: нужда, отсутствие возможностей, перспектив. Единственной надеждой оставались дети. Детей делали от отчаяния. Некоторые появлялись на свет по расчету. Власть изображала себя суровой и доброй одновременно. Суровость была для «врагов» и «бездельников», а на долю матерей-полек и их детей оставляли доброту: хотя в стране царил дефицит, для младенцев были карточки на молоко, ордера на пеленки, места в яслях и детских садах. (...) Новые граждане ПНР вступали в мир, полный стрессов, где почти все было запрещено, где власть держала тощий пряник и толстый кнут. А известно же, что самые важные черты характера складываются в первые годы жизни. В юные души проникала атмосфера бедности, бесперспективности, борьбы за добывание каждой мелочи. Родители всю энергию отдавали будничным заботам, очередям, плохо оплачиваемой, плохо выполняемой и жутко плохо организованной работе на государственных предприятиях и в учреждениях, еле сводивших концы с концами. Свою неудовлетворенность они разряжали в нареканиях на пресловутых «их», в распивании водки и мечтах об ином мире, где все доступно по первому взмаху руки, у всех все есть, а очереди стоят только в кассу с деньгами. (...) Дети слушали и учились. Пустые слова взрослых они принимали за истину. В будущем им мерещились деньги и побрякушки, настоящее оставалось сферой жизни как попало. А потом наступила свобода. Им сказали, что они имеют право на счастье. (...) Сказали, что имеют право жить богато. Их родители едва вязали конец с концом. Учились экономить, тратить денежки осторожно. Мечтали о богатстве, внушили эту мечту и своим детям, а тут оказывается, что богатеть уже можно, что делать деньги — это заслуга, а богатство — больше не грех. Некоторые вокруг них внезапно нажили состояния, и все хотели пойти следом за разбогатевшими. Им только не сказали, как это сделать: тут советчиков не нашлось. (...) Большинству остались самые тривиальные способы заработка: работа, торговля. Работа? А кто возьмет таких людей на работу? «Сосунков» без практики, без опыта. (...) Они не умеют работать. Они кончали дурные школы, где плохо оплачиваемые учителя только делали вид, что дают им образование. Главное, их не научили выдержке, систематичности, пунктуальности. Да-да, на эту с трудом завоеванную работу они тут же начинают опаздывать, вкалывают изо всех сил, но как попало и, быстро разочаровавшись, начинают прикидываться, что работают, а на нагоняи начальства отлаиваются и в конце концов либо сами уходят, либо их выгоняют».

Прерву выписки из этого анализа. Только что я разговаривал с недавней выпускницей университета, где я преподаю. Вот уже месяц как она работает для газеты, которая, кроме гонораров, платит за нее страховку. Ей 24 года, зарабатывает она немного, пишет заметки из провинциального городка. Она хочет бросить работу, так как платят слишком мало. Найти другую работу надежды нет, но ее самолюбие уколото: публикуют не все, что она пишет, не относятся к ней как к профессионалу. Что ее ждет? Тут я вернусь к статье:

«Они садятся на пособие по безработице, слоняются без дела, все больше переполняясь недовольством, злые на весь мир, пропивают остатки денег, забывают последние правила поведения, а через несколько лет, все еще оставаясь молодыми, превращаются в жалких неудачников. (...) Самые разумные, видя, что творится, пытаются повысить свою привлекательность. Кончают курсы языков, макияжа, обаяния и всего, что только выдумают организаторы обучения. После нескольких таких курсов голова у них начинает работать лучше: прежде всего они понимают, что их облапошили, что все эти курсы ничуть не

помогли им получить хорошую работу, что единственные, кому от этого был толк, — преподаватели, набившие мошну. И тогда до них доходит, что единственное, в действительности имеющее вес, — это вузовский диплом, после чего те — а их большинство, — у кого есть аттестат зрелости, начинают рваться в вузы. Им же сказали, что они имеют право на образование».

За образование надо платить. Та девушка, что мне звонила, окончила отделения польской филологии и политологии. Она хочет сразу если уж не стать главным редактором в большом городе, то хотя бы иметь гарантию, что за все, что напишет, получит деньги. Она ведь умеет! Она и вправду умеет, но она еще не знает, как долго придется стараться, чтобы ее признали, как долго проходить выучку. И прав автор статьи, тоже вузовский преподаватель, когда пишет:

«Выходит, мы их обманываем, и не по злому умыслу, не потому, что мое поколение такое хитрое, а их — такое наивное. Дело в том, что нас суровые условия научили помогать себе самим, а они поверили в сказки о счастливой жизни. (...) Конечно, не все поддались на обман. Некоторые бежали. Уехали, нашли себе место где-то в мире. Другие заупрямились, научились деловой солидности, пунктуальности, точности. Отказались от суетных удовольствий, от тусовок, включились в «крысиные гонки», обучились не только писать на компьютере, но и программировать; некоторые создали свои фирмы, трудятся чуть не круглые сутки без роздыху, и более или менее дела у них идут. Есть такие. С их помощью я пишу это эссе. Они уже нашли свое место или на верном пути к нему. Но они — малая доля. Энтузиастов не может быть много, но их еще меньше, чем надо».

У моей студентки дела не идут. Она и не энтузиастка. Ей хочется где-нибудь зацепиться, чтобы выжить, чтобы кто-то платил за нее страховку. Она пассивна. Пассивна и в общественной жизни. На последние выборы она не пошла. И не она одна — таково почти все ее поколение, о котором в краковском **«Тыгоднике повшехном»** (2001, №44) пишет Павел Спевак в статье, озаглавленной «Поколение без граждан»:

«Сегодня для молодежи демократия в Польше — нечто самоочевидное. Однако многое показывает, что эта демократия, освоенная нынешней молодежью, может оказаться демократией без граждан и общественного капитала доверия. Социологические обследования показывают, что молодежи не просто неинтересна политическая проблематика, но что большинство молодых людей проявляют к ней откровенную неприязнь. Их мнения по политическим вопросам обычно просты и в высшей степени банальны. (...) Да, говорят молодые, демократия — это наша естественная среда, но после этого ответа начинают звучать сомнения: да доросли ли наше общество и политики до демократии, не чрезмерно ли мы податливы на коррупцию? Обычно (и это характерно не только для молодого поколения) всех политиков считают людьми, не заслуживающими доверия и непрофессиональными. Занятия политикой — на взгляд молодых, дело безнравственное и подозрительное. Они не верят никаким партиям и заранее знают, что со сменой правящей команды ничего в государстве не изменится. Молодые критически настроены ко всему, что считается патологией общественной жизни: к коррупции, политическим склокам, непорядочности. Они сурово судят политиков и политику, но сами или беспомощны («видно, иначе быть не может»), или настроены реалистически, т.е. не ждут больших перемен и не верят, что в политике сможет найти себе место какая-то команда идеалистов. Политика для них, похоже, как для некоторых либералов, — неизбежное зло. (...) Молодые люди держатся в стороне от политики: читают они меньше, чем среднестатистический гражданин, реже смотрят информационные телепрограммы. Они не особенно знают, кто есть кто в политике, — и, по-видимому, эти знания в жизни им не нужны. Не включаются они и в гражданскую жизнь. Немногие (всего 7%) принадлежат к объединениям или партиям. (...) Молодые живут частной или компанейской жизнью — редко жизнью коллектива или объединения. Они неохотно участвуют в выборах: явка на выборы в этой возрастной группе обычно решительно ниже, чем у старших поколений. (...) Они как будто а- или даже антиидеологичны. У них нет своих взглядов на дела, имеющие принципиальное значение для общей судьбы, и они даже не желают их иметь. Часто это вытекает из политической безграмотности (о чем они сами говорят). Частично же здесь действует цинизм, которому они уже обучились. (...) Но неприязнь молодежи к идеологии имеет, похоже, и вполне положительные стороны. (...) Каждое событие они стараются анализировать прагматически (это важное для поколения слово) и в то же время смотреть на него с нескольких точек зрения. Им заведомо чужда тенденция сводить общественные явления к одному фактору или искать всеобъясняющую отмычку. Поэтому они не купятся ни на марксизм, ни на национализм, ни на клерикализм».

Они отгораживаются от общественной жизни, что, кстати, — прибавлю от себя — заметно и в словесности, сосредоточенной скорее на себе, чем на ближних, на частной, а не на социальной сфере, на психологии больше, чем на истории. Так расценивают это и социологи.

«Они [молодые] видят себя, — пишет Спевак, — главным образом в профессиональных, семейных и дружеских ролях. Вкладывать силы они склонны прежде всего в образование. Это, вероятно, уже есть — или будет — самое образованное (с формальной точки зрения) поколение поляков. Свыше 20% молодежи уже учатся или скоро будут учиться в вузах. Растет число сдающих экзамены на аттестат зрелости, хотя куда они пойдут учиться дальше, что будут изучать — это отдельный вопрос. (...) Социологи пишут (...) о рождающемся самосознании нового интеллигентского слоя, т.е. о кристаллизации среднего слоя, подчеркивающего свое отдаление или отчуждение от «низших» слоев.. (...) Классовые различия тем сильнее выходят наружу, чем труднее старт молодого поколения. Молодые люди, в особенности за пределами этого привилегированного круга, будут (или уже стали) первыми «жертвами» нынешнего экономического кризиса. Около 40% безработных — молодежь. Эта доля возрастет со вступлением на рынок поколения демографического пика начала 80-х, а это почти два миллиона человек. Положение выглядит драматически».

Положение уже стало драматическим — в меньшей степени драматизм ощущается в крупных городах, в большей — разумеется, в провинции. Именно там видно, как безжалостно функционируют механизмы, описанные дальше в статье Спевака:

«Кроме того, сегодня можно говорить о явлении заторможенного социального продвижения. Даже особенно хорошо подготовленная молодежь вынуждена удовлетворяться случайными занятиями или долгим выжиданием. (...) Сегодня лучшие места занимают 30-летние, и трудно ожидать, что они пожелают уступить свои места младшим коллегам. А те обречены на долгие поиски работы, еще дольше придется им ждать продвижения — или очередного «экономического чуда». Хуже того, растет число безработных с высшим или незаконченным высшим образованием — молодые люди столько в себя вложили, а теперь не могут рассчитывать на возвращение своих «инвестиций». Между тем — и это важно — чаяния входящего в жизнь поколения ориентированы на западную модель карьеры как на образец. (...) Таким образом, неизбежен конфликт надежды: столкновение зачастую нереалистических чаяний с трудной экономической и социальной действительностью».

Так что же нас ожидает? Этот вопрос задают себе не только молодые люди, но и все, кто понимает, что это драматическое положение и конфликт надежды рано или поздно должны как-то разрешиться. Пытаясь ответить на этот вопрос, Спевак пишет в заключительной части статьи:

«Каковы могут быть результаты? Первым будет ужесточение жизни и обострение конкуренции. Уже сейчас без блата трудно найти хорошую работу. А соперничество благоприятствует кумовству, доносительству и обычной жестокости. Во-вторых, будут углубляться различия между теми, кому повезло или начинает везти, и всеми остальными, обреченными на прозябание и выжидание. Это приведет к социальной зависти и межгрупповой неприязни. Шире распространится чувство эмоциональной усталости, недовольства, ощущение растраченных жизненных возможностей. Если вспыхнут социальные выступления на экономическом фоне, то они будут носить неорганизованный, анархический характер, ибо молодежь не склонна предпринимать совместные, организованные и долгосрочные действия. Более того, ее трудно убедить в правоте какой-то идеологии, а демагогия ее не «берет». Во всяком случае, я не верю, чтобы действительно серьезное влияние на молодое поколение могли оказать движения авторитарно-демагогического характера. Демократия для молодежи — это нечто нормальное и очевидное. (...) Многие черты молодого поколения благоприятствуют построению и укреплению демократии. С другой стороны, распад общества на личности-атомы, материализм, острое соперничество, растущий разрыв между различными группами, нелюбовь к идеалам или просто программная аполитичность — все это может привести к тому, что наша будущая демократия, освоенная сегодняшней молодежью, захромает. Возможно, это будет демократия без граждан — и без общественного капитала доверия».

Признаюсь, что заключительная формулировка столь же эффектна, сколь и, пожалуй, слишком оптимистична. Я испытываю уважение к вере Павла Спевака в сопротивляемость молодежи авторитарно-демагогическим движениям, однако у меня нет сомнения, что все чаще среди молодых можно слышать слова о необходимости «сильной руки». Верно, что все большее число молодежи получает образование, создавая слой новой интеллигенции. Но остаются еще 80%, которые — если вообще пойдут на выборы — способны голосовать за крайние, радикальные группировки. А это может отяготить не только судьбу польской демократии. Это может отяготить и будущее страны, которую, парадоксальным образом, воспитанная на западных образцах молодежь отрежет от Запада. Нельзя сказать, что это нереальная перспектива. И что тогда?

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Новым министром культуры в правительстве Лешека Миллера назначен Анджей Целинский. На встрече с депутатами Сейма он представил первые предложения по деятельности министерства в условиях финансового кризиса в государстве.

• Пятидневный фестиваль «Варшава писателей» открылся вечером, посвященным 25-й годовщине создания издававшегося в подполье в 1976-1982 гг. литературного ежеквартальника «Запис». В первом его номере Станислав Баранчак писал: ««Запис» — это не причуда нескольких литераторов... Мы издаем «Запис» только потому, что мы были лишены официальных возможностей опубликовать содержащиеся в нем материалы». На вечере встретились создатели и авторы журнала: Яцек Бохенский, Казимеж Орлось, Марек Новаковский, Рышард Крыницкий, Мирослав Хоецкий. В нем печатались самые крупные польские писатели той эпохи. В свое время так называемая параллельная (самиздатская) пресса заложила основы массового движения протеста в Польше.

• Президент Владимир Путин наградил российским орденом Дружбы Анджея Пшевозника — генерального секретаря Совета по увековечению памяти борьбы и мученичества. Анджей Пшевозник руководил эксгумациями массовых захоронений и сооружением кладбищ в Катыни и Медном. Вручая ему эту высокую награду, посол России в Польше Сергей Разов сказал: «Мы глубоко удовлетворены тем, что спустя 60 лет после совершения преступления тоталитарным режимом нам удалось перевернуть эту мрачную страницу в истории наших отношений».

• Адам Михник, главный редактор «Газеты выборчей», и Клаудио Магрис, итальянский писатель родом из Триеста, получили голландскую премию им. Эразма Роттердамского, присуждаемую за распространение, как говорится в решении жюри, таких «эразмовских добродетелей», как искусство диалога и терпимости, понимание самобытности культур и взглядов, а также нонконформизм. Премия присуждается с 1958 г. за «важный вклад в развитие европейской культуры, общества или общественных наук».

• В Польше опубликован первый экуменический перевод Нового Завета и Псалтири. Перевод утвердили представители 11 христианских Церквей в Польше, а первыми поставили свои подписи примас Польши кардинал Юзеф Глемп от Римско-католической Церкви и митрополит Савва, глава Православной Церкви в Польше.

• Польская книжная палата (ПКП) и Франкфуртская книжная ярмарка будут совместно популяризировать литературу стран Центральной и Восточной Европы и способствовать ее распространению. «Мы стремимся к тому, чтобы Варшава стала местом встреч издателей и книготорговцев с Востока и Запада», — говорит председатель ПКП Анджей Новаковский. Первым совместным мероприятием станет организация в будущем году майской книжной ярмарки в соответствии с новым замыслом.

• Свое 80-летие отпраздновало пользующееся заслуженной репутацией издательство детской литературы «Наша ксенгарня». А тем временем неутомимая «Газета выборча» начала кампанию «Вся Польша читает детям», опубликовав «канонический» список из 100 произведений, которые должен знать каждый ребенок, и призвав родителей, чтобы те прочли их вслух своим малышам. Известно, что те, кто не подружился с книгой в детстве, редко обращаются к ней в зрелом возрасте.

• Началась публикация серии шедевров польской классической литературы на магнитофонных кассетах и компакт-дисках. В книжных магазинах уже появились произведения Генрика Сенкевича («Камо грядеши», «Трилогия», «Крестоносцы», «В пустыне и в пуще») и «Кукла» Болеслава Пруса.

• В списках новейших бестселлеров наконец-то произошли некоторые сдвиги. Туда, где до этого безраздельно царили авторы-женщины (Хмелевская, Мусерович, Грохоля), вторгся лауреат литературной премии «Нике» за этот год Ежи Пильх со своей повестью «Под Крепким Ангелом», за которой следуют рассказы классика Станислава Лема под названием «Фантастический Лем».

• Кандидатами на место в списке польских бестселлеров стали также «Последняя тень» маститого Януша Гловацкого и «Черные океаны» — первая повесть молодого, но уже признанного мастера фантастики Яцека Дукая. Обе книги объединяет картина

мира, которую можно назвать катастрофической, хотя у Гловацкого это проявляется в издевательском изображении типично американских патологических явлений, а у Дукая — как метафизическая проекция наших сегодняшних страхов в будущее.

• В 1901 г. впервые на польских землях была поставлена драма в стихах Адама Мицкевича «Дзяды». Сегодня, в сотую годовщину этого события, на той же самой сцене краковского Театра им. Юлиуша Словацкого, зрители стали свидетелями различных постановок «Дзядов» (в первую очередь фрагмента, известного под названием «Большая импровизация»), исполненных выдающимися польскими актерами. В частности, в роли Конрада на сцену выходили Густав Холоубек, Збигнев Запасевич, Ян Энглерт, Ежи Треля, Михал Жебровский.

• Международный театральный фестиваль «Диалог», впервые в этом году прошедший во Вроцлаве (куда он был перенесен из Торуни), ставит своей целью «начать диалог между театральными явлениями и стилистиками спектаклей с Востока и Запада». Самыми интересными спектаклями были признаны варшавская постановка «Выключения» Томаса Бернхарда (режиссер Кристиан Люпа), инсценировка «Мастера и Маргариты» Булгакова в постановке Оскараса Коршуноваса из Вильнюса и привезенная Робертом Уилсоном из Копенгагена постановка «Войцека» Георга Бюхнера.

• В этом году лауреатами«Феликсов», важной театральной премии, стали Кристиан Люпа за постановку «Выключения» Томаса Бернхарда, Иоанна Щепковская за роль Эсме в спектакле «По мнению Эми» в Театре Повшехном в Варшаве, Збигнев Запасевич за роль короля Лира в одноименной трагедии Шекспира и Малгожата Хаевская-Кшиштофик и Марек Вальчевский — за роли второго плана. Основатель этой премии (присуждаемой в этом году уже в третий раз) — Феликс Ласки из Лондона, поклонник театрального искусства, обладающий огромными заслугами в деле развития варшавских театров, меценат, оказывающий им неоценимую помощь.

• Празднование столетнего юбилея основания Национальной филармонии сопровождалось публикацией изданного Банковским фондом им. Леопольда Кроненберга альбома «100 лет Варшавской филармонии: 1901—2001». Леопольд Кроненберг был в свое время одним из тех нескольких просвещенных меценатов, на деньги которых была построена филармония, — это был их дар народу. Чтобы почтить их память, в фойе филармонии сегодня установлены мемориальные доски.

• «Говорю «да», думаю «нет»» — таково название нового альбома Эвы Бем, которым эта великолепная вокалистка еще раз доказала, что является одним из лучших голосов в нашей популярной музыке.

• Лауреатом 17-го Варшавского кинофестиваля стал датский фильм «Итальянский для начинающих» Лоне Шерфинга — теплый, душевный рассказ об обыкновенных людях, которым нелегко сблизиться друг с другом и выразить свои чувства. Организаторы фестиваля поставили себе целью показать, что мировое кино — это не только голливудская продукция или сделанные по ее образцу блокбастеры и приключенческие ленты, но и фильмы, обращающиеся к чувствам и разуму зрителя. И что зрители охотно идут на такие фильмы. На Варшавском фестивале залы были заполнены главным образом молодежью, а киноискусство наверняка приобрело себе множество новых поклонников.

• Неожиданной популярностью пользуются «передвижные» кинофестивали, то есть организованные прокатчиками в разных городах страны показы таких фильмов, которые в условиях обычного проката не могли бы рассчитывать на большую аудиторию. А благодаря подобным инициативам эти фильмы хоть и не станут суперхитами, но по крайней мере получат возможность дойти до своих зрителей.

• К съемкам нового фильма приступает режиссер Агнешка Холланд, которая постоянно работает в США («Провинциальные актеры», «Европа, Европа», «Заколдованный сад»). Это первая ее работа в Польше после двадцатилетнего перерыва. Фильм носит название «Юлия возвращается домой» и будет сниматься в рамках немецко-польско-канадского совместного производства.

• С большим интересом ожидается выход на экраны первой польской экранизации прозы Анджея Сапковского, польского мастера сказочно-фантастической литературы. Фильм под названием «Ведьмак» снял Марек Бродский. «Зрителей наверняка привлечет, — пишет рецензент, — личность писателя, но также и целая плеяда популярных актеров во главе с Михалом Жебровским в роли колдуна Геральта, в совершенстве владеющего воинским искусством, одновременно волшебника и человека». Помимо кинофильма, снят и его телевизионный вариант в 13 сериях.

• Одобрительно были встречены критикой два других фильма, недавно вышедших на экраны и относящихся к жанру «авторского кино». «Реквием» Витольда Лещинского — это метафизический рассказ о бренности человеческой жизни и прихотях судь-

бы, с превосходной ролью Франтишека Печки в роли доморощенного святого. Группе оккультистов из Янова посвящен «Ангел Господень» Леха Маевского, снятая в необычном настрое силезская повесть, где волшебство смешивается с действительностью, а фильм превращается в своего рода притчу.

• Польское телевидение показало сериал в семи частях «Маршал Пилсудский», посвященный Юзефу Пилсудскому, одному из виднейших героев польской истории, главному зодчему восстановления независимости Польши после эпохи разделов. Приведем отрывок из беседы с режиссером фильма Анджеем Тшосом-Раставецким. «Что же такого произошло, — говорит он в интервью для газеты «Жечпосполита», — что в 1918 году весь народ, без малейших колебаний, отдал ему власть — почти абсолютную? Я множество раз задавал себе этот нелегкий вопрос... Должно быть, он был наделен огромной «харизмой», наверняка обладал столь важным для политика даром предвидения... Именно то доверие, каким его наделила нация, вероятно, и спасло нас [в 1920 г.] от очередного поражения». Фильм снят в форме интервью-диалога, где уже пожилой Пилсудский отвечает на вопросы матерого журналиста (иногда нарочито провокационные), возвращаясь в своих воспоминаниях к событиям минувших лет.

• Открывшийся в Вилянуве, в Музее плаката, X Салон польского плаката несколько улучшил настроение тех пессимистов, которые уже предрекали конец этого искусства у нас в стране. Появилось множество интересных произведений, обращающихся главным образом к традициям старых мастеров этого жанра, по большей части принадлежащих к школе Генрика Томашевского. «Постепенно сами собой «воскресают», — пишет рецензент «Политики», — и прежние заказчики. В этом году значительную группу составляли, например, работы, посвященные технике безопасности и гигиене труда. Неплохо обстояло дело и с театральными и музыкальными плакатами. И только кинематография, в свое время крупнейший клиент мастеров плаката, по-видимому, уже навсегда останется верна магии крупных рекламных щитов».

• Экспозиция «Дизайн-2001» открылась в выставочных залах Института промышленного дизайна. «Сегодняшняя выставка, — написал во вступлении к каталогу профессор Рафал Штрент, — дает нам возможность познакомиться с создателями тех высокоэстетичных вещей, которые нас окружают и которыми мы владеем... Современному человеку трудно выразить собственную неповторимость. Этого не сделать без участия художников-дизайнеров. У нас их много, они прекрасно владеют своей профессией и обладают огромным творческим потенциалом». Их произведения можно было увидеть на этой выставке, где были представлены достижения польского прикладного искусства последних лет.

• В варшавской галерее «Круликарня» открылась выставка работ Ежи Новосельского, озаглавленная «Villa dei miseri» («Град горемычных»). В основном на ней представлена религиозная живопись, прежде всего иконы, специально размещенные среди колонн, приводящих на мысль архитектуру храма.

• Варшавский Национальный музей показал выставку «Одигитрия. Иконы и изображения Богоматери». На ней представлены собиравшиеся в течение десятилетий коллекции икон, а также предметы церковного прикладного искусства: миниатюрные бронзовые кресты и алтари, — и церковная графика, связанная с почитанием Богоматери.

• Галерея «Захента» на выставке под названием «Цвета самобытности» представила произведения польского искусства из собрания Тома Поделя. Это собрание принадлежит к числу самых крупных и интересных коллекций польского искусства в Америке — в нем более 150 работ авторства 52 художников: прежде всего живопись, но также скульптура, рисунки, гуаши, акварели и литографии. Большинство произведений экспонируются в Польше впервые.

• 16 стипендиатов «Политики», получив символические портмоне и чеки на сумму 25 тыс. злотых, пообещали, что останутся с нами — то есть в стенах польских вузов, чтобы именно здесь проводить в жизнь свои научные пристрастия и педагогические таланты. Кампания «Политики» имеет особое значение именно сегодня, когда из-за отсутствия средств наблюдается утечка ученых из Польши в зарубежные научные учреждения, предоставляющие более надежные гарантии успешной творческой деятельности.

• По всей стране в День поминовения усопших как всегда заполнились автобусы и поезда, удвоилось и утроилось движение на автодорогах. В этот день в Польшу приезжают поляки из самых отдаленных уголков планеты, чтобы навестить могилы своих близких, почтить память павших героев отгремевших сражений. На кладбищах сквозь осенний сумрак поблескивают огоньки лампад, а живые задумываются над тем, что все проходит... Об этом стоит подумать хотя бы в этот единственный день в году —1 ноября.

О НАУКЕ И ВЕРЕ

С архиепископом Юзефом Жицинским беседуют Катажина Яновская и Петр Мухарский

***Архиепископ Юзеф Жицинский** (родился в 1948 г. в деревне Стара-Весь) — митрополит Люблинский, член Папского совета культуры, член Европейской академии науки и искусства в Зальцбурге, член Российской академии естественных наук в Москве, доктор богословия, профессор философии науки (Люблинский католический университет и Папская теологическая академия), автор, в частности, следующих книг: «Язык и метод» (1989), «Сократические медитации» (1992), «Помилование природы» (1992), «Границы рациональности» (1993), «Зерно одиночества» (1997).*

— Как современный человек, усвоивший основы теории эволюции на школьных уроках биологии, в состоянии понять историю Адама и Евы?

— Уже современники св. Августина замечали, что если библейское описание сотворения человека толковать буквально, то либо у Адама до сотворения Евы одно ребро было лишнее, либо после этого он остался калекой до конца жизни. Попытки найти некую однородную картину мира, в которой элементы науки не вступали бы в противоречие с истинами, явленными в Откровении, предпринимались во все времена. Этим занимался еще св. Августин, а Галилей, защищая свою теорию, предъявил своим противникам список крупнейших богословских авторитетов, которые утверждали, что Священное Писание нельзя толковать буквально.

— Не обречены ли мы сегодня на выбор, наверняка неправильный, между двумя картинами мира, как если бы они бесповоротно отделились друг от друга?

— Да, иногда нас принуждают к подобному выбору. В начале XX века американские фундаменталисты, несмотря на свои благие намерения, причинили в этом отношении много вреда. Опасаясь резких перемен и напора современной цивилизации, они решили, что нужно раз и навсегда определить нерушимые основы картины мира, которые должны оставаться в неприкосновенности, чтобы сохранились человек и человеческие ценности. Но когда они начали эти основы определять, то чем дальше, тем дело у них шло хуже. А они продолжали усердствовать, и в конце концов некоторые из них пришли к убеждению, что Священное Писание следует понимать дословно. У нас такое выглядит чудачеством, но на юге США среди христиан можно встретить подобный, в высшей степени антиинтеллектуальный подход, при котором ищут только предлога для нападок на науку и проведения линии фронта между богословием и наукой.

— Но эти пути начали расходиться еще раньше. Конфликт между наукой и верой приводит нам на мысль хотя бы историю Галилея. Разве его осуждение не было объявлением войны науке?

— Может быть, все-таки не науке: наука тогда в ее современном виде просто не существовала...

— Да, но это был первый росток нового понимания науки.

— Действительно, это была попытка создать науку нового типа. Но при этом следует помнить, что Галилей, создавая новую астрономическую модель, работая над принципами новой динамики, еще пользовался чистой риторикой. Его «Диалог о двух системах мира» — это еще отнюдь не «Математические начала натуральной философии» Ньютона. В «Диалоге» собеседники обмениваются аргументами, а самый глупый из них, Симплицио, защищает аргументы, выдвигавшиеся противниками Галилея. К сожалению, Галилей не сумел доказать свою правоту, и до самого открытия звездного параллакса не было решающих доказательств верности его теории. Что еще хуже, иногда он даже опирался на неверные аргументы. Например, он ссылался на якобы наблюдавшиеся мореходами приливы, которых до сих пор никто в глаза не видел. Так что это не был спор между Церковью и наукой. Зато уже были люди, сочувствовавшие взглядам Галилея: они предчувствовали, что возникает новая парадигма науки, что прежняя картина мира должна бесповоротно кануть в прошлое. Среди сторонников Галилея было множество представителей Церкви, и среди противников, разумеется, тоже. Один монах-доминиканец однажды не сдержался и свою проповедь о Вознесении Господнем начал с цитаты из «Деяний»: «Мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо?» — и это, разумеется, был выпад против Галилея. В будущем подобные подтасовки в толкованиях и избыток пустого красноречия привели к болезненным последствиям, за которые нам до сих пор приходится расплачиваться.

— Не был ли причиной всего этого страх перед новой силой, которая может угрожать религии?

— Не будем забывать, что когда Коперник опубликовал свое сочинение, содержащее картину мира, на которую затем опирался Галилей, то в течение длительного времени его теория вовсе не подвергалась какой-либо критике. Богословы допускали истинность коперниковской модели. Однако в период после Тридентского собора богословие, практиковавшееся как реакция на Реформацию, стояло на довольно низком уровне. Церковную дисциплину и принципы канонического права тогда ценили выше, чем глубину богословской мысли. «Возникла проблема? — решим ее с помощью административных распоряжений и правил». К тому же злобные и малодушные люди, которых хватает в любую эпоху, прибегали к интригам и подсовывали иерархам Церкви толкования, объяснявшие, кого имел в виду Галилей, вводя в свой «Диалог» фигуру Симплицио. Многие чувствовали себя оскорбленными, считая, что этот глупец — карикатура на него. Это порождало конфликт, но скорее социологический, нежели содержательный.

— Какая картина мира уходила в прошлое, и что именно в этот момент рождалось? В чем заключался этот перелом?

— Среди различных характерных черт средневековой картины мира я бы поставил на первое место то, что английские историки науки именуют «уютностью». В средневековой Вселенной все было упорядочено. На основе философии Аристотеля развивалась теория «естественного места», и всем было известно, что тяжелые предметы падают вниз, а пух взлетает вверх; что в надлунном мире все неизменно, а перемены происходят только в подлунном. И в такой Вселенной человек чувствовал себя как дома. Его не ужасали бесконечные космические пространства, которые впоследствии приводили в трепет душу Паскаля, а в наши дни — хотя бы Жака Моно. В мире Галилея уютность и ощущение безопасности, столь характерные для прежней картины космоса, исчезают. Поэтому Джон Донн, который отнюдь не был врагом науки, но говорил на языке гуманистов, писал в то время: «Эта новая философия всё разрушить хочет». Сегодня многие боятся компьютеров, а в то время многие гуманисты боялись Галилея и новой науки.

— Этот новый мир должен был к тому же быть самодостаточным? В нем уже не было ангелов, которые, крутя рукоятки, вращали небесные сферы, не было и Господа Бога, который мановением руки пускал в ход весь этот механизм. Оставались лишь слепые и исчислимые физические силы.

— Несомненно, мир новой динамики в каком-то смысле становился бесчеловечным. В нас сидит какая-то детская тоска по неизменной заботливой опеке. Но если сказать, что кто-то о нас печется, а присутствия его мы не видим, все равно возникает страх. И начиная с Кеплера, который так вычислил орбиты планет, что больше не надо было ссылаться на ангелов, вплоть до Ньютона и его продолжателей этот переворот в мироощущении определял позиции представителей традиционного направления в науке и многих гуманистов.

— Ньютон, труды которого гораздо более «наукообразны», чем сочинения Галилея, все же оставил в созданной им картине мира Господа Бога, пекущегося о гармонии вселенной. А богословы начали толковать Ньютона, помещая Бога в те места, которые еще не были охвачены научными знаниями. Богу было отведено место своего рода «затычки» для «белых пятен» в науке. Не кажется ли вам, что в результате они парадоксальным образом открыли дорогу к распространению атеизма?

— Боюсь, что открыли. Трудно сказать, кого тут нужно винить конкретно, процесс был весьма сложный. Следует отметить, что физика Ньютона стала предметом самых разнообразных философских комментариев. Например, сразу же после выхода в свет «Начал» (1687) к ньютоновской физике совершенно по-разному отнеслись англичане и французы. Для англичан стройность математических уравнений некоторым образом свидетельствовала о Божественном Творце этого стройного здания, тогда как Вольтер, восхищаясь Ньютоном, комментировал его труды идеологически, принципиально иначе, нежели сам автор. Он утверждал, что Господь Бог действительно существует где-то там, в потустороннем мире, но у нас, на Земле, свой космос, который мы можем наблюдать и познавать, не задумываясь о Творце. Кстати, Вольтер переводил «Начала» на французский язык вместе со своей приятельницей маркизой дю Шатле, не имея ни малейшего понятия о том, что он переводит, не понимая ни математических формул, ни физических утверждений.

— Кто окончательно изгнал Бога из естественных наук?

— Не думаю, что об этом можно говорить как о чем-то окончательном. В крайнем случае можно сказать, что методология науки сегодня утверждает, что не следует объяснять вмешательством Бога те процессы, которые можно объяснить на языке физических законов. Но это осознавал уже Галилей, когда в своем «Диалоге» писал, что если бы мы ввели гипотезу ангелов для объяснения движения планет, то потом уже ангелами можно будет объяснить все что угодно и вообще естественные науки можно было бы забросить, а заниматься только учением об ангелах. Осознание этого в XIX веке созрело и оформилось в виде так называемого методологического позитивизма. Однако многочисленные иллюзии все равно не исчезли. Когда в XIX веке появился, с одной стороны, позитивизм, а с другой — различные течения материализма, многие авторы были убеждены, что открытие законов сохранения (энергии, импульса и т.д.) и дарвиновская теория эволюции представляют нам мир в вечном развитии, где для Господа Бога просто нет места.

— Эта эпоха научной наивности уже миновала или по-прежнему считается, что наука способна разрешить все извечные проблемы человека?

— К сожалению, в непрерывном процессе развития науки появляются всё новые поколения ученых, которые повторяют ошибки своих предшественников. Кто-то мне недавно рассказывал, что в его лаборатории сотрудники рассуждают совершенно так же, как рассуждал в XIX веке Огюст Конт, инженер по образованию. Они живут иллюзией, что физика всё им объяснит. Между тем все мы понимаем, что пытаться перевести на язык физики наш опыт страдания, любви, дружбы — дело абсолютно безнадежное.

— Оставим пока в стороне экзистенциальные проблемы человека и его духовные шатания. Были ли такие моменты в развитии науки, когда она доходила до пределов познания и внезапно начинала понимать, что сама она либо внутренне противоречива, либо неразрешима?

— Вначале бытовали иллюзии, что таких пределов нет. Еще в начале XX века математики полагали, что если возникает какая-то задача, то решить ее — всего лишь вопрос ума и времени. Иначе говоря, неразрешимых задач не бывает. Соберем команду талантливых сотрудников и всё решим. Это старые мечты Лейбница, который полагал даже, что если найти соответствующий язык, то за пять лет можно будет решить все труднейшие проблемы этики, физики, философии. Позднее, уже постарев, Лейбниц продлевал этот период до ста лет, а некоторые и в XX веке предлагали новые варианты старых лейбницианских иллюзий. Однако в то же время мы открыли в области математики и металогики некоторые «ограничивающие» теоремы, устанавливающие границы рациональных способов постижения истины человеком. А с другой стороны, подобного же рода ограничения были обнаружены в естественных науках — взять хотя бы знаменитый «принцип неопределенности» Гейзенберга. Это было как гром с ясного неба — многим ученым казалось, что их мир рушится.

Сегодня подобные принципы настраивают нас скорее на метафизический лад. Я получил однажды письмо от монахини-поэтессы, которая рассказала мне, что начала всерьез задумываться о своем монашеском призвании в школе, когда на уроке физики проходили «принцип неопределенности» Гейзенберга. То, что одних приводит в ужас, для других может стать отражением тайны.

— Теоретически считается, что от «Курса позитивной философии» Конта ведет начало окончательный диктат разума. В XX веке эта «диктатура разума» усилилась. К чему это привело?

— Иногда слышатся упреки, что мы уничтожили ценность интуиции, стали нечуткими к духовному озарению. Я бы лично в упреках так далеко не заходил. Да, люди определенного типа действительно утратили подобную чуткость, но еще в XIX веке, в эпоху господства позитивизма, романтики защищали «законы сердца» и возражали против того, чтобы поверять алгеброй гармонию. В 1930-е английский ученый Эддингтон писал, что физик, который решил бы относиться к своей жене чисто рационально, как к комплексу электронов, обращающихся вокруг ядер, довольно быстро снова оказался бы холостяком. С этим трудно не согласиться.

Сегодня нам угрожает скорее перегиб в другую сторону. Есть такой тип личностей, который к чему ни притронется, на любой вопрос тут же находит ответ. Я имею в виду главным образом «посвященных в тайну» адептов «Новой Эры» («New Age»), «Эры Водолея» и т.п., а также поклонников новых видов гностицизма, предлагающих иррациональное знание одним избранным. Так у нас образуется новый «передовой класс» в эпистемологии.

Всегда опасно, когда кто-то глубоко убежден в окончательной истинности своего мировоззрения. «Мы приближаемся к пределам познания», «мы создадим справедливый общественный строй», «мы являемся передовым классом» — все подобные заявления следует воспринимать с величайшим недоверием.

— Но характерно, что сегодня различные пародии на религию используют в своих названиях научную терминологию. В свое время говорили о «научном мировоззрении» — и шантажировали нас этим эпитетом... Существует мощная секта сциентологов [от лат. scientia — наука], ничего общего с наукой не имеющая. Откуда берется эта шизофрения?

— Это хуже, чем шизофрения, ибо шизофрения — трагедия, в которой больной неповинен. А здесь мы имеем дело с самозваными кандидатами в пророки, которые с умыслом рядятся в тогу науки. С одной стороны, они прячутся за ее авторитет, а с другой — фактически обесценивают ее подлинные достижения.

— Значит, перед нами крушение веры в силу разума?

— Нет, такие обобщения делать нельзя: в лабораториях, независимо от преходящих мод, ученые продолжают вести исследования и вполне серьезно относятся к своей ответственности за уровень и методы мышления в обществе. Зато в салонах господствуют иные настроения. Если в XIX веке беседовать о научных открытиях считалось признаком хорошего тона, то сегодня можно встретить множество салонных звезд, которые гордятся тем, что понятия не имеют, о чем писал Эйнштейн, или не знают, что такое квантовая механика. Если бы кто-то похвастался тем, что не знает, кто такой Моцарт, это выглядело бы претенциозно и встретилось бы со вполне недвусмысленной оценкой.

— Наверное, когда-то было проще беседовать о ньютоновской оптике и о том, как свет преломляется в призме, чем ныне о том, как пространство искривляется под воздействием гравитации и что собой представляют элементарные частицы. Быть может, в XX веке наука и ее открытия уже так далеко оторвались от наших повседневных представлений, что мы, простые люди, уже неспособны во всем этом разобраться?

— Наверняка ньютоновская физика была ближе к нашим повседневным представлениям, но и в процессе ее формирования возникало немало вопросов, с которыми не так-то легко было справиться. Например, как получается, что два тела гравитационно воздействуют друг на друга на расстоянии? Через что передается сила притяжения? Когда создавалась современная генетика, были попытки представить себе гены как маленьких человечков, находящихся внутри организма и наделенных некоторыми потенциями дальнейшего развития. Чтобы перейти от представлений о человечках к структуре ДНК, потребовалась такая же работа воображения, как и при переходе от мира

точечных частиц и твердых тел к искривленному пространству-времени.

— Поскольку наука развивается все быстрее, а за ее прогрессом следить становится все труднее, то каким образом мы пробуем освоить окружающий мир, чем пытаемся объяснить свои страхи и тревоги?

— Тогда как прежние поколения — хотя бы на переломе XIX-XX веков — пытались свести искусство к физике, сегодня некоторые принимаются рассматривать физику как своеобразную область искусства. И тогда даже квантовую механику описывают в категориях «танца частиц». Специалисты в области балета могут почувствовать себя как у себя дома, но зато, раз это всего лишь танец, становится невозможно разрешить проблемы интерпретации квантовой механики. Я считаю это просто несерьезным. Другое направление, представленное в основном так называемыми принстонскими гностиками, взялось за философские рассуждения в контексте современной физики. Однако серьезные проблемы они решали «на скорую руку», приходя к ужасающим решениям. У них были перемешаны Бог и физика, потом шло несколько глав о квантовой механике, а в конце — один абзац о страдании, из которого следовало, что и эту проблему можно считать окончательно решенной. Все это не более чем дилетантские иллюзии.

Я не могу принять ни одного из этих «решений». Мне ближе те, кто способен увидеть серьезные метафизические проблемы... Раньше людей отпугивало само слово «метафизика», и, если у уважающего себя эмпирика с языка срывалось нечто метафизическое, он сразу полоскал рот. Более того, ученые чурались даже мировоззренческих проблем, считая это занятием для людей почтенного возраста, которые уже ничего не могут сделать в науке и потому ищут «синтеза». Даже шутка такая была: «Поиск синтеза есть признак склероза». Сегодня мы освободились от этих страхов — и отчасти жаль: когда толпы амбициозных физиков двинулись на покорение метафизических высот, в результате нас оделили вышеупомянутыми иллюзорными решениями.

Но в то же время не может не радовать, что развитие естественных наук многих заставляет осознать, насколько важны вопросы, неразрывно связанные с существованием самого человека, вопросы, которых естественные науки вообще не ставят и тем более не пытаются на них ответить. А нам приходится с этими вопросами жить, ища ответов в других областях — в философии или богословии.

— Люди склонны впадать из крайности в крайность. Нельзя ли в связи с этим предположить, что после эпохи диктата разума нам угрожает «постинтеллектуальная» эпоха?

— Боюсь, что эта эпоха уже наступила. Когда я слышу некоторые высказывания об «империализме разума», когда читаю тексты, в которых читателей запугивают тем, что знание законов логики обедняет духовную жизнь человека, тогда я начинаю опасаться, что определение человека как «разумного животного» («animal rationale») для нашего поколения уже звучит слишком гордо.

— Может быть, отвергнув рациональное мировоззрение, человек внезапно почувствовал себя свободным?

— В том-то и заключается вся трудность, что слово «свободный» используется в самых различных значениях — когда мне встречаются некоторые его истолкования, я вижу в них лишь новую форму порабощения. Нам говорят: мы живем в этом мире, мы не в состоянии его изменить, а значит, самое большее, что мы можем сделать, — это, пустив в ход нашу фантазию, отплыть в мир иллюзий и видеть сны о Новой Эре. Это бегство в мир воображения, столь недооцененного в XIX веке.

— А если это всего лишь возвращение к первобытной наивности, столь необходимой человеку для понимания мира?

— Если первобытную наивность проявляет пятилетний ребенок, в этом есть даже некоторое обаяние, но когда наивность, вполне терпимую у ребенка, начинает демонстрировать человек на пятом десятке, меня охватывает глубокое чувство жалости к нему, которое подчас было бы еще более острым, если бы не христианская заповедь любви к ближнему.

— Наивность мы связываем также с даром удивления, а это дар огромной важности, в том числе и для ученого...

— Из удивления родилась философия. «Боже, научи меня уметь удивляться» — это молитва Абрахама Гешеля. Но это совершенно иной род удивления.

— Существует ли такая область знания, которая могла бы стать связующим звеном между этими двумя картинами мира: гуманитарной и естественно-научной?

— Я полагаю, что натурфилософия — та сфера, где мы можем ставить множество вопросов, неудобных как для самого естественника, так и для философа, который предпочел бы запереться в башне из слоновой кости. Вейцзеккер вспоминает, что когда он в школе учил физику, его интересовало, почему не бывает железнодорожных «антикрушений» — таких, чтоб поезд, сошедший с рельсов, сам по себе въезжал на них обратно. Ведь с чисто статистической точки зрения это допустимо. Или, например, он спрашивал учителя физики, что такое, собственно говоря, энергия, а тот отвечал: это такая величина, которая описывается обозначением *E* в этом уравнении. И на этом все объяснения заканчивались. Впоследствии Вейцзеккер сам предпринял попытку философского осмысления вопросов, которыми занимаются естественные науки. Я помню, как лет 10–15 назад в Кракове он рассказывал о понятии красоты в категориях нравственной ответственности. Быть может, драма нашей эпохи состоит в том, что мы стали нечувствительными к красоте и устранили из наших колебаний и сомнений категорию ответственности.

— Попробуем задуматься над состоянием ученого, естествоиспытателя, который наблюдает распад элементарных частиц или смотрит в телескоп. В чем ему может помочь сознание того, что все, на что он смотрит, было сотворено? Есть ли вообще в науке место для созерцательности, и если да, то что может созерцать ученый?

— Для нашей эпохи знаменательно, что все больше практиков-естественников выражают свои чувства, связанные с восхищением или чистым созерцанием окружающего мира. Разумеется, так поступают далеко не все. Стивен Хокинг не согласен с Эйнштейном, который говорил, что жалок тот физик, который, глядя на Вселенную, не в состоянии ею восхищаться. Как утверждает Хокинг, ему лично восхищение незачем. Есть уравнение, и нужно искать его решения. Я бы назвал подход Хокинга «ремесленническим», а эйнштейновский — подходом «мудреца», позволяющим не только увидеть проблемы, но и найти их место в контексте всего сущего. Быть может, у Хокинга это неприязненное отношение к созерцанию природы связано с тем, что, когда его организм был измучен тяжелейшей болезнью, он по необходимости был вынужден сосредоточиться на самом существенном — выжить, заниматься наукой, публиковаться...

— Грустная картина нашего времени возникает из нашей беседы...

— У меня не возникло ощущения, что наша беседа дышит пессимизмом. Мне казалось, что это всего лишь реалистический взгляд на вещи. Из того факта, что в литературе или живописи не было создано шедевров, я бы не извлекал слишком пессимистических выводов: иногда худшим явлением становится создание фальшивых шедевров. Зато возникают новые области творческого контакта с действительностью, которые несет с собой революция в информатике. Интернет, передача информации с огромной скоростью, компьютерная графика предназначены не для одного лишь узкого круга специалистов. Это новые области, выявляющие новые возможности развития человека.

— Как вы полагаете, будут ли эти два различных мировоззрения: одно, вдохновленное верой, и другое, берущее начало в науке и знании, — отдаляться друг от друга?

— Перемены, происшедшие в минувшем веке, свидетельствуют, что попытка радикального противопоставления этих двух мировоззрений, предпринятая позитивизмом, оказалась решением упрощенным. Если я сегодня иногда чего и боюсь, то, скорее, некоторых физиков и биологов, у которых Господь Бог слишком легко появляется в решениях уравнений, а также тех, кто говорит, что Бог нам ни на что не нужен, потому что любую задачу мы решим с помощью соответствующего уравнения. Обогащенные опытом нескольких поколений, осознавая стоящие перед нами важнейшие метафизические вопросы, мы будем не разделять различные плоскости познания, а искать для них взаимно дополняющие друг друга формулы.

— То есть, как говорится, равновесие?

— Равновесия легко (может, даже слишком легко) достичь за письменным столом, а в жизни мы все несем ответственность за то, чтобы донести до людей эти метафизические вопросы, это живое вдохновение, ведущее к высшей культуре. Речь идет о том, чтобы идеалом не стал «человек без свойств» и без убеждений, реагирующий павловскими условными рефлексами на раздражители, поступающие с экрана телевизора.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Редакции журнала «Новая Польша»

от ветерана войны
Дажина Дм. Пав.
Россия – Москва

Дорогая редакция,

мне иногда удается прочитывать номера журнала «Новая Польша». Я с интересом читаю его, потому что с Польшей в моей фронтовой жизни многое связано. Мне довелось быть в составе 59-й армии 1-го Украинского фронта (команд.. Коровников), быть свидетелем освобождения многих польских городов, в том числе Кракова, Катовице, Гливице и других, быть в освобожденной Ченстохове и в Бунлау. Много было добрых встреч, добрых впечатлений.

После войны мы, журналисты армейской газеты, возвращались через Краков в середине июля. Там были торжества и войска нашей армии прошли на этих торжествах парадом, возложили венцы на площади Барбакан. Группа наших журналистов посетила Вавель и возложила венок на могилу Адама Мицкевича.

Чем интересен Ваш журнал?

Прежде всего материалами о культурной жизни современной Польши, о ее литературе, публикациями о истории польско-российских отношений, выступлениями таких видных литераторов как Чеслав Милош, «Польские поэты в русских переводах» (№ 5), там же «Поляки в истории Сибири», стихотворениями Яна Твардовского в № 4. Можно много перечислять материалов, которые близки сердцам русских читателей. Спасибо Вам за то, что укрепляете мосты между нашими странами и нашими культурами. Это благородная миссия, ибо Польша близка нам, с ней много связано и жаль, что не всегда есть возможность приобретать Ваш журнал.

С уважением
ветеран войны, армейский журналист Дм. Дажин
1916 г. рожд.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Суд над современным поляком

З.Флорчак: О картинах Ежи Новосельского

Л.Шаруга: О творчестве Густава Херлинга-Грудзинского

С.Лем: О России, Польше и «Новой Польше»

А.Корашевский: Об интенсивном хозяйстве

П.Вежбицкий: Об Анджее Вежбицком

Я.Янковяк: Если так плохо, то почему так хорошо?

К.Бурнетко: Газетный киоск

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме

Я.Шимак-Райфер: О Рышарде Пшибыльском

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к концу столетия

Наши за границей: А.Северин, Ю.Хурвиц, П.Слонимский, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, Я.Котт, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша» распространяется бесплатно

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ***ПИ № 77-1063*** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии .

NOWE
KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ
ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономии и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGODNIK
ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике . Выходит раз в две недели.

LITERATURA
na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374

Бесплатный экземпляр